

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 4 (32) 2020

Главный редактор:

Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, профессор

Зам. главного редактора:

Плаксына Т.А., д-р юрид. наук, доцент

Ответственный за выпуск:

Авдюшкин Е.Г.

Состав редакционного совета:

Абызов Р.М., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Анисимов П.В., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Аничкин Е.С., д-р юрид. наук, профессор
Арыстанбеков М.А., д-р юрид. наук, доцент
Афанасьев В.С., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Баранов А.М., д-р юрид. наук, профессор
Бекетов О.И., д-р юрид. наук, профессор
Бучакова М.А., д-р юрид. наук, доцент
Васильев А.А., д-р юрид. наук, доцент
Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор
Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор
Князьков А.С., д-р юрид. наук, доцент
Кодан С.В., д-р юрид. наук, профессор
Корякин И.П., д-р юрид. наук
Кузьмина И.Д., д-р юрид. наук, доцент
Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор
Майле А.Д., канд. юрид. наук, доктор права,
магистр административных наук
Сизимова О.Б., д-р юрид. наук, профессор
Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент
Филиппов П.М., д-р юрид. наук, профессор
Харитонов А.Н., д-р юрид. наук, профессор
Чечетин А.Е., д-р юрид. наук, профессор
Шарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор
Шепель Т.В., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционной коллегии:

Арсенова Н.В., канд. юрид. наук
Баньковский А.Е., канд. юрид. наук
Белицкий В.Ю., канд. юрид. наук, доцент
Бублик И.Г., канд. юрид. наук, доцент
Кригер А.Е., канд. юрид. наук, доцент
Михалева Д.А., канд. юрид. наук, доцент
Овчинникова О.Д., канд. юрид. наук, доцент
Репьев А.Г., д-р юрид. наук, доцент
Семенюк Р.А., канд. юрид. наук, доцент
Тырышкин В.В., канд. юрид. наук, доцент
Чесноков А.А., канд. юрид. наук, доцент
Шаганова О.М., канд. юрид. наук
Шебакин А.В., канд. юрид. наук, доцент
Шмидт А.А., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю.С.

Редактура: О.Н. Татарниковой, Ю.С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О.Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с ОАО «Роспечать» 70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru).
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 13.11.2020.
Выход в свет 20.11.2020.
Заказ № 351. Формат 60х84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 21,5. Тираж 80 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2020

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 4 (32) 2020

Editor-in-Chief:

Anokhin Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Deputy Editor-in-Chief:

Plaksina T.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Responsible for Issue:

Avdyushkin Ye.G.

Editorial Advisory Board:

Abyzov R.M., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia
Anichkin E.S., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Anisimov P.V., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia
Afanasyev V.S., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia
Arystanbekov M.A., Doctor of Juridical Sciences, professor
Baranov A.M., Doctor of Juridical Sciences, professor
Beketov O.I., Doctor of Juridical Sciences, professor
Buchakova M.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Chechetin A.E., Doctor of Juridical Sciences, professor
Filippov P.M., Doctor of Juridical Sciences, professor
Gerasimenko Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia
Goncharov I.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Derishev Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Kim D.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Kharitonov A.N., Doctor of Juridical Sciences, professor
Knjazkov A.S., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Kodan S.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Koryakin I.P., Doctor of Juridical Sciences
Kuzmina I.D., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Maile A.D., Candidate of Juridical Sciences, Doctor
of Juridical Sciences, Master of Administrative Sciences
Mazunin Ya.M., Doctor of Juridical Sciences, professor
Sizemova O.B., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Sumachev A.V., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Sharapov R.D., Doctor of Juridical Sciences, professor
Shepel T.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Vasiliev A.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Editorial Review Board:

Arsenova N.V., Candidate of Juridical Sciences
Bankovskij A.E., Candidate of Juridical Sciences
Belitskij V.Yu., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Bublik I.G., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Repev A.G., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Kriger A.E., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Ovchinnikova O.D., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Semenyuk R.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Tirishkin V.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Mikhaleva D.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Chesnokov A.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Shaganova O.M., Candidate of Juridical Sciences
Shebalin A.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Shmidt A.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu.S.

Proofreading: O.N. Tatarnikova, Yu.S. Zholobova

Desktop publishing: O.N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere
of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications.
Registration certificate
PI No. FS77-57487 dated
27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Doctor and
Candidate of sciences

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index in the catalog
of «RosPechat»
Agency Ltd is 70801

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,
Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
www. <http://vestnik.buimvd.ru>.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 13.11.2020.
Issue date 20.11.2020.
Order 351. Format 60x84/8.
Conventional printed sheets 21,5.
Issue 80 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2020

Содержание

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

<i>Биюшкина Н.И.</i> Теория полицейского государства и права в контексте современных проблем цифровизации	7
<i>Зайнутдинов Д.Р.</i> Либерально-демократический путь российского конституционализма в 1917-1920 гг.	13
<i>Моисеев С.В.</i> Институт брака и семьи в современном Китае (особенности правовой архитектоники) ..	19
<i>Овчинникова О.Д., Шаганян А.М.</i> О реализации концепции «электронного государства» в современной российской реалии	24
<i>Ягофарова И.Д.</i> Сущность права: теоретико-методологический анализ амбивалентности	30

Административное право и административный процесс

<i>Андреев Д.В.</i> Актуальные вопросы легализации дистанционной продажи алкогольной и спиртовой содержащей продукции	35
<i>Гришаков А.Г., Елфимова Е.В., Коркин А.В.</i> Административно-правовой механизм обеспечения экономической безопасности: теоретический аспект.....	39
<i>Гумаров И.А., Тырышкин В.В.</i> Проблемные вопросы привлечения к ответственности физических и юридических лиц за незаконный оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции	47
<i>Карнаухов О.П., Медведев И.В.</i> О проблемах правового регулирования и применения наружного досмотра полицией	51
<i>Мальченкова В.В., Мальченков Е.В., Лихова А.А.</i> Некоторые административно-правовые и уголовно-правовые аспекты регулирования вопроса жестокого обращения с животными	56
<i>Попова О.О.</i> Проблемы осуществления органами внутренних дел административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.....	61
<i>Чечетин А.Е., Шатохин И.Д.</i> Допустимы ли административные задержание и досмотр в оперативно-разыскной деятельности?.....	65

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

<i>Бегишев И.Р.</i> Уголовно-правовые и криминологические аспекты применения робототехники	72
<i>Борков В.Н., Алгазин И.И.</i> Учет характера и степени общественной опасности при квалификации преступлений.....	80
<i>Ботвин И.В.</i> Тенденции уголовной политики в сфере противодействия рейдерству в России.....	85
<i>Заварыкин И.Н., Кошеваров А.А.</i> Некоторые проблемы обеспечения виктимологической безопасности сотрудников органов внутренних дел в служебной деятельности.....	90
<i>Семенюк Р.А.</i> Борьба с деструктивными сектами в России как криминологическая проблема.....	94
<i>Суверов С.Е.</i> Генезис нормы о примирении с потерпевшим как основания освобождения от уголовной ответственности в Уголовном кодексе Российской Федерации	100
<i>Фризен П.Д.</i> Современные факторы, способствующие совершению краж и угонов транспортных средств в России.....	106

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

<i>Аксенова Л.Ю.</i> Установление отдельных обстоятельств при расследовании мошенничеств в сфере кредитования	111
<i>Арсенова Н.В., Пашаева Э.Х.</i> Отдельные проблемы досудебного производства с участием иностранных граждан	118
<i>Деришев Ю.В., Мокляк В.С.</i> Проблемы личного участия лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера	123
<i>Екимцев С.В.</i> Оперативно-разыскная характеристика мошенничества и его видов.....	130
<i>Кудряшова Е.С.</i> Целесообразность смены приоритетов в оценке деятельности органов дознания	135

<i>Лукьянова А.А.</i> Проблемы реализации права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе: правовые позиции ЕСПЧ	139
<i>Макаров Р.А., Кузнецов А.А.</i> Следственная профилактика хищений с банковских карт, совершаемых дистанционно с использованием средств сотовой связи	144

Гражданско-правовые отношения

<i>Анохин Ю.В., Селиванов А.С.</i> О разумности срока оставления искового заявления без движения.....	151
<i>Бабылкина Е.В.</i> Частно-публичные аспекты контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: к дискуссии о правовой природе	155
<i>Благоев В.И., Шустова Е.П., Мищенко И.В.</i> Анализ нормативно-правовой базы формирования рынка органической продукции (на примере Казахстана, России и Болгарии)	162
<i>Минкина Н.И.</i> Юридическая ценность актов высших судебных органов (на трудовые правовые примеры).....	168

CONTENTS

STATE AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

<i>Biyushkina N.I.</i> Theory of Police State and Law in the Context of Modern Digitalization Issues	7
<i>Zaynutdinov D.R.</i> Liberal Democratic Way of the Russian Constitutionalism in 1917-1920	13
<i>Moiseev S.V.</i> Institution of Marriage and Family in Contemporary China (Special Aspects of Legal Formation).....	19
<i>Ovchinnikova O.D., Shaganyan A.M.</i> On the Implementation of the Concept of «Electronic State» in the Modern Russian Reality	24
<i>Yagofarova I.D.</i> Essence of Law: Theoretical and Methodological Analysis of Ambivalence.....	30

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

<i>Andreev D.V.</i> Current Issues of Legalization of Remote Sale of Alcoholic and Alcohol-Containing Products.....	35
<i>Grishakov A.G., Elfimova E.V., Korkin A.V.</i> Administrative and Legal Mechanism for Ensuring Economic Security: Theoretical Aspect	39
<i>Gumarov I.A., Tyryshkin V.V.</i> Problematic Issues of Bringing to Responsibility Individuals and Legal Entities to Justice for Illegal Traffic of Alcoholic and Alcohol-Containing Products	47
<i>Karnaikhov O.P., Medvedev I.V.</i> Problems of Legal Regulation and Application of External Inspection by the Police.....	51
<i>Malchenkova V.V., Malchenkov E.V., Likhova A.A.</i> Some Administrative-Legal and Criminal-Legal Aspects of Regulating the Issue of Animal Cruelty	56
<i>Popova O.O.</i> Problems of Administrative Supervision over Persons Released from Detention Facilities by Internal Affairs Bodies	61
<i>Chechetin A.E., Shatokhin I.D.</i> On the Possibility of Administrative Detention and Examination in the Operational-Search Activities	65

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

<i>Begishev I.R.</i> Criminal Legal and Criminological Aspects Applications of Robotics	72
<i>Borkov V.N., Algazin I.I.</i> Consideration of the Character and Degree of Public Danger when Qualification of Crimes.....	80
<i>Botvin I.V.</i> Trends in Criminal Policy in the Field of Countering Raiding in Russia	85
<i>Zavarykin I.N., Koshevarov A.A.</i> Some Problems of Ensuring Victimological Safety of Internal Affairs Officers during their Professional Activities.....	90
<i>Semeniuk R.A.</i> Fighting Destructive Sections in Russia as Criminological Problem	94
<i>Suverov S.E.</i> Genesis of the Regulation on Settlement with the Injured Party as the Basis of Exemption from Criminal Liability in the Criminal Code of the Russian Federation	100
<i>Frizen P.D.</i> Current Factors Contributing to Autotheft and Joyriding in Russia.....	106

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSICS ENQUIRY, INVESTIGATIVE ACTIVITY

<i>Aksenova L.Yu.</i> Establishing Individual Circumstances in the Investigation of Credit Fraud	111
<i>Arsenova N.V., Pashayeva E.Kh.</i> Some Problems of Pre-Trial Proceedings Involving Foreign Citizens	118
<i>Derishev Yu.V., Moklyak V.S.</i> Problems of Personal Participation of the Person in Relation to whom Proceedings on the Application of Compulsory Medical Measures are Being Conducted	123
<i>Ekimcev S.V.</i> Operational Search Characteristic of Fraud and its Kinds	130
<i>Kudryashova E.S.</i> Feasibility of Changing Priorities in the Evaluation of the Activities of Inquiry Bodies...135	
<i>Lukyanova A.A.</i> Problems of Realization of the Right to Liberty and Security in Criminal Proceedings: Legal Positions of the European Court of Human Rights	139
<i>Makarov R.A., Kuznetsov A.A.</i> Investigative Prevention of Remote Theft and Fraud Caution Fulfilled through the Mobile and Electronic Bank Cards.....	144

CIVIL LEGAL RELATIONS

<i>Anokhin Yu.V., Selivanov A.S.</i> On the Reasonableness of the Term for Suspension of a Statement of Claim...	151
<i>Babylkina E.V.</i> Private-Public Aspects of the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works and Services for Provisioning Governmental and Municipal Needs: to Discuss the Legal Nature	155
<i>Blagoev V.I., Shustova E.P., Mischenko I.V.</i> Analysis of Regulatory Framework for Formation of Organic Products Market (on the Example of Kazakhstan, Russia and Bulgaria)	162
<i>Minkina N.I.</i> Legal Value of Acts of the Higher Judicial Authorities (on Legal Examples)	168

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

УДК 340.12

Н.И. Биюшкина, доктор юрид. наук, профессор

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

E-mail: asya_biyushkina1@list.ru

ТЕОРИЯ ПОЛИЦЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье рассматривается теория полицейского государства и права в контексте современных проблем цифровизации. Автор делает вывод о том, что процесс цифровизации и некоторые тенденции, отмеченные в положениях теории полицейского государства, имеют схожие черты. Однако информатизация общественных отношений, как и деятельность правоохранительных органов, в условиях полицейского государства приводит к тотальному контролю над жизнью граждан, что способствует ограничению их прав и свобод.

Ключевые слова: теория полицейского государства и права, цифровизация, цифровая модель развития, информационное общество, информационные технологии, тотальный контроль.

N.I. Biyushkina, Doctor of Juridical Sciences, professor

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: asya_biyushkina1@list.ru

THEORY OF POLICE STATE AND LAW IN THE CONTEXT OF MODERN DIGITALIZATION ISSUES

The article considers theory of police state and law in the context of modern digitalization issues. The author concludes that the digitalization process and the theory of the police state have similar features. However, the informatization of public relations, as well as the activities of law enforcement agencies in a police state, leads to total control over the lives of citizens, which helps to limit their rights and freedoms.

Key words: theory of police state and law, digitalization, digital development model, information society, information technology, total control.

В настоящее время переход российского общества к цифровой модели развития является неслучайным. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы [12] определила цель, задачи и меры реализации внешней и внутренней политики страны в сфере применения коммуникационных и информационных технологий, приоритеты в развитии информационного общества и национальной цифровой экономики, предопределяя тем самым информатизацию права. Кроме того, не вызывает сомнения тот факт, что правосудие РФ претерпевает переломный период цифровизации, которая влечет за собой унифицирование правоприменительной практики. Это существенно влияет на трансформацию содержания права, что, безусловно, требует осмысления.

Одной из первых сфер, подвергшихся процессу цифровизации, стала экономика. Первоначально цифровизация реализовывалась в нефтяной, металлургической, машиностроительной отраслях. Впоследствии, по мнению исследователя Л.Д. Капраловой, роль цифровой экономики значительно возросла. Она отмечает: «...ежегодное увеличение цифровой экономики в ВВП в мире составляет 18%» [9, с. 60]. Несмотря на то что РФ в настоящее время не входит в число лидеров развития цифровой экономики, ее элементы присутствуют практически во всех сферах жизни общества, начиная от государственных услуг (получение разрешений, декларирование и уплата налогов, таможенное сопровождение и пр.) и заканчивая организацией ведения бизнеса (логистические услуги, банкинг, электронные площадки для проведения тендеров и закупок). В данном случае предназначение цифровизации заключается в повышении доступности и эффективности услуг, повышении прозрачности условий ведения бизнеса, в т.ч. в защите прав и имущества граждан. Особое значение в этой связи имеет внедрение инновационных методов борьбы с незаконными банковскими операциями, которые, в свою очередь, предоставляют банкам возможность всеобъемлющего контроля над финансовыми операциями как физических, так и юридических лиц. Соответствующие возможности соотносятся с «...проблемой противодействия отмыванию доходов и фиксированию терроризма и регламентированы Федеральным законом от 07.08.2001 № 115-ФЗ "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма"» [10, с. 183].

Процесс информатизации обуславливает ряд угроз неприкосновенности частной жизни граждан. Одна из таких угроз связана с использованием технологии GPS, позволяющей посредством устройств спутниковой системы глобального позиционирования определять местонахождение объектов. Кроме

того, в последнее десятилетие нашла свое применение технология RFID-меток, используемая для маркировки товаров в магазинах для отслеживания потребительского поведения покупателей. Несмотря на определенную экономическую выгоду в использовании данной технологии, она создает реальную угрозу неприкосновенности частной жизни из-за возможности дистанционного считывания информации с RFID-метки без ведома ее владельца не только сотрудниками магазина, но и преступниками.

Вторая угроза неприкосновенности частной жизни связана с уязвимостью биометрических систем. Примечательным является принятие странами «Большой семерки» стандартов о внедрении высокотехнологических паспортов, снабженных микрочипами. В этой связи в РФ была сформирована нормативно-правовая база для изготовления, оформления и контроля паспортно-визовых документов с использованием биометрической информации. Стоит отметить, что подобное внесение биометрических персональных данных угрожает не только частной жизни граждан, но и безопасности государства в случае дистанционного снятия данных преступниками. Таким образом, использование биометрических технологий, информатизация общества в целом приводят к тотальному контролю над гражданами, а следовательно, к ограничению их прав и свобод.

Необходимо подчеркнуть, что идеи цифровизации общества на современном этапе во многом схожи с определенными тенденциями, содержащимися в положениях теории полицейского государства и права. Идея тотального контроля и надзора за обществом в целом, отдельными социальными группами и индивидами в частности была характерна для учений идеологов полицейского государства и права. Сходными являются цели цифровизации и деятельности полицейского государства, полиции. Как справедливо отмечает исследователь И.А. Андреева в своей диссертационной работе, «полиция, ставшая основополагающим принципом абсолютистского государства, функционировала также и в целях общего блага. Масштабы и значение ее в результате были настолько велики, что им вполне соответствует известная формула времен Петра Великого – "полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства"» [1, с. 57].

Учеными-полицистами была разработана классификация контроля и надзора по основным его направлениям воздействия на индивида. Так, в XIX в. в науке полицейского государства и права различались следующие виды контроля и надзора: полицейский, пенитенциарный, паспортный, налоговый, финансовый.

В реализации охранительной функции государства основное место занимал полицейский надзор, который подразделялся по формам организации, проведения и по правовым последствиям на гласный, негласный надзор и негласное наблюдение. В ходе корректировки реформ Александра II происходит регламентация этих видов надзора. Процедура гласного надзора регулировалась Положением «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. [14], в соответствии с которым на территории Российской империи могло быть введено исключительное положение. Этот правовой режим значительно расширял пределы власти административно-полицейских органов. Данный нормативно-правовой акт предусматривал введение таких правовых режимов, как усиленная охрана и чрезвычайная охрана. Усиленная охрана вводилась при совершении преступных посягательств на государственный строй, частных лиц и их имущество. Право объявления режима усиленной охраны в той или иной местности предоставлялось генерал-губернаторам, могло вводиться на 1 год. Режим чрезвычайной охраны осуществлялся в том случае, «...когда такими посягательствами население известных местностей будет приведено в тревожное настроение, вызывающее необходимость принятия исключительных мер» [14]. Российский политический деятель и правовед В.М. Гессен отмечал, что «...основания для объявления исключительного положения были сформулированы весьма неопределенно, что давало широкий простор как местной администрации, так и простым обывателям» [7, с. 48]. В отличие от усиленной охраны положение чрезвычайной охраны вводилось Комитетом министров, начиная с 1906 г. – Советом министров Российской империи, на 6 месяцев. В первом и во втором случаях продление сроков осуществлялось на основании решения Комитета министров. Стоит подчеркнуть, что Положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г., первоначально введенное как «временная мера», действовало вплоть до февраля 1917 г.

Негласный надзор регламентировался Положением «О негласном надзоре», утвержденным Министром внутренних дел 1 марта 1882 г. [20, с. 19] и введенным в действие циркуляром МВД от 9 апреля 1888 г. № 1365 [20, с. 18]. Вместе с тем ученые-полицисты, упоминая о данном институте в своих трудах, не останавливаются на его подробном теоретико-правовом анализе, определяя «...негласный надзор как самую неопределенную особую форму полицейского надзора» [6, с. 44]. В Положении «О негласном надзоре» от 1 марта 1882 г. подчеркивалось, что «...надзор должен осуществляться способами, исключаящими возможность поднадзорного

узнать об установленном за ним наблюдении» [20, с. 19]. Это во многом обуславливалось тем, что надзор осуществлялся за «...лицами сомнительной благонадежности» [20, с. 19]. При этом МВД различало понятия «негласное наблюдение» и «негласный надзор». Негласное наблюдение представляло собой «...исключительно розыскную меру, учреждаемую Департаментом полиции или местными властями временно с целью проверки полученных сведений о вредной деятельности определенного лица, его связей, а также обнаружения разыскиваемых лиц, которые по имеющимся указаниям могли войти с ним в контакт» [4, с. 80]. Негласное наблюдение осуществляли жандармские управления. Сведения о результатах негласного наблюдения отправлялись в Департамент полиции. Как справедливо отмечал российский правовед И.Т. Тарасов, «...процедура негласного наблюдения являлась первоначальной мерой проверки политической благонадежности лица. В случае подтверждения подозрений государство устанавливало за ним негласный надзор» [17, с. 71].

Охранительная функция государства активно проявлялась также в форме пенитенциарного надзора, который подразделялся по субъектам и формам организации на надзор над тюремными заключенными, над ссыльнокаторжными и в отношении ссыльнопоселенцев. Устав «О ссыльных», Высочайше утвержденный 22 июля 1822 г. [18], стал первым кодифицированным нормативно-правовым актом, объединившим действующие акты по вопросам ссылки и регламентирующим деятельность губернской администрации по данному предмету. Положениями Устава «О ссыльных» от 22 июля 1822 г. подчеркивался двойкий характер ссылки в Сибирь – на каторжные работы или на поселение. Были сформированы специальные органы управления ссылкой – Приказ о ссыльных в Тобольске и экспедиции о ссыльных в губернских городах. Нормы, содержащиеся в статьях Устава «О ссыльных» от 22 июля 1822 г., детально регламентировали не только порядок отправления, но и правовое положение ссыльных, находящихся на каторге и на поселении. Лица, осужденные на каторжные работы, подразделялись на 3 разряда. Осужденные без срока или на время свыше 12 лет именовались каторжными первого разряда; осужденные к работам на время свыше 8 и до 12 лет – каторжными второго разряда, а на время от 4 до 8 лет – каторжными третьего разряда. Лица, относившиеся к категории бессрочных каторжных, должны были содержаться отдельно от других. При поступлении на работу каторжные зачислялись в разряд испытуемых и содержались в острогах, бессрочные – в ножных и ручных кандалах, срочные – в ножных кандалах. Срок каторги мог быть сокращен для тех, кто не подвергался взысканиям. Лица, осужденные на бес-

срочную каторгу, по истечении 20 лет с утверждения высшего начальства могли быть освобождены от работ. Это правило не распространялось на отцеубийц и убийц матерей.

На основании ст. 2 Положения «О полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей» от 12 марта 1882 г. пенитенциарный надзор над ссыльнокаторжными и ссыльнопоселенцами учреждался «...в силу самого водворения и на срок, для него определенный» [13], т.е. являлся не самостоятельной, а дополнительной мерой, которая прекращала свое действие по окончании срока ссылки. Под надзором полиции находились и члены семей ссыльнокаторжных и ссыльнопоселенцев. Жандармские управления докладывали об их перемещении в губернскую канцелярию. Этот нормативно-правовой акт регулировал меры ответственности в отношении ссыльнопоселенцев. Разрешалось производство обысков «во всякое время» и «во всех без исключения помещениях» даже при отсутствии каких-либо оснований. Ссыльнопоселенцы должны были появляться в участке по первому требованию полиции, их корреспонденция подвергалась проверке. Полностью было запрещено занятие общественно-политической деятельностью. Передвижение ссыльнопоселенцев осуществлялось только по уважительным причинам, на уровне уезда контролировалось полицейским управлением, по губернии – губернатором.

Такие вопросы, как надзор над тюремными заключенными, управление местами заключения, правила внутреннего распорядка в тюремных учреждениях, регламентировались Уставом «О содержащихся под стражею», Высочайше утвержденным 10 сентября 1886 г. [19]. Главное тюремное управление периодически проверяло места заключения на предмет соблюдения тюремными инспекторами норм действующего пенитенциарного законодательства. Так, например, «...в отношении Главного тюремного управления от 31 января 1891 г. № 4 циркулярно сообщалось нижегородскому губернатору, что «при посещении некоторых мест заключения в течение минувшей осени начальником Главного тюремного управления неоднократно было замечено, что заключенные под стражу по обвинению в тяжких преступлениях, а также каторжные и бродяги содержатся без кандалов и заковываются только при отправлении в ссылку» [5, с. 169]. Начальник главного тюремного управления А.П. Саломон отмечал: «Чины тюремного надзора разделяются, прежде всего, на две главные группы: младших и старших надзирателей. Младшие надзиратели наблюдают непосредственно за арестантами, старшие надзиратели наблюдают за исполнением службы младшими» [16, с. 22]. Состав тюремных надзирателей формировался из числа отставных военных чинов. Специальных

требований к должности тюремного надзирателя не предъявлялось. Они находились в полном подчинении начальника тюрьмы.

Реализация охранительной функции Российского государства ярко проявлялась в осуществлении паспортного контроля, который подразделялся по субъектам и осуществлялся дифференцированно в отношении лиц, имеющих право на паспорт на общих основаниях; лиц, имеющих право на заграничные паспорта, в т.ч. дипломатические паспорта; лиц, ограниченных в правах, имеющих специальный паспорт. Паспортный контроль являлся одним из важных направлений деятельности полиции. Известный юрист, профессор Императорского Санкт-Петербургского университета И.Е. Андреевский отмечал: «Наблюдение за путешествующими... осуществляется до сих пор в некоторых государствах через паспорта. Паспортами достигается несколько целей: никто не может путешествовать без разрешения начальства, выдающего паспорт; облегчается преследование преступников» [2, с. 42].

Проблема паспортного контроля и одновременно его значение для обеспечения безопасности государства всесторонне освещались на страницах сочинений профессора полицейского права Юрьевского университета Н.Н. Белявского: «...право передвижения, входя в состав основных прав человека, признается законодательством всех стран. Но к задачам полицейского права относится забота о предотвращении опасностей, могущих произойти от передвижения лиц... Таким образом, в паспорте заключался: 1) принцип разрешения на оставление своего местопребывания и 2) формальное удостоверение личности» [3, с. 64].

Непосредственно после отмены крепостного права в 1861 г. была учреждена Паспортная комиссия, одним из предложений которой стало введение вида на жительство. Правом получения вида на жительство обладали мужчины, достигшие 18 лет, а также женщины с 21 года. Таким образом, и паспорт, и вид на жительство удостоверяли не только личность, но и право- и дееспособность лица. Лица, которые не достигли совершеннолетия, автоматически вписывались в паспорт отца или мужа.

Положение «О видах на жительство», Высочайше утвержденное 3 июня 1894 г. [15], четко разграничило паспорта, действовавшие внутри Российской империи, с заграничными паспортами. Заграничный паспорт могли получить представители всех сословий. Однако на практике для каждого сословия сохранялись определенные льготы либо ограничения. В свою очередь, заграничные паспорта подразделялись на паспорта, выдаваемые Министерством иностранных дел Российской империи, и паспорта, выдаваемые губернскими канцеляриями. Первый вид

заграничного паспорта предназначался для дипломатов и частных лиц, выезжающих за границу по личным вопросам. Губернские канцелярии обеспечивали выдачу заграничных паспортов дворянам, а также представителям интеллигенции, желающим поехать за границу по сугубо личным делам – лечение, учеба. Одним из видов заграничного паспорта являлся таможенный паспорт, который предоставлялся другим сословиям, вынужденным выезжать за границу на заработки или по службе. Таможенные паспорта выдавались определенным категориям лиц: жителям пограничных губерний вдоль западной границы России, морякам торгового флота, а также жителям Архангельской губернии, занимающимся торговлей и рыболовством и совершающим регулярные рейсы вдоль Мурманского побережья в Норвегию.

Изучение контрольно-надзорной деятельности государства как проявления его охранительной функции было бы неполным без упоминания о налоговом контроле, который подразделялся на контроль по доходам, прибыли, по сферам направления налоговых средств, по субъектам. Вместе с тем правовед и публицист, профессор полицейского права В.Ф. Дерюжинский отмечал, что «...процедура взимания окладных сборов до 1889 г. находилась в ведении общих органов – полиции и земского начальника, и только самая незначительная роль отведена была податному инспектору. Функции податных инспекторов заключались в контроле за правильным взиманием налогов на своих участках и в руководстве деятельностью уездных податных присутствий» [8, с. 68]. Однако нельзя не отметить наличие тенденций централизации и усиления налогового контроля на территории Российской империи.

Определенную роль в осуществлении контрольно-надзорной деятельности Российского государства играл финансовый мониторинг, который разграничивался по субъектам, подразделяясь на финансовый контроль и надзор в отношении юридических лиц; физических лиц и государственных чиновников. Однако исследователь И.А. Макеева подчеркивает, что «только с 1863 г., то есть назначения В.А. Татищинова на пост Государственного контролера, проис-

ходит совершенствование финансовой системы и государственного финансового контроля в целом» [11, с. 33]. Процесс финансового мониторинга приобрел документированный, фактический характер, а также твердо установленную периодичность. К 1902 году в Российском государстве существовало около 500 губернских и уездных податных присутствий [11, с. 34], осуществлявших мониторинг в отношении уплаты дополнительного сбора (процентного и раскладочного) с торговых и промышленных предприятий, уплачивающих гильдейский сбор. Деятельность данных учреждений имела важное значение в целях контроля за сбором обязательных платежей.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что общие цели и принципы процесса цифровизации в плане осуществления контрольно-надзорной деятельности государства, подчиненные идеям создания контролируемого общества, были в целом характерны как для общих начал теории полицейского права, так и для реализации охранительной функции Российского полицейского государства XVIII – начала XX в. Ученые-полицисты в своих сочинениях подчеркивали необходимость дифференцированного, системного, постоянно действующего контроля и надзора как в отношении функционирования государства, его структур и должностных лиц, так и за обществом в целом, за отдельными социальными группами и каждым индивидом в частности. Такие авторы, как В.Ф. Дерюжинский, И.Т. Тарасов, Н.Н. Белявский, В.М. Гессен, И.Е. Андреевский, указывали на особую роль охранительной функции, проявляющейся в контрольно-надзорной деятельности государства, в поддержании и защите законности и правопорядка. Актуализация этих положений в определенном смысле связана с современными проблемами цифровизации в развитии государства и общества. Сквозь призму информационных технологий правоохранительная система в современный период приобретает гигантские возможности осуществления тотального контроля и надзора за жизнью граждан в самых различных сферах, таких как правоохранительная, банковская, образовательная, оказания услуг, социального обеспечения, таможенная и организация здравоохранения.

Литература

1. Андреева И.А. Полицейская система Франции: генезис, формирование, развитие (вторая половина XVII – начало XXI вв.): дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015. 396 с.
2. Андреевский И.Е. Репетиториум полицейского права. Харьков: Университетская типография, 1888. 165 с.
3. Белявский Н.Н. Полицейское право: конспект лекций. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1904. 334 с.
4. Биюшкина Н.И. Юридическое закрепление процедуры негласного надзора и наблюдения в российском полицейском праве 80-90-х гг. XIX в. // Социум и власть. 2011. № 3 (31). С. 79-82.
5. Биюшкина Н.И. Организационно-правовые мероприятия российского правительства в сфере исполнения наказаний как пресечение и превенция политической преступности в пореформенный период // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 3 (20). С. 168-174.

6. Гессен В.М. Очерк административного права // Юридический факультет: сборник лекций для самообразования. СПб.: Семейный университет Ф.С. Комарского, 1903. Вып. 1-2. 240 с.
7. Гессен В.М. Исключительное положение. СПб.: Право, 1908. 418 с.
8. Дерюжинский В.Ф. Пособие для студентов. СПб.: Сенатская типография, 1908. 552 с.
9. Капралова Л.Д. Цифровая экономика в России: состояние и перспективы развития // Экономика. На-логи. Право. 2018. № 2. С. 58-69.
10. Конягина М.Н. Внедрение информационных методов борьбы с незаконными банковскими операция-ми // Проблемы современной экономики. 2018. № 9. С. 183-187.
11. Макеева И.А. Контрольно-налоговая деятельность в дореволюционной России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 2 (46). С. 31-34.
12. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 11. Ст. 1117.
13. Положение «О полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей» от 12 марта 1882 г. // ПСЗ РИ. Изд. 3-е. СПб.: Гос. тип., 1885. Т. LIV. Ст. 730.
14. Положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 ав-густа 1881 г. // ПСЗ РИ. Изд. 3-е. СПб.: Гос. тип., 1885. Т. LIV. Ст. 3405.
15. Положение «О видах на жительство», Высочайше утвержденное 3 июня 1894 г. // ПСЗ РИ. Изд. 3-е. СПб.: Гос. тип., 1894. Т. LXIV. Ст. 10233.
16. Саломон А.П. Тюремное дело в России. СПб.: Типография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1898. 38 с.
17. Тарасов И.Т. Учебник науки полицейского права. М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1891. 364 с.
18. Устав «О ссыльных», Высочайше утвержденный 22 июля 1822 г. // ПСЗ РИ. Изд. 3-е. СПб.: Тип. Вто-рого Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1822. Т. XXVIII. Ст. 28858.
19. Устав «О содержащихся под стражею», Высочайше утвержденный 10 сентября 1886 г. // ПСЗ РИ. Изд. 3-е. СПб.: Гос. тип., 1886. Т. LV. Ст. 4102.
20. ЦАНО. Ф. 340. Оп. 2. Д. 8. Л. 18-19.

УДК 342

Д.Р. Зайнутдинов, канд. юрид. наук, доцент

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)

E-mail: knight_1988@mail.ru

ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПУТЬ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В 1917-1920 ГГ.

Статья посвящена рассмотрению развития российского конституционализма в рамках либерально-демократических идей в период революции 1917 г. и Гражданской войны в 1918-1920 гг. В процессе исследования автор отследил трансформацию конституционных идей на востоке и юге белой России. Отдельное внимание было уделено взглядам юристов и политиков белой государственности. Основу настоящего исследования составил историко-правовой метод, который позволил отследить этапы становления конституционализма в рассматриваемый период. В заключение автором даны обобщающие итоги развития конституционализма в России с февраля 1917 г. по январь 1918 г. и с сентября 1918 г. по ноябрь 1920 г.

Ключевые слова: либеральная демократия, конституционализм, революция 1917 года, гражданская война, диктатура, белый режим, белая государственность.

D.R. Zaynutdinov, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)

E-mail: knight_1988@mail.ru

LIBERAL DEMOCRATIC WAY OF THE RUSSIAN CONSTITUTIONALISM IN 1917-1920

The article is devoted to the development of the Russian constitutionalism in the framework of liberal-democratic ideas during the Revolution of 1917 and the Civil War in the years 1918-1920. The author tracked the transformation of constitutional ideas in the East and South of «white» Russia in the process of research. Special attention was paid to the views of lawyers and politicians of the «white» statehood. The basis of this study was the historical-legal method, which allowed examining the stages of formation of constitutionalism in the period under review. In conclusion, the author summarizes the development of constitutionalism in Russia from February 1917 to January 1918 and from September 1918 to November 1920.

Key words: liberal democracy, constitutionalism, Revolution of 1917, civil war, dictatorship, «white» mode, «white» statehood.

Либерал-демократы дореволюционного периода 1917 года основательно проработали теорию конституционализма. Российский конституционализм на протяжении почти целого века с «боями» пробивался в государственно-правовую сферу. Совершенно прав А.Г. Пархоменко, отмечая, что «в России идеи конституционализма не были заимствованы с Запада, а имеют свои традиции и уходят корнями в глубь веков. Новгородское вече, земские соборы – это воплощение идеи народного представительства, ограничения самодержавия, предоставления определенных прав и свобод населению» [15, с. 6]. Апробацию идей конституционализма последователи либеральной правовой мысли в России старались осуществить в период с 1905 г. (начало Первой русской революции) по 1912 г. (ропуск Государственной Думы Российской империи третьего созыва). «Окончательное формирование, осмысление и научное обоснование идей российского конституционализма происходило весь XIX в., наибольших успехов российское конституционное движение добилось в начале XX в., когда они стали превращаться в нормы государственного права» [15, с. 6]. Однако поддерживаемые императором Николаем II сторонники консервативно-монархического курса не позволили провести ряд широко известных реформ, направленных на эволюцию российской государственности и установление конституционного строя.

В новый исторический виток развития идеи конституционализма смогли войти лишь после Февральской революции 1917 г. Период февраля-октября 1917 г. можно считать рассветом реализации идей российского конституционализма, который не сдерживался ни реакционными, ни социалистическими силами. Тем не менее неудачная практика установления конституционного строя в России в период Первой русской революции заставила либерал-демократов ускорить темпы внедрения в государственно-правовую область и закрепления в нормативно-правовых актах идей конституционализма. Механическая установка этих идей в стране, имеющей многонациональный и многоконфессиональный характер, неоднородный уровень культурного развития и правосознания, становилась делом чрезвычайно сложным. Так, С.А. Котляревский отмечал, что «правовые идеи нельзя просто "заимствовать", в сознании каждого народа они получают своеобразную окраску и свой собственный оттенок» [6, с. 113]. Однако в процессе реализации в России либерально-демократических проектов, в т.ч. и идей конституционализма, часто происходило чистое заимствование. Также «одна из проблемных зон русского либерализма, в т.ч. и кадетской партии, заключалась в недостаточной зрелости средних слоев, которые в европейских странах, как известно, являются прочной социальной базой кон-

ституционализма и парламентаризма» [18, с. 850]. Ускоренные темпы конституционализации плодотворно сказались на развитии нормативно-правовой базы революционной России – создано весьма прогрессивное избирательное законодательство, проведены серьезные реформы в законодательстве о местном самоуправлении, совершенствовались источники судебного права и многое другое. «В послефевральский период руководство партии народной свободы, учитывая ситуацию в стране, внесло в программу ряд существенных корректив, направленных на политическую и социальную стабилизацию, на привлечение на свою сторону широких демократических масс. По сути, это был максимум тех уступок, на которые решилось пойти кадетское руководство в целях сохранения и упрочения своего влияния в общественном мнении и массовом сознании» [18, с. 530]. Естественно, что «уступки» кадетов были в рамках доктрин либерально-демократической идеологии, которые в течение 1917 г. полностью были внедрены в теорию конституционализма. Первейшей идеей в кадетском конституционализме была идея господства права. В свете изложенного выдающийся правовед С.А. Корф подчеркивал: «Конституция определяет, как осуществляется государственная власть; этим определяется и политическая цель существования конституций, назначением коих должно быть определение компетенции или установление правовых ограничений органов государства» [8, с. 53].

Тем не менее основная масса населения России была чрезвычайно далека от понимания ценностей конституционализма и важности их законодательного закрепления. Результаты конституционализации правопорядка не усваивались народным сознанием, перестраивавшимся на социалистический лад. «Считая Февральскую революцию 1917 г. по своей природе политической, кадетские теоретики были убеждены в том, что власть должна перейти именно в руки представителей либеральной оппозиции, как наиболее адекватно выражающей общенациональные и общегосударственные задачи России на ближайшую историческую перспективу. Подчеркивая, что переустройство России на основе социалистических моделей является "музыкой далекого будущего", кадетские лидеры питали надежду на то, что социалисты откажутся от своих притязаний на политическую власть и окажут всемерную поддержку Временному правительству» [18, с. 507]. Процессы механической установки идей конституционализма в праве, как и в целом либерально-демократической идеологии в стране, способствовали лишь пропаганде социалистов при атаке на сторонников буржуазного пути развития государства. «Игнорирование исторических, социальных и логических предпосылок возникновения конституционного государства име-

ло своим практическим следствием неспособность партии кадетов, выражающей интересы российской либеральной общественности, ведущими теоретиками которой были российские конституционалисты. Мирно провести нашу страну через горнило 1917 г. в направлении построения конституционного строя, что и позволило большевикам, используя социальную демагогию, захватить власть» [9, с. 112]. Таким образом, крушение теории либерально-демократического конституционализма, реализуемого кадетами, стало очевидным к концу 1917 г.

Хотя развитие конституционализма в рамках либерально-демократической идеологии было оборвано в октябре 1917 г., но тем не менее оно возобновилось в период существования белых государственных образований с сентября 1918 г. (создание Особого совещания при Верховном руководителе Добровольческой армии генерале М.В. Алексееве) до ноября 1920 г. (крушение Правительства юга России в Крыму). «Качественно новый уровень осмысления истории гражданской войны, государственных образований, возникших в ходе ее, демонстрируют исследования историка права О.А. Кудинова. Работы названного автора посвящены теории и практике российского конституционализма XIX – начала XX веков. Значительное место в них уделено конституционным проектам белого движения в годы гражданской войны в России» [13, с. 12].

Правоведы и идеологи либерально-демократической мысли постоянно пытались облачить белую власть в рамки легитимности и легальности. В связи с этим на территории белой России конституционализм играл огромное значение. Особо выделим, что представители либеральной демократии имели весьма прочную теоретико-правовую базу для развития идеи российского конституционализма. Так, к выдающимся конституционалистам дореволюционной России и периода Гражданской войны можно отнести С.А. Котляревского, В.М. Гессена, Н.И. Лазаревского, К.Н. Соколова, Б.А. Кистяковского, С.А. Корфа, Л.А. Шалланда, М.Б. Горенберга и др. Тем не менее «либеральное государствоведение не выработало понятия конституционализма, хотя данный термин и использовался (в частности, Н.И. Палиенко, однако все его рассуждения касались конституционного государства). Государствоведы оперировали такими понятиями, как "конституционная теория", "конституционное право"» [7, с. 238-244]. Многие российские конституционалисты, в т.ч. и вышеперечисленные, не приняв власти большевиков, стали правоведом, идеологами, политиками, государственными и общественными деятелями в антибольшевистской и в последующем белой России.

Белые политики в формировании государственности, правовой системы, построении механизма

власти стремились опираться на идеи конституционализма, которые были выработаны российскими дореволюционными правоведом. Предпринимались неоднократные попытки внедрения либерал-демократических конституционных проектов в развивающуюся государственность белых режимов. «Несомненными приоритетами конституционализма являются ценности цивилизации, как то: права и свободы человека и гражданина; народовластие; суверенитет (народный, национальный, государственный); парламентаризм; политический плюрализм; многопартийность; разнообразие форм собственности и многие другие» [15, с. 5]. Указанные ценности конституционализма либерал-демократами признавались в полном объеме. При этом белые правоведы прекрасно осознавали, что воплотить такой массив конституционных ценностей просто невозможно в действующую правовую реальность. Этому мешал целый ряд факторов, таких как низкий уровень правосознания народных масс, чрезмерная идеологизированность общества, бюрократическое наследие в механизме государственной власти, недостаточность практического опыта реализации демократических институтов. В то же время особенностью либерально-демократического конституционализма, развивающегося в белых государственных образованиях, стало то, что он в большей степени приблизился к реальности, утратив тот юридик-романтический характер, который был ему присущ до 1914 г. Более того, либерал-демократы стали отказываться от механической установки идей конституционализма. Так, адвокат и журналист С.Ф. Штерн выделил поэтапную эволюцию политико-правовой мысли в России: «Русская политическая мысль и практическое политическое творчество медленно, постепенно, пластами начинают освобождаться от многого, характеризовавшего их в недавнем прошлом. Изжиты многие предрассудки, переоценены многие ценности, пересмотрены многие взгляды, принципы и традиции. Результатом этого является медленное и постепенное созидание нового уклада политического мышления и мировоззрения» [19, с. 102-103]. Таким образом, подход к ценностям конституционализма в среде представителей либерально-демократической мысли стал все больше отвечать реалиям жизни, при этом сами ценности не отрицались, а наоборот – их теоретико-правовое понимание стало связываться с практикой их реализации.

Белая государственность в отличие от правосоциалистической антибольшевистской государственности была создана при поддержке генералитета, а соответственно, имела специфические отпечатки «военщины», выраженные в форме военной диктатуры. Однако водворение военной диктатуры произошло благодаря либерал-демократическим кругам и

при их участии. Это во многом обеспечило то, что власть в белой государственности не приобрела форму чистой диктатуры. В этом аспекте К.Н. Соколов отмечал, что А.И. Деникин «высказывался в пользу самых мягких способов установления» диктатуры [16, с. 46]. Фактически либерал-демократы как на юге, так и на востоке России сдерживали всякое тяготение к неограниченной государственной власти исключительно благодаря конституционным началам, заложенным в нормативно-правовую основу функционирования белых режимов. Так, Г.К. Гинс пояснял: «Совет министров, не стремившийся к установлению диктатуры, искал какого-то среднего выхода, и когда Старынкевичу, Тельбергу и мне предложено было выработать основной закон, определяющий права Верховного Правителя и права Совета министров, мы остановились на мысли, что Российское Правительство составляют Верховный Правитель и Совет министров. Законодательная власть Верховного Правителя была ограничена, он стал "диктатором конституционным"» [2, с. 310]. Об особом конституционно-правовом положении Верховного правителя высказывался и С.П. Мельгунов: «Во всяком случае, диктатура Колчака с первого момента была облечена в особые конституционные формы, установленные актом Совета министров 18 ноября» [11, с. 220]. Выбранная белой государственностью конституционная (ограниченная) диктатура как форма осуществления государственной власти в военное время являлась гарантией для дальнейшего развития либерально-демократической государственно-правовой идеологии, а также для воплощения в России идей правового демократического государства [3]. Для белых идеологов конституционная (ограниченная) диктатура стала переходным периодом к конституционному строю. К.Н. Соколов, характеризуя государственно-правовое развитие деникинской диктатуры, заключал, что оно шло «среди хитросплетений конституционно-автономно-диктаторского права» [16, с. 30, 40]. Подобный путь был продолжен и в период врангелевского правления в Крыму. Уже к моменту кризиса деникинского правления П.Н. Врангель поставил четкую цель конституционного строительства, стремясь систематизировать законодательство и упорядочить взаимодействие органов центральной государственной и региональной власти [1, с. 268, 294].

Конституционный путь государства весьма тернист. Конституционный строй не может возникнуть в одночасье. Наибольшая активность в продолжение развития теории и практики российского конституционализма наблюдалась на белом востоке России. «Возвращаясь к общим началам законности, которые Правительство стремилось внедрить в стране и прежде всего внушить своим собственным агентам, следует отметить течение, проявившееся летом 1919 года,

в пользу закрепления в каком-либо сильном и вдохновенном документе основных принципов свободы и неприкосновенности личности и имущества граждан. Некоторые выдвигали мысль об опубликовании особого манифеста, своего рода хартии вольностей. Сам Министр Юстиции работал над текстом краткой конституции, которую он хотел провести в замену и дополнение существующей. Ему казалось необходимым не ограничиваться в ней статьями о порядке осуществления высшей государственной власти, как это было в конституции 18 ноября, а включить в нее ряд параграфов, выраженных в простых и отчетливых словах, которые запомнились бы каждому и дали бы населению свою собственную народную конституцию, которую каждый бы знал наизусть и где каждый гражданин находил бы определение своих прав и обязанностей» [4, с. 441]. Во многом активность в разработке конституционализма на востоке России в период колчаковского режима можно объяснить влиянием сильного демократического движения в Волго-Уральском регионе и Сибири, авангард которого составили правосоциалистические течения (правые эсеры, меньшевики, энесы). В данном случае можно согласиться с Г.З. Иоффе в том, что, «если колчаковщина поднялась на эсеро-меньшевистских дрожжах, то деникинщина с самого начала имела собственную – кадетско-монархическую основу» [5, с. 215]. Правосоциалистические круги, национальные движения и сибирское областничество способствовали формированию конституционных начал в функционировании белого режима на востоке России.

В период существования белых режимов либерально-демократическим кругам приходилось всеми законными средствами защищать идею конституционализма от нападков как со стороны сторонников чистой диктатуры, так и со стороны социалистических групп. В данном отношении наибольшую опасность представляли именно сторонники чистой диктатуры, т.к. на их стороне была военная сила. Защита конституционализма заставила белых правоведов сделать его надидеологическим штандартом всей либерально-демократической правовой мысли периода Гражданской войны. Здесь можно найти схожесть с идеями российских юристов конца XX в. Например, «В.С. Нерсисянц считал, что дальнейшее развитие начал гражданского общества и правового государства в России прямо зависит от прочности конституционализма. Он рассматривал конституционализм как идеологию уважения, соблюдения и защиты конституции, как общегосударственную, надпартийную идеологию любого правового государства» [10, с. 34]. Конституционализм как надпартийная идеология или надидеологический штандарт позволял значительно расширить социальную базу определенного политического режима. Как подчеркивал

В.С. Нерсисянц, в условиях острой борьбы между различными узкопартийными идеологиями утверждение конституционализма как общегосударственной, надпартийной идеологии и интегративной общенациональной идеи особенно актуально [12, с. 6-8]. Белые политики неоднократно призывали представителей общественности отбросить партийную борьбу. Так, например, председатель Земской управы Таврической губернии В.А. Оболенский отмечал: «Нужно было раз и навсегда покончить с укоренившимися в демократических думах партийными нравами, превращавшими на думских заседаниях каждый мелкий вопрос повседневной городской жизни в большой турнир политических партий» [14, с. 27]. В данном отношении принятие представительным органом конституционализма в качестве надпартийной идеологии или надидеологического штандарта было бы актуально в период Гражданской войны.

Подводя итоги, можно отметить то, что либерально-демократический конституционализм нашел практическую реализацию в нескольких этапах развития российской государственности:

- С февраля 1917 г. (установление власти Временного правительства) по январь 1918 г. (разгон Всероссийского Учредительного собрания и захват власти большевиками). Данный период примечателен своими ускоренными темпами развития конституционализма и механическим заимствованием его образов у западных стран. Российские либерал-демократы старались форсировать некоторые этапы закономерного становления конституционализма. Механическим образом были учреждены многие институты демократии. В то же время среди конституционалистов находились реалисты, которые предостерегали от подобных мероприятий. Например, «К.Н. Соколов пытался призвать своих коллег-конституционалистов к политической трезвости и умеренности в требованиях немедленного введения в Российской империи принципов парламентаризма» [9, с. 190]. Итогом данного периода стало то, что конституционализация вышла из-под контроля государственной власти, что и привело к краху сначала Временного правительства.

- С сентября 1918 г. (создание Особого совещания при Верховном руководителе Добровольческой

армии генерале М.В. Алексееве) по ноябрь 1920 г. (крушение Правительства юга России в Крыму). Представители либерально-демократической правовой мысли смогли вернуться к реализации теорий конституционализма в процессе становления белых государственных образований. «Русское политическое мышление выявило себя за время революции не только не гибким, недостаточно подвижным, но и даже склонным к трафаретам» [19, с. 88]. В связи с этим либерал-демократы в практике реализации стали избавляться от простого заимствования западных образцов и их механического установления. Правоведы белой России для реализации теории либерально-демократического конституционализма избрали путь постепенного становления. Тем не менее в данном деле они встретили сопротивление со стороны сторонников чистой диктатуры, тормозившее внедрение конституционных идей в правовую систему. Поэтому отчасти можно согласиться с Д.В. Токаревой в том, что «единой конституционной программы у белых не существовало» [17, с. 19]. Итогом данного периода выступило крушение либерально-демократической государственно-правовой идеологии белой государственности, а вместе с ней и всех результатов реализации конституционализма.

Таким образом, отметим, что российский конституционализм прошел все кризисные моменты истории, чтобы окончательно встать на либерально-демократические рельсы. Путь конституционализма – это путь к правовому государству, где реально воплощена доктрина господства права. Здесь следует согласиться с А.Г. Пархоменко, что «конституционализм в России – это движение к конституционному государству – правовому государству» [15, с. 11]. Аналогичную мысль выражает и В.Н. Кореев, указывая на то, что «с позиций конкретно-исторического подхода российский конституционализм следует рассматривать как цельную теорию, обладавшую самобытными чертами» [7, с. 238-244]. Тернистый путь конституционализм в России проходил через монархическо-консервативные ограничения, механическое становление в период Временного правительства, большевистский произвол и либерально-демократические вариации в период Гражданской войны.

Литература

1. Врангель П.Н. Воспоминания: в 2 частях. 1916-1920. М.: ЗАО «Центрополиграф», 2006.
2. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. 1918-1920 гг. (впечатления и мысли члена Омского правительства). Пекин: Типолиграфия Русской Духовной Миссии, 1921. Т. 1.
3. Зайнутдинов Д.Р. Государственно-правовая идеология «белой» государственности в период Гражданской войны (1918-1920 гг.): монография. Казань: Универсум, 2016.
4. Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // Квакин А.В. За спиной Колчака: Документы и материалы. М.: Аграф, 2005.
5. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М.: Изд-во «НАУКА», 1977.
6. Кистяковский Б.А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) // Вехи. Интеллигенция в России: сборник статей. 1909-1910. М.: Молодая гвардия, 1991.

7. Корнев В.Н. Проблемы конституционализма в русском либеральном государствоведении начала XX века // Правоведение. 2001. № 3.
8. Корф С.А. Русское государственное право. СПб.: Изд-во «Скоропеч» и А.А. Левенсон, 1915. Т. 1.
9. Кочетков В.В. Конституционализм и система российской власти в конце XIX – начале XX века: монография. М.: Юрлитинформ, 2014.
10. Кутафин О.Е. Избранные труды: в 7 т.; т. 7: Российский конституционализм: монография. М.: Проспект, 2011.
11. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака: в 2 кн. М.: Айрис-пресс, Лагуна-Арт, 2005. Книга вторая. Ч. III.
12. Нерсесянц В.С. Конституционализм как общегосударственная идеология // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации: сборник статей / отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М., 2000.
13. Никитин А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М.: Право и закон, 2004.
14. Оболенский В.А. Крым при Деникине. Крым при Врангеле // Белое дело: Избранные произведения в 16 кн.; кн. 11: Белый Крым. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003.
15. Пархоменко А.Г. Конституционализм: становление и развитие в России. М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2012.
16. Соколов К.Н. Правление генерала Деникина (из воспоминаний). М.: Кучково поле, 2007.
17. Токарева Д.В. Конституционные проекты и концепции в русской либеральной мысли второй половины XIX – первой четверти XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2010.
18. Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
19. Штерн С.Ф. В огне гражданской войны: воспоминания, впечатления, мысли. Париж: Русское книгоиздательство Я. Поволоцкий и Ко, 1922.

УДК 347.6(511)

С.В. Моисеев, канд. ист. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: moiseev-tpg@rambler.ru

ИНСТИТУТ БРАКА И СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ (ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ АРХИТЕКТониКИ)

Китайская Народная Республика – в настоящее время это одна из ведущих мировых держав с прогрессивным развитием во всех сферах жизнедеятельности общества. Интерес к КНР связан не только с достижениями высокого уровня в области экономики, но и с успешной реализацией этим государством различных вариантов разрешения масштабных и острых вопросов, примером чему является демографическая проблема. Традиционная семейная организация китайцев, оказавшаяся вовлеченной в процесс радикального реформирования государственных и общественных институтов, на стыке веков претерпела значительные изменения, а проблема перенаселенности в большей степени была решена.

Изучение деятельности государственных структур КНР в рамках регулирования брачно-семейной сферы имеет важное значение. Понимание этих процессов является необходимым условием для понимания процессов, происходящих в любом современном государстве в условиях трансформации общественных отношений.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, демография, брак, семья, законодательство, закон, внутренняя политика, право, реформы, ответственность.

S.V. Moiseev, Candidate of Historical Sciences, assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: moiseev-tpg@rambler.ru

INSTITUTION OF MARRIAGE AND FAMILY IN CONTEMPORARY CHINA (SPECIAL ASPECTS OF LEGAL FORMATION)

People's Republic of China is currently one of the leading world powers with progressive development in all spheres of society. The embrace of China is associated not only with high-level achievements in the field of economics, but also with the successful implementation of various options for resolving large-scale and acute issues by this state, for example, the demographic problem. The traditional family organization of the Chinese, which became involved in the process of social modernization in the second half of the 20th and the beginning of the 21st centuries, has undergone significant changes and the problem of overpopulation has been largely resolved. Studying the activities of the state in the field of the institution of marriage and family is important for understanding the processes occurring in any state and society, taking into account trends and possible development prospects.

Key words: People's Republic of China, demography, marriage, family, legislation, law, domestic policy, reform, responsibility.

Китайская Народная Республика в настоящее время является государством с самым большим количеством населения. Со времени образования КНР в 1949 г. демографическое развитие страны, несмотря на многомиллионные людские потери в период эксперимента Мао Цзедуна, происходило в прогрессивном формате. По переписи 1990 г. население 29 провинций и автономных районов Китая составило 1,160 млрд человек, средний абсолютный прирост – примерно 15 млн человек [1].

Одним из первых законодательных актов в сфере брачно-семейных отношений стал Закон о браке 1950 г., целью принятия которого явилось юридическое оформление социалистической системы института брака и семьи [5]. Закон отчасти включал в себя традиционные семейные институты в сочетании, но превалировали элементы социалистической идеологии с определенным учетом прав и свобод граждан. Вступление в брак было свободным для обеих сторон. Так, были отменены: купля-продажа девушек, дарение невест в семьи, приобретение наложниц, двоеженство, брачные ограничения для вдов.

Нижний предел возраста для вступления в брак, согласно нормам закона, для мужчин составил 20 лет, для женщин – 18 лет, что имело целью сохранить надлежащий уровень семейного здоровья брачующихся и их потомства. Посредничество в ходе процедуры заключения брака запрещалось и наказывалось. Для заключения брака будущие супруги должны были явиться в административный орган по месту своего проживания и в соответствующей форме зарегистрировать новое гражданское состояние. Предполагалось, что установленная законом форма регистрации супружеских отношений станет препятствием двоеженству и двоемужеству. Устанавливались ограничения на развод во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка, а также для семей военнослужащих.

Вводилось наказание за детоубийство. В традиционном Китае, прежде всего в бедной крестьянской среде, были широко распространены случаи убийства новорожденных девочек, которые с первых дней жизни рассматривались в качестве непомерной обузы для семьи [1].

В 1953 году китайские власти столкнулись с неприятием определенной части населения положений Закона о браке и в итоге приняли решение о стимулировании его реализации с использованием масштабной пропаганды. В ходе проведения агитационной кампании были задействованы СМИ, телевидение и все средства воздействия на население, находившееся под контролем властей республики. Определенный эффект был достигнут, однако ряд пробелов восполнен не был. Так, негативное воздействие на формирование брачно-семейных отношений оказы-

вало отсутствие конкретных их регуляторов (определение положения родителей по отношению к детям, вопрос о фамилии детей и т.д.), что приводило к разносторонней интерпретации правовых норм местными чиновниками. В результате государственные структуры начали более активно воздействовать на институт брака и семьи в КНР.

В 1979 году содержание политики контроля над рождаемостью было изменено, был выдвинут лозунг «Одна семья – один ребенок», следование которому на всех социальных уровнях кардинально изменило содержание демографического развития КНР.

Для исправления недостатков и ликвидации изъянов в брачно-семейном законодательстве принимается новый Закон о браке с учетом изменений, произошедших в государстве и обществе КНР. В нем впервые обозначалась необходимость планового деторождения и гарантировалась защита прав и интересов пожилых людей. Вступивший в силу закон вводил новые ограничения в брачно-семейных отношениях, имевшие традиционный характер. Запрещались браки по сговору, в виде купли-продажи, с целью получения имущественных ценностей; двоеженство и двоемужество, совместное проживание одного из супругов с другим лицом, семейное насилие, умышленное неоказание помощи членам семьи, кровнородственные браки. Брачный возраст составил 22 года для мужчин и 20 лет для женщин, поощрялись поздние браки и позднее деторождение.

Регистрация брака разрешалась только после проверки условий вступления в брак в соответствии с положениями закона. Если выяснялись обстоятельства принуждения к вступлению в брак с применением насильственных действий, сторона, подвергнутая насилию, имела право на аннулирование брака в установленном законом порядке.

Недействительные и аннулированные браки не являлись законными. Закон вводил принципы гендерного равенства в семье, предоставлялось право на выбор фамилии, право на занятие производственной деятельностью, на обучение и на участие в общественной работе. Кроме того, супругам вменялось в обязанность реализовывать программу планового деторождения.

Приобретенное имущество за период совместного проживания супругов являлось общей собственностью. Вводилась норма, обязывающая к взаимному супружескому содержанию, воспитанию детей и уходу, а также оказанию помощи родителям.

На уровне закона устанавливались наказания за утопление новорожденных, умышленное оставление их без помощи, истязания и убийство детей. Гражданско-правовая ответственность для родителей вводилась за проступки, совершенные ребенком с нанесением ущерба коллективу, лицу, государству. Био-

логические отцы или матери, не принимавшие участие в воспитании своих внебрачных детей, должны были нести расходы по их содержанию и воспитанию до тех пор, пока дети не смогут самостоятельно добывать средства к существованию. Несовершеннолетних младших братьев и сестер должны были содержать старшие в случаях смерти родителей или неспособности последних к содержанию малолетних детей. В свою очередь, достигшие совершеннолетия младшие дети в семье обязывались содержать старших, если не было иных источников для существования.

В случаях семейного насилия или жестокого обращения с членами семьи потерпевшая сторона получала право обращения в органы общественной безопасности с требованием наложения административного взыскания. Лица, состоящие в двоеженстве или двоемужестве или совершившие уголовно наказуемые правонарушения, связанные с домашним насилием, жестоким обращением в семье или преднамеренным оставлением на произвол судьбы членов семьи, должны были быть привлечены к уголовно-правовой ответственности.

Собрания народных представителей районов национальной автономии получили право устанавливать положения в соответствии с особенностями семейно-брачных отношений местных национальностей [6].

После принятия в КНР Закона о браке 1980 г. стали явно прослеживаться позитивные элементы в регулировании брачно-семейных отношений. Однако ряд вопросов остался неразрешенным. Актуальными оставались проблемы: развода, имущества, ответственности, опеки, последствий регистрации брака с нарушением условий заключения. Для выхода из возникшей ситуации в середине 80-х гг. был принят ряд нормативных актов, в определенной степени устранивших эти недостатки.

Вопросы опеки были урегулированы принятыми в 1986 г. Общими положениями гражданского права. В 1992 году был введен в действие Закон об усыновлении, которым определялись общие правила усыновления (удочерения), устанавливалась юридическая ответственность за куплю-продажу и оставление детей. В 1994 году вступило в силу Положение о регистрации браков, которое установило порядок регистрации браков органами гражданской администрации народных правительств уездной ступени или народными правительствами волостей и поселков по месту постоянной регистрации одного из супругов.

Изменения в социально-экономической и политической жизни КНР в XXI в. оказали серьезное воздействие на институт брака и семьи. Возросло количество разводов, незарегистрированных брачных сожительств, участились случаи семейного насилия.

В 2001 году была принята новая редакция Закона о браке. В частности, были закреплены запреты на принуждение к вступлению в брак, на сожительство, насилие в семье предполагало юридическую ответственность. При наличии состава преступления, которое выявилось в результате нарушения запрещающих норм, виновное лицо привлекалось к уголовной ответственности.

Редакция 2001 г. дополнила Закон о браке положениями о недействительности брака: двоеженство (двоемужество); наличие родственных связей; наличие заболевания, при котором по медицинским показателям брак невозможен; недостижение установленного законом брачного возраста. Аннулированный либо недействительный брак являлся незаконным и, соответственно, не порождал прав и обязанностей между супругами.

Изменилось содержание статей, посвященных имущественным отношениям в семье. В итоге заработная плата, премии, доходы от производственной и предпринимательской деятельности, доходы от использования объектов интеллектуальной деятельности, имущество, полученное в дар или по наследству, и иное имущество были отнесены к совместной супружеской собственности.

Для расторжения брака требовалось пожелание одного из супругов либо согласие обеих сторон. Не имел права на расторжение брака муж в течение одного года после рождения ребенка или в течение 6 месяцев после прекращения беременности жены.

Редакцией 2001 г. Закон о браке получил дополнение в виде V главы «Меры по оказанию помощи и ответственность». Новые нормы закрепили право потерпевшей стороны обращаться в различные государственные и судебные инстанции с требованием о прекращении противоправных действий в отношении себя.

Закон КНР «О народонаселении и планировании рождаемости» (в редакции 2015 г.) должен был содействовать продвижению политики планирования рождаемости, которая объявлялась ключевым направлением в реализации внутренней политики КНР. Руководство деятельностью государственных структур в этой сфере было возложено на Государственный совет КНР, в регионах – на местные народные правительства. В составе Государственного совета было создано специальное ведомство, отвечающее за выполнение мероприятий по планированию рождаемости и работе с населением, такие органы были сформированы во всех административно-территориальных образованиях Китая. Ответственность за проведение государственной демографической политики была также возложена на профсоюзные организации, комсомольские организации, ассоциации женщин, ассоциации планирования рождаемости и

другие общественные организации, предприятия, учреждения и непосредственно граждан, которые обязаны содействовать народным правительствам в проведении работы в сфере народонаселения и планирования рождаемости.

Государство наделило себя правом поощрения организаций и граждан, достигших значительных успехов в мероприятиях в области народонаселения и планирования рождаемости [2].

Согласно положениям принятого закона ответственные властные подразделения подготавливали план развития народонаселения для включения в план национального и социально-экономического развития страны. Народные правительства всех уровней на местах формировали планы развития народонаселения административно-территориальных единиц и включали их в соответствующие планирующие документы. Далее следовала разработка народными правительствами проектов реализации этих планов.

Проект реализации плана определял меры по контролю численности населения, улучшению здоровья матерей и детей, повышению качества населения [2].

Выполнение мероприятий по планированию рождаемости возлагалось на государственные и партийные органы, воинские подразделения, общественные организации, предприятия, учреждения и другие организации.

На образовательные учреждения возлагалась обязанность «вести среди обучающихся плановую работу по физиологическому и гигиеническому воспитанию, пубертатному воспитанию или половому воспитанию надлежащими способами, соответствующими особенностям учащихся» [2].

Супруги, обладающие правом на рождение детей, несли общую ответственность по выполнению установок планов по планированию рождаемости. «Государство агитирует за рождение одной супружеской парой двух детей. При соответствии положениям законов и (или) подзаконных актов допускается рождение дополнительного ребенка» [2].

В отношении национальных меньшинств были введены нормы планирования рождаемости, установленные собраниями народных представителей провинций, автономных районов, городов центрального подчинения или их постоянными комитетами.

Вводилась юридическая ответственность за дискриминацию и жестокое обращение в отношении женщин, родивших девочек или страдающих бесплодием, а также за оставление новорожденных девочек [2].

В свою очередь, государство возлагало на себя обязанность сформировать и постоянно совершенствовать системы: пенсионного страхования, медицинского страхования, страхования на случай беременности и родов (материнства), социального бла-

госостояния, поощрять заинтересованные компании на создание страховых продуктов, способствующих планированию рождаемости.

Для граждан, поздно вступивших в брак или поздно родивших детей, предусматривалось предоставление продленного отпуска в связи с заключением брака и декретного отпуска и ряд иных льгот. В период беременности, родов и кормления для женщин вводились специальные положения об охране труда, обеспечивавшие им помощь, и различные пособия. Супружеской паре, которая завела только одного ребенка, выдавалось «Почетное свидетельство родителей единственного ребенка» с гарантированным правом на определенные льготы. В случаях получения травм в результате несчастного случая или смерти единственного ребенка местные народные правительства обязывались предоставлять необходимую помощь его родителям.

Сельским домохозяйствам гарантировалась поддержка в виде денежных средств, техники, подготовки, льгот; бедным домохозяйствам предлагалось первоочередное предоставление займов, работы, оказание социальной помощи [2].

Под угрозой наказания запрещалось использование ультразвуковой техники и других технических способов для определения пола эмбрионов не в медицинских целях; искусственное прерывание беременности, основанное на выборе пола ребенка, не в медицинских целях.

«При наличии одного из следующих обстоятельств в отношении сотрудника государственного органа: при наличии состава преступления – виновное лицо в соответствии с законодательством привлекается к уголовной ответственности; при отсутствии состава преступления – в соответствии с законодательством привлекается к административной ответственности; при наличии незаконно полученного дохода – конфискуется незаконно полученный доход: 1) нарушение личных, имущественных и других прав и законных интересов граждан; 2) злоупотребление должностными полномочиями, должностная халатность, действия из корыстных побуждений; 3) вымогательство и получение взяток; 4) оставление, удержание, нецелевое использование или присвоение средств, выделенных на планирование рождаемости, или сборов на социальное содержание; 5) предоставление подложных данных, сокрытие, подделка, модификация или отказ от представления статистических данных в сфере народонаселения и планирования рождаемости» [2].

Для представителей национальных меньшинств политика ограничения рождаемости носила рекомендательный характер. Представителям национальностей численностью до 10 млн человек государством позволялось иметь двух детей, национальностям

численностью менее 50 тыс. человек – четверых детей, а на малочисленные народы политика ограничения рождаемости не распространялась [4].

Изучение института брака и семьи в современном Китае предоставляет возможности для анализа основных направлений развития государственно-правовой деятельности соседней страны. Миграционный аспект проблемы позволяет использовать полученные в КНР результаты для прогнозирования

рисков в Российской Федерации, в т.ч. в приграничных регионах. Явление изменений в брачно-семейных отношениях, ставшее, по сути, глобальным и характеризующееся нестабильностью и в достаточной степени негативными последствиями для общества XXI в., объективно предполагает необходимость исследования института брачно-семейных отношений во всей его многофакторности и множественности проявлений.

Литература

1. Демографические проблемы Китая. URL: <http://finuni.ru/demograficheskie-problemy-kitaya> (дата обращения: 29.05.2020).
2. Закон о браке Китайской Народной Республики: принят 3-й сессией Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 10 сентября 1980 г., с поправками, внесенными в соответствии с решением 21 сессии Постоянного комитета ВСНП девятого созыва 28 апреля 2001 г. URL: <https://ru-chinafamily.livejournal.com/3854.html> (дата обращения: 02.06.2020).
3. Китай официально корректирует политику ограничения рождаемости // Официальный сайт Интернет-телевидения Китая (CNTV). URL: <http://www.cntv.ru/2015/12/28/VIDE1451294406141391.shtml>; www.cctv.com www.cntv.cn; <https://online-television.net/3212-cctv-1.html> (дата обращения: 06.06.2020).
4. Красова Е.В., Бао Гун. Исследование демографической ситуации в контексте экономического развития Китая и его регионов в XXI веке. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-demograficheskoy-differentsiatsii-v-kontekste-ekonomicheskogo-razvitiya-kitaya-i-ego-regionov-v-xxi-veke/viewer> (дата обращения: 28.05.2020).
5. Манухина О.В. Институт семьи и брака в Китае в период реформ и открытости (исторический аспект). URL: <https://www.dissercat.com/content/institut-semi-i-braka-v-kitae-v-period-reform-i-otkrytosti-istoricheskii-aspekt> (дата обращения: 01.06.2020).
6. О народонаселении и планировании рождаемости: Закон КНР (в редакции 2015 г.). URL: https://chinalaw.center/administrative_law/china_population_family_planning_law_revised_2015_russian (дата обращения: 06.06.2020).
7. Протопопова О.В. Становление и развитие законодательства о браке и семье в Китае. URL: <https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/27275/> (дата обращения: 02.06.2020).

УДК 342.7

О.Д. Овчинникова, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: olesya901@mail.ru;

А.М. Шаганян, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: sha-anneta@mail.ru

О РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ «ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ РЕАЛИИ

В статье соотносятся категории идеального, правового и электронного государства. Подчеркивается отсутствие четкой теоретической проработки понятия и признаков «электронного государства». Анализируются положительные стороны данного явления и проблемные вопросы, связанные с процессом реализации «электронного государства» в современной российской действительности. Анализируется процесс создания не только «электронного правительства», но и «электронного парламента» и «электронного правосудия». Формулируется авторское определение исследуемой категории.

Ключевые слова: государство, идеальное государство, правовое государство, «электронное государство», право, население, права человека, политические права, «электронное правительство», «электронный парламент», «электронное правосудие», государственные услуги, информатизация.

O.D. Ovchinnikova, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: olesya901@mail.ru;

A.M. Shaganyan, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: sha-anneta@mail.ru

ON THE IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF «ELECTRONIC STATE» IN THE MODERN RUSSIAN REALITY

The article relates the categories of ideal, legal and «electronic state». The authors emphasize the lack of a clear theoretical study of the concept and features of «electronic state». The positive aspects of this phenomenon and problematic issues related to the implementation of «electronic state» in the modern Russian reality are analyzed. The process of creating not only «e-government», but also «e-parliament» and «e-justice» is analyzed. The author's definition of the studied category is formulated.

Key words: state, ideal state, legal state, electronic state, law, population, human rights, political rights, e-government, e-parliament, e-justice, public services, informatization.

Зарождение идеи идеального государства уходит далеко в прошлое и ассоциируется с такими философами, как Аристотель, Платон, Цицерон, Ш.Л. Монтескье и др. Безусловно, любая модель идеального государства изначально утопична, поскольку у каждого индивидуума в силу субъективизма мышления и представлений различного рода есть свой идеал.

Тем не менее даже самая совершенная, казалось бы, идея построения идеального государства всегда будет подвергнута критике, всегда найдутся недостатки.

Согласно представлениям большинства, независимо от уровня образования, профессиональной принадлежности и т.п. модель идеального государства представляет собой некую совокупность более-менее стандартного набора признаков. Традиционно в эти представления укладываются идеи, сопровождающие благополучное проживание людей: достойный уровень жизни, заработной платы, наличие рабочих мест, жилья, уверенности в завтрашнем дне, социальной и правовой защищенности, возможности реального участия в управленческой деятельности страны и т.п. Конечно же, эта модель невозможна без определенных, всеми признаваемых ценностей: жизнь и здоровье личности, собственность, патриотизм, гражданственность, право, легитимная власть и т.д.

В настоящее время многие ученые соотносят понятия «идеальное государство» и «правовое государство», которые объединены общими схожими характеристиками. Стоит признать их правоту хотя бы потому, что даже идеальное государство невозможно без ограничений (иначе это как минимум анархичное образование). В правовом государстве именно право выступает таким ограничением, является компромиссом для комфортного существования различных социальных слоев и групп. Идеи правового государства воплощают (пытаются воплотить) многие демократические государства, и Российская Федерация не является исключением.

Однако воплощение идеи построения правового (идеального) государства сталкивается с серьезными темпами развития научно-технического прогресса, а именно наступлением эпохи информационного общества, изменениями коммуникационного пространства.

Влиянием информационно-коммуникационных технологий сегодня пронизаны абсолютно все сферы общественной жизни. Соответственно, «существование информационно-компьютерных технологий, виртуализация социальных действий и взаимодействий, ускорение научно-технического прогресса обуславливают глубокие изменения и в политической подсистеме общества» [5]. Как следствие, происходит модернизация управленческих процессов,

как минимум начавшаяся с компьютеризации деятельности органов государственной власти, с целью повышения эффективности работы, логическим итогом чего является внедрение модели «электронного государства». Суть «электронного государства», «концепции одного окна», заключается в том, что это сосредоточение в одной точке всех управленческих звеньев не только для упрощения взаимодействия физических и юридических лиц с государственными органами и их должностными лицами, но и для предоставления возможности лицу мгновенно обратиться в любое ведомство. А также расширение сфер возможности самообслуживания граждан, как следствие, повышение уровня предоставления электронных услуг различным субъектам.

Правовая платформа для создания «электронного государства» очень объемна, она включает в себя как федеральные, так и региональные нормативные правовые акты. Первоначальную нормативную основу составила федеральная целевая программа, утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 65 «Электронная Россия (2002-2010 годы)», на ее основе принята государственная программа «Информационное общество (2011-2020 годы)» и иные акты. В частности, Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» одной из первоочередных задач закрепляет «ускорение технологического развития РФ, внедрение цифровых технологий в различные сферы общества, создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры».

По государственной задумке, информационные технологии со временем должны будут пронизывать абсолютно все сферы жизнедеятельности общества, а в особенности правовую. Ее трансформация заключается в создании не только «электронного правительства», но и «электронного парламента» и «электронного правосудия». Использование информационно-коммуникационных технологий в правовой сфере главным образом направлено: на сокращение бумажного оборота и создание систем электронного документооборота (исключает непосредственное присутствие при подаче документов, сокращает сроки обращения документов между подразделениями и ведомствами, возможность отслеживать рассмотрение заявки), обеспечение возможности участия в процессах путем системы видеоконференцсвязи и т.д. Данные новшества уже находят свое отражение в действующем законодательстве [10, 11]. Так, граждане могут подать заявление в суд, производить отслеживание рассмотрения материалов, получать различные уведомления. Внедрение «электронного государства» в современные реалии российского общества

позволит улучшить взаимодействие между властью и населением, сформировать обновленный взгляд на процесс управления, основанный на взаимодействии всех элементов механизма государства. Нельзя не отметить, что особо важно в условиях дефицитного бюджета, рассматриваемая концепция предполагает существенную экономию денежных средств.

Однако не все так радужно на сегодняшний день, поскольку не все граждане имеют постоянный стабильный интернет, что является препятствием для реализации своих прав через систему «одного окна». Так, на сентябрь 2019 г. интернетом в России пользуются лишь 78% населения страны (2017 г. – 68%) [4]. Следовательно, отдельные территории по причине труднодоступности не оборудованы связью. Также в этот процент входит пожилое население, которое в силу возраста не способно воспринимать технологические новшества. Кроме того, формирование электронного документооборота непосредственно связано с переводом огромного количества документов в электронный формат, а это, с одной стороны, финансовые затраты на обустройство рабочих мест, с другой стороны, сокращение штата служащих и т.д.

Таким образом, можем говорить о том, что предоставление услуг государственными органами и учреждениями посредством информационно-телекоммуникационных технологий позволяет не только наладить тесное взаимоотношение между административными ресурсами и населением, но также отчасти откорректировать порядок предоставления государственных услуг посредством их оптимизации (формирование двухсторонней (обратной) связи с потребителем услуги).

«Электронное государство» представляет собой образование, включающее в себя не только взаимодействие исполнительно-распорядительной власти, но и осуществление функций законодательными и судебными органами. Данное общение происходит через информационно-коммуникационные технологии, а именно исполнительная власть – через «электронное правительство», законодательная – «электронный парламент» и судебная – в форме осуществления «электронного правосудия». Функционирование данных элементов представляет собой разностороннее явление. Так, с одной стороны, взаимодействовать лицам с государственными структурами стало проще, комфортнее, с другой стороны, существует мнение, что власть как будто еще более отдалилась от человека. Говоря об «электронном государстве», нужно помнить, что оно включает в себя не только перечень услуг, но и качество их предоставления, уровень развития телекоммуникационной инфраструктуры в государстве, а также определяет, какой процент населения пользуется предоставляемыми услугами.

Воплощение идеи «электронного государства» остро задает актуальный вопрос, а будет ли такое государство правовым (идеальным)? И на этот вопрос пока нет однозначного ответа. Однако непроработанность понятийного аппарата, сути и содержания «электронного государства» не умаляет актуальности данной темы. Поскольку совершенно однозначно, что внедрение и распространение модели «электронного государства» посредством информационно-коммуникационных технологий должны в полной мере обеспечивать права и свободы личности, содействовать благосостоянию и процветанию населения, эффективной работе всех элементов механизма «электронного государства». Фактически «электронное государство», используя достижения научно-технического прогресса, должно еще в большей мере реализовывать свое социальное назначение.

В современной правовой науке существует несколько подходов к пониманию понятия «электронное государство», однако наиболее отражающими суть и содержание являются следующие. Так, с точки зрения одного из них, данное явление позиционируется как постиндустриальная философия взаимодействия государства и общества с использованием новейших информационных технологий, а также теория организации власти населением [1]. Вторая, заслуживающая внимания точка зрения представляет исследуемое явление как организацию взаимодействия органов государственной власти и общества в целях предоставления государственных услуг и обеспечения возможности участия в осуществлении власти населения с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [1]. Нисколько не умаляя существующих определений «электронного государства», предпринимая попытки собственного его формулирования, полагаем, следует понимать данное правовое явление как политико-территориальное образование, обладающее суверенитетом, легитимной властью, реализующей свои полномочия, в т.ч. через совокупность организационно-телекоммуникационных средств и способов взаимодействия различных звеньев механизма государства с иными субъектами права (и между собой), обеспечивающей надлежащую реализацию прав и свобод населения при участии во всем многообразии правовых отношений.

В обоснование предлагаемого определения обратимся к современным реалиям, которые свидетельствуют, что на сегодняшний день в российском государстве созданы и функционируют единые платформы интернет-сайтов всех государственных ветвей и их органов, на которых размещена информация о структуре, главных лицах и их заместителях, адреса, контактные данные и часы приемов. Обязательным элементом подобных сайтов является наличие обрат-

ной связи с государственными структурами. Предполагается, что посредством обращения к официальным ресурсам государственных органов любое лицо (пользователь) может получить искомую информацию, отправить (получить) оцифрованные документы (в т.ч. официальные (паспорта, визы, свидетельства, удостоверения)). Продвижение внедрения различных элементов механизма «электронного государства» позволяет дистанционно уплачивать различного вида и назначения налоги, штрафы, иные платежи, получать различного рода социальные выплаты и компенсации. Предоставляется и возможность совершать сделки с движимым и недвижимым имуществом посредством использования электронной подписи. Обеспечение безопасности осуществляется путем предоставления соответствующих паролей, идентификации личности, через личные кабинеты и т.п. Таким образом, «электронное государство» есть не столько модель взаимодействия государственных и иных органов, сколько органов местного самоуправления с физическими и юридическими лицами, спровоцированная научно-техническим прогрессом, «электронное государство» выполняет и свое социальное назначение, а именно должно функционировать на благо и процветание своего народа и минимизировать различия между социальными группами населения для обеспечения баланса в обществе.

Поступательное внедрение модели «электронного государства», несомненно, столкнется и уже сталкивается с определенными трудностями и проблемами. Одной из таких проблемных тем выступает компьютерная неграмотность значительной части населения России или некоторых социальных слоев (пенсионеры, сельские жители отдаленных поселений и т.п.). Кроме того, для некоторых граждан серьезным препятствием является определенная трудность освоения информационно-компьютерных технологий, не говоря уже об отсутствии у населения денежных средств для приобретения соответствующих гаджетов и слабого охвата интернет-ресурсами значительных географических территорий Российского государства. Изложенное позволяет констатировать, что стопроцентное внедрение модели «электронного государства» невозможно в полной мере, пока не будет обеспечен круглосуточный доступ каждого к информационно-коммуникационным технологиям. Однако даже выполнение данного условия (полноценный доступ населения к информационно-коммуникационным технологиям) еще не означает окончательного оформления «электронного государства». Серьезной проблемой является необходимость обеспечения безопасности населения от различных информационно-технологических угроз, в т.ч. террористического, экстремистского, общеуголовного характера. Продолжают оставаться

актуальными вопросы защиты, получения, обработки, хранения, распространения и использования информации, передаваемой через информационно-компьютерные технологии.

Центральной задачей в условиях воплощения модели «электронного государства» следует признать реальную реализацию прав и свобод человека и гражданина, частично переведенных в цифровое поле. Стоит отметить, что условия современной реальности, особенно в период пандемии, диктуют с большей долей вероятности и определенные цифровые ограничения прав и свобод личности, например, в реализации права на здоровье, свободу перемещения, права на труд и т.п. В данном случае необходимо руководствоваться положением Конституции Российской Федерации, провозглашающим возможность «ограничений прав и свобод исключительно федеральным законом» [6] и в строго установленных целях, список которых исчерпывающий.

Случившаяся пандемия заставила обратить внимание на новые реалии жизни (например, дистанционная форма взаимодействия), которые россияне захотели оставить и в будущем. Так, 52% респондентов, участвующих в опросе, высказались за сохранность и развитие возможности получать государственные услуги в онлайн-формате. Около 40% не только положительно оценили возможность работать в дистанционном формате, но и пожелали сохранить эту возможность для офисных служащих и после карантина. В то же время лишь 30 и 29% россиян выступили в поддержку дистанционного образования в вузах и школах соответственно [7].

Однако не все сферы одобрительно воспринимают технологические нововведения. Так, надлежащая реализация политических прав личности посредством информационно-коммуникационных технологий сегодня вообще под большим сомнением. Одним из европейских государств, опережающих в информационном развитии своих соседей, стала Эстония, создавшая систему «e-estonia» – «страна как сервис». С 2005 года все граждане Эстонии, имеющие удостоверение личности, могут не только проголосовать на выборах, но и воспользоваться более чем 4000 онлайн-услугами, т.е. на сегодняшний день более 90% услуг предоставляется в режиме онлайн. Целью данного нововведения стали прежде всего: экономия денежных средств, привлечение жителей отдаленных местностей, а также вовлечение в политический процесс молодежи (голосование через приложение в смартфонах, возможность изменять выбор в течение дня голосования). Однако повысить этим явку на выборы одномоментно не удалось. Система электронного голосования набрала популярность постепенно. «Так, если на парламентских выборах в 2007 году проголосовало онлайн 5,5%, в 2009 году – 14,7%, то

в 2014 году на очередных выборах в Европарламент уже треть всех граждан голосовала электронным способом» [2].

Следует отметить, что в «Великобритании (одной из самых продвинутых по развитию электронного государства и доступа к Интернету стран) лишь около 10 процентов пользователей активно вовлечены в политику через сеть» [9].

Для России возможность реализации политических прав через интернет-услуги является важной возможностью, связано это в большей мере с мобильностью населения. Правомочие политических прав есть, однако в определенных условиях нет возможности их реализации (учеба, отдых, работа в других регионах и государствах). Пилотные электронные выборы были проведены в Москве в 2019 г., явка за первые 3 часа превысила 90% [3]. Согласно опросу ВЦИОМ, 49% россиян одобряют предложение разрешить всем голосовать удаленно, а 48% опрошенных готовы принять участие в электронном голосовании. Основной категорией, выступающей против, являются пожилые люди старше 60 лет (52%) и те, кто практически не пользуется интернетом (56%). Несмотря на абсолютную поддержку электронного голосования молодым поколением, им обозначается опасение в виде снижения доверия к результатам выборов, хакерскими атаками, а также невозможности реализовать свои права в связи с техническими сбоями [8].

Данная система имеет ряд слабых мест. Так, компьютерные файлы могут быть подвержены взлому, а следовательно, волеизъявление может быть осуществлено за другое лицо. Кроме того, неизвестно, как обеспечить процедуру анонимности при подсчете голосов.

Закономерное внедрение модели «электронного государства», возникшей изначально с целью ускорения получения населением государственных услуг,

повышения эффективности управления, а также удешевления данных процессов, получило дальнейшее развитие, охватывая практически все внутринациональные правовые отношения.

В этой связи необходимо предусмотреть и помешать еще большему отстранению власти от населения, пренебрежению демократическими ценностями. Иначе электронное государство никогда не станет правовым, а значит хоть немного идеальным.

Безусловно, следует признать, что «электронное государство» является естественной производной в условиях революционного эволюционирования научно-технического прогресса, трансформации информационно-телекоммуникационных технологий, внедрение и развитие которых нуждаются в пролонгированном исследовании и своевременном выявлении и ликвидации возможных проблем, привлекая научный и практический потенциал.

Таким образом, создание идеального «электронного государства» должно обеспечить не только эффективное, но и менее затратное администрирование, а также изменить вектор развития отношений между гражданским обществом и государством. Именно это должно привести к совершенствованию институтов демократии и реализации принципа взаимной ответственности государства перед личностью.

Внедрение информационно-коммуникационных технологий в реализацию внутренней и внешней политики государства, использование возможностей компаративистики для выявления, обобщения и возможного заимствования прогрессивного зарубежного опыта в заданном направлении, а также теоретическое осмысление модели «электронного государства», его признаков и влияния на жизнедеятельность общества в целом являются актуальными и требуют дальнейшего исследования и проработки.

Литература

1. Василькова М.Г. Электронное государство: проблемы правового регулирования. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/34887-ehlektronnoe-gosudarstvo-problemy-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 10.05.2020).
2. Выборы в Эстонии: плюсы и минусы электронного голосования. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/28022019-vybory-v-estonii-plyusy-i-minusy-elektronnogo-golosovaniya/> (дата обращения: 10.05.2020).
3. Итоговая явка на первом электронном голосовании в Москве. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d7540d39a7947d66cb732b5> (дата обращения: 10.05.2020).
4. Как интернет проникает в Россию. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2019/09/18/12658993/mediascope.shtml> (дата обращения: 10.05.2020).
5. Карнаушенко Л.В. Электронное государство в России: проблемы и перспективы // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 1 (84). С. 17-21.
6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 04.05.2020).
7. Пандемия пройдет. А что останется? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10267> (дата обращения: 10.05.2020).

8. Половина россиян поддержала внедрение электронного голосования. URL: <https://www.rbc.ru/society/11/11/2019/5dc8b6a49a794720931a41db> (дата обращения: 10.05.2020).

9. Сморгунев Л.В. От электронного государства к электронному правлению: смена парадигмы // Политическая наука. 2007. С. 20-49.

10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти [Электронный ресурс]: федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 340.11

И.Д. Ягофарова, канд. юрид. наук, доцент

Уральский государственный экономический университет

E-mail: vaina3@yandex.ru

СУЩНОСТЬ ПРАВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АМБИВАЛЕНТНОСТИ

О сущности права написано уже достаточно много, эта категория является базовой при рассмотрении права в целом. Но стоит отметить, что при этом исследователи преимущественно делают акцент на различных теориях правопонимания или используют классовый и общесоциальный подходы к сущности права, что открывает широкое поле для исследования сущности права, ибо это только одна из существующих позиций. Целью данного исследования является анализ сущности права с точки зрения того, какое воздействие оно оказывает на свободу субъектов, ведь именно в этом проявляется суть и предназначение данного социального регулятора. При проведении анализа определены два наиболее распространенных подхода к пониманию соотношения права и свободы. Результатом проведенного исследования являются структурно-содержательные характеристики обозначенных подходов к сущности права. Кроме того, были выявлены их схожие черты, что позволяет говорить о том, что в науке право понимается большинством исследователей как некая мера предоставляемой свободы, но формы проявления этой меры могут быть различны, что и говорит об амбивалентной сущности права в целом. Проведенный анализ позволяет дополнить представления о сущности права с позиции его соотношения с категорией свободы, что открывает широкие возможности для проведения дальнейших исследований.

Ключевые слова: сущность права, свобода, мера, права и свободы человека, ограничения, пределы.

I.D. Yagofarova, Candidate of Judicial Sciences, assistant-professor

Ural State University of Economics

E-mail: vaina3@yandex.ru

ESSENCE OF LAW: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF AMBIVALENCE

The essence of law already written quite a lot, this category is basic in the consideration of law in general. But it is worth noting that researchers mainly focus on various theories of legal understanding or use the usual class and general social approaches to the essence of law, which opens a wide field for the study of the essence of law, because this is only one of the existing positions. The purpose of this research is to analyze the essence of law in terms of what impact it has on the freedom of subjects, because this is the essence and purpose of this social regulator. The analysis identifies two most common approaches to understanding the relationship between law and freedom. During the research, we used philosophical research methods, among which the axiological method is of particular importance from general scientific research methods, we used the method of analysis, hermeneutical, comparative legal and other methods that allow us to analyze the essential characteristics of law in a more substantive and meaningful way. The result of the research is the structural and content characteristics of the designated approaches to the essence of law. In addition, their similarities were identified, which suggests that in science, the right is understood by most researchers as a measure of freedom granted, but the forms of manifestation of this measure may be different, which indicates the ambivalent nature of the right as a whole. The analysis allows us to supplement the idea of the essence of law from the position of its relationship with the category of freedom, which opens up wide opportunities for further research.

Key words: essence of law, freedom, measure, human rights and freedoms, restrictions, limits.

О сущности права в юридической науке достаточно много работ, имеющих как фундаментальное, так и научно-методологическое значение. Авторы различных историко-юридических периодов рассматривали этот вопрос достаточно активно и предметно, однако преимущественно соотносили понятие сущности права либо с проблемами правопонимания, либо с содержательным закреплением интересов определенных слоев населения. Так, к примеру, исследователь Л.Е. Попова рассматривает сущность права через три аспекта правопонимания – *психологический, социологический и нормативистский*. По утверждению автора, каждый из обозначенных аспектов правопонимания дает возможность под правом понимать уникальный социальный феномен, имеющий различные границы своего содержания и внешней формы выражения [10]. Аналогичную позицию высказывает А.С. Чувальникова, утверждая, что в основе категории «сущность права» (природа права) лежит выяснение вопроса о его смысле существования, который возможно определить через содержательные типы правопонимания, в частности, речь идет о широком понимании (неюридических типах правопонимания) – *социологический позитивизм, теория естественного права и философское понимание права* [15, с. 144]. Профессор М.И. Байтин в своем фундаментальном труде рассматривает сущность права с позиции отказа от однобокой марксистской идеологии и добавляет общесоциальную ценность права, также используя подход к сущности права с позиции противопоставления *естественного и позитивного права* [3]. Такое понимание и анализ сущности права характерны для большинства авторов как прошлого, так и современности.

Говоря о сущности права, необходимо определиться с методологическим подходом, что имеет определяющее значение в любых исследованиях теоретического характера, поскольку определяет инструментарий, понятийный аппарат и направления, необходимые для проведения аналитического исследования и получения соответствующего результата. Практически любое научное познание отличается определенным уровнем субъективизма, поскольку заключается в создании и конструировании наших собственных понятий, которые в дальнейшем транслируются иным субъектам.

Именно по этой причине не существует ни одного однозначного подхода к сущности любого явления, понятия или категории. Авторы зачастую придерживаются разнополярных взглядов на одно явление, что вызывает жаркие научные дискуссии, но именно это позволяет развиваться науке и находить новые инструментариумы для решения возникающих задач. Это полностью соответствует известному выражению «В споре рождается истина» (*Du choc des*

opinions jaillit la vérité – лат.). Задача сегодняшней методологической деятельности состоит в поиске и выработке стратегий и тактик познавательной деятельности, которые могут дать определенный научно или практико-ориентированный результат.

Поэтому при проведении данного исследования были использованы различные методы, начиная с философских, которые позволяют видеть явление в системе и проводить его аксиологическую оценку и характеристику, зачисляя теми методами, которые способствуют проведению анализа явления, представлению его логической конструкции, а также применять его в конкретных практических условиях.

При анализе сущности права неуместно использовать методологический подход, позволяющий видеть одну грань права, ибо в этом случае анализ будет не объективен и не даст желаемых результатов. Изучая феномен права, всегда можно быть уверенным в том, что представление о нем никогда не будет всесторонним. Это может быть обусловлено как объективными причинами (влияние внешних экономических, политических факторов, форма закрепления и др.), так и субъективными причинами, т.к. в сознании каждого субъекта есть свой доминирующий образ права, его содержательная и внешняя сторона. В связи с этим можно заключить, что право – явление многогранное, поэтому разумно рассматривать проявления права и их специфику интегрированно. В данном случае будет сделан акцент на сущностных характеристиках права с позиции того, является ли право гарантом свободы субъектов или, наоборот, ограничителем. С этой позиции просматривается отчетливо *амбивалентный характер права*, которое, с одной стороны, наделяет субъектов определенной свободой, обозначая ее границы, а с другой стороны, все чаще выступает в качестве ограничения меры свободы субъекта, что отвечает в итоге идее достижения общего блага.

Представители первого подхода понимают право как меру свободы (Ф. Аквинский, Дж. Локк, С.С. Алексеев, М.И. Байтин и др.). Согласно их убеждениям, право является «мерилом» свободы, т.е. фактически выступает в качестве ее нормы, определяя границы возможного, должного, запрещенного. Дополнительно к изложенному можно добавить и то, что право, выполняя охранительную функцию, является гарантией осуществления свободы. Таким образом, право легитимирует свободу, вписывая ее границы в правовое поле и делая их законными. Ведь само понятие «свобода» является не менее сложным и многогранным, наряду с правом, зачастую размытым по своему содержанию и в своих границах.

Неслучайно в своих работах Дж. Локк много внимания уделял понятию свободы и рассматривал ее как поведение субъектов, направленное на удовлет-

ворение их потребностей и интересов. Однако безгранично такое поведение быть не может, поэтому именно право устанавливает определенные границы поведения субъектов, действуя в интересах всего общества и государства. Тем самым благодаря этому удачным образом увязываются необходимость и справедливость через понятие разумности [7, с. 268-269, 330-331].

В современных исследованиях продолжается эта тенденция. Известный отечественный теоретик права профессор С.С. Алексеев, рассматривая право как ценность высшего порядка, видел в нем «признаваемую в данном обществе, его практической жизни обоснованность, оправданность определенного поведения людей, свободы такого поведения» [2, с. 6]. Это позволило выделить определенные функции права, которые проявляют себя в отношении свободы. В первую очередь, право, благодаря своему общеобязательному характеру, является гарантом свободы, что в принципе является уже устоявшейся позицией среди исследователей. Кроме того, право, устанавливая определенные границы свободы, охраняет ее и отграничивает от различного рода злоупотреблений и иных «опасностей». Разумеется, это происходит лишь на теоретическом и законодательном уровнях, хотя практика реализации может быть абсолютно иной. Охраняя и гарантируя свободу субъектов, право тем самым дает возможность личности трансформировать свободу в любых творческих направлениях и проявлять любую активность в рамках установленных границ. Давая характеристику данным функциям, С.С. Алексеев особое внимание уделяет второй функции права, подчеркивая, что право должно устанавливать меру поведения [1, с. 22], т.к. только в этом случае возможно полностью гарантировать субъектам свободу.

Профессор Н.И. Матузов также придерживается того, что свобода находит себя лишь в праве, поскольку именно «право служит официальным мерилom действующей свободы» [8, с. 389-390]. Устанавливаемые границы права зависят от множества факторов, обусловленных политическими, экономическими и другими условиями.

Представители второго подхода считают, что право в большей степени предстает как мера ограничения свободы (И. Бентам, Т. Гоббс, профессор А.Ф. Черданцев и др.). Сторонниками этого подхода право рассматривается как особый инструмент, с помощью которого свобода субъекта ограничивается такими средствами и способами, которые есть в распоряжении государства в определенных целях. И право не столько гарантирует свободу, устанавливая меру дозволенного, сколько ограничивает ее, устанавливая рамки поведения. Для этого подхода характерны крайние позиции исследователей, начиная

с абсолютно негативных, где право рассматривается как негативное средство воздействия на субъекта, заканчивая позитивными взглядами на право как необходимое и разумное средство существования и реализации свободы субъектов.

Одним из наиболее ярких представителей негативного подхода является И. Бентам, который понимал сущность права в ограничении свободы. Само право и его веления создавались для ограничения свободы субъектов, поэтому, «создавая обязанности, закон ограничивает свободу... Установление прав, наложение обязанностей, охранение личности и даже охранение самой свободы иначе не возможно, как в ущерб свободе» [4, с. 389-390]. Он не видел положительных результатов ограничения свободы и считал, что право, по своей сути, ущемляет состояние и сущность свободы в целом.

Большинство же представителей данного подхода склонны считать, что ограничение свободы правом есть разумная необходимость. Эта необходимость обусловлена многообразием человеческих потребностей и интересов, которые без упорядочения могут превратить систему в хаос. Веления, исходящие от представителей государства, позволяют установить рамки и для выражения индивидуальной воли каждого субъекта и для государства в целом. Таким образом, происходит оптимальное сочетание интересов государства и личности [6]. Именно в современных условиях наиболее выпукло проявляется амбивалентная сущность права, когда, с одной стороны, в целях обеспечения частных интересов государство наделяет каждого субъекта свободой в рамках дозволенных границ, предоставляя им возможность для реализации своих субъективных прав на основе объективного права, а с другой стороны, в целях удовлетворения общего блага, интересов всего общества – обеспечения национальной безопасности, правопорядка и др. – государство ограничивает свободу каждого субъекта права, создавая оптимальный баланс соотношения частных и публичных интересов.

Этой же позиции придерживается и профессор А.Ф. Черданцев, говоря о том, что «свобода существует до и помимо права» [9, с. 40]. Согласно его позиции, изначально право возникло как средство ограничения свободы субъектов в виде различного рода табу, запретов, устрашений и т.д. Свобода существует изначально и никоим образом не создается нормативными предписаниями, соответственно, эти законодательные веления, то бишь право, не могут являть собой гарант свободы, они лишь ограничивают уже существующую свободу. Поэтому в «праве следует искать не основу, а ограничение свободы» [13]. Таким образом, право рассматривается в качестве одной из форм, меры несвободы [14, с. 9]. Безусловным является тот факт, что современная система

права и конкретные отрасли права вне зависимости от того, являются они публичными или частными, содержат нормы различного рода обязывания, запреты, которые оказывают ограничительное действие на свободу субъектов права. И таких норм-обязанностей и норм-запретов, выступающих в качестве форм не-свободы, в правовом регулировании преобладающее большинство по сравнению с нормами-дозволениями, т.е. управомачивающими нормами.

Большинство современных авторов рассматривают уже введенные правовые ограничения, их характер, последствия, признавая тем самым, что право в последнее время все чаще предстает не как гарант свободы субъекта, а как его ограничитель, конечно, в разумных и необходимых целях [5]. Важным условием таких ограничений прав и свобод человека и гражданина является их правомерность и целесообразность. Степень разумности и необходимости ограничения прав и свобод человека и гражданина может определяться лишь объективными причинами – обеспечением безопасности интересов общества и государства. Каждая из составляющих сущности права с точки зрения выражения меры свободы или ограничения свободы субъектов права должна находиться в определенном балансе учета интересов трех основных субъектов – личности, общества и государства. Все ограничения прав и свобод человека должны быть четко выверены и оправданы с точки зрения обеспечения общественных и государственных интересов, появления новых вызовов и угроз национальной безопасности.

В связи с этим актуализируются многие проблемы, связанные с ограничением прав и свобод человека и гражданина, – обоснование их справедливости в части пропорциональности, соразмерности, чрезмерности, адекватности и необходимости. Данный аспект обозначенной проблемы нашел свое отражение в позициях Конституционного Суда РФ (Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об ос-

новных гарантиях избирательного права и права на участие в референдуме граждан РФ», Постановление Конституционного Суда РФ от 26.02.2010 № 4-П по делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.А. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой и др.).

Рассматривая эти два кажущиеся разнополярными подхода, можно отметить их сходство, которое заключается в том, что сторонники и того, и другого подхода рассматривают право как меру свободы. Представители двух подходов солидарны также и в том, что безграничная свобода невозможна, пределы ее реализации необходимы в целях эффективного существования государства и общества в целом, разница лишь в аксиологической оценке устанавливаемых ограничений. Те ограничения, которые устанавливает государство, часть населения воспринимает как позитивные меры, аргументируя это заботой государства о личности, другая часть видит в этом ущемление их прав и свобод.

Абсолютно точно этот двойственный характер права определил Е.Н. Трубецкой, отметив, что сущность права выражается, с одной стороны, в том, что оно указывает меру дозволенного поведения, тем самым предоставляя определенную свободу. С другой стороны, оно ограничивает это дозволенное поведение различными рамками и правилами [12, с. 291].

В заключение хотелось бы отметить, что анализ соотношения права и свободы является дискуссионной темой научных исследований как прошлого, так и современности, как в отечественных исследованиях, так и в работах зарубежных авторов. Теоретики разрабатывают различные методологические подходы, конструкции относительно понимания сущности права и соотношения права и свободы. Но в целом можно отметить, что в рамках данных дискуссий общепринятым и устоявшимся является понимание сущности права, с одной стороны, как меры свободы, с другой стороны, как меры ограничения свободы, в чем и проявляется амбивалентный характер права.

Литература

1. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 710 с.
2. Алексеев С.С. Философия права. М.: Норма, 1999. 349 с.
3. Байтин М.Н. Сущность права. М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. 544 с.
4. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. М.: Мысль, 1999. Т. 3. 416 с.
5. Болотин В.С., Панько С.Л. Ограничение прав и свобод человека в Российской Федерации как средство защиты конституционного строя // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 6. С. 169-174.
6. Колоткина О.А. Субъектные приоритеты в сфере обеспечения национальной безопасности // Вестник Российского нового университета. 2019. № 4. С. 20-24.
7. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. 668 с.
8. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. 245 с.

9. Мудрость юриспруденции (Краткая латинская фразеология) / сост. и комм. А.Ф. Черданцев. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1996. 320 с.
10. Попова Л.Е. Сущность права и отечественное правопонимание // Закон и жизнь. 2018. № 2. С. 30-34.
11. Саляхетдинов С.Р. Сущность и признаки права // Молодой ученый. 2019. № 51. С. 147-149.
12. Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. 543 с.
13. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 320 с.
14. Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 5-14.
15. Чувальникова А.С. Основания концептуальности правопонимания // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 142-145.
16. Ягофарова И.Н. Право как мера свободы или ее ограничение: теоретико-методологический анализ // Сибирский антропологический журнал. 2020. № 3. Т. 4. С. 275-280.

Административное право и административный процесс

УДК 342.9

Д.В. Андреев

адъюнкт Омской академии МВД России

E-mail: adv1986@rambler.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОЙ ПРОДАЖИ АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ

В настоящее время вопросы легализации дистанционной продажи алкогольной продукции являются очень актуальными и дискуссионными. Автором статьи обозначены различные точки зрения по данной проблеме, а также приведены собственные выводы на основе проведенного анализа статистических данных совершенных преступлений и административных правонарушений в состоянии алкогольного опьянения и изучения других исследований данной проблематики.

Актуальным объектом исследования является вопрос об общественных отношениях, складывающихся в сфере оборота алкогольной продукции с использованием сети Интернет, а также административная ответственность за совершение малых деликтов в глобальной информационной сети. Также в статье рассматриваются некоторые проблемы привлечения к административной ответственности за продажу алкогольной продукции через интернет, процессуальные сложности, с которыми сталкиваются сотрудники полиции на практике.

Ключевые слова: легализация дистанционной продажи алкогольной и спиртосодержащей продукции, правоохранительная деятельность, алкогольная продукция, спиртосодержащая продукция.

D.V. Andreev

postgraduate student of Omsk Academy of the Ministry of the Interior
of Russia

E-mail: adv1986@rambler.ru

CURRENT ISSUES OF LEGALIZATION OF REMOTE SALE OF ALCOHOLIC AND ALCOHOL-CONTAINING PRODUCTS

The article is devoted to the problems of remote sale of alcoholic and alcohol-containing products per Internet. Currently, the issues of legalizing of remote sale of alcoholic beverages are very topical and debatable. The author of the article identifies two points of view on this problem, leads some conclusions based on the analysis of statistical data, committed crimes and administrative offenses while intoxicated and results of other studies of this problem.

The actual object of the research is the issue of public relations that develop during the turnover of alcohol products per Internet, as well as administrative responsibility for minor torts in the global information network.

Key words: legalization of remote sale of alcohol and alcohol-containing products, law enforcement, alcohol products, alcohol-containing products, responsibility for sale of alcohol products per Internet.

Процесс развития телекоммуникационных технологий в России зародился достаточно давно и постоянно совершенствуется. Статистические данные показывают, что к началу 2019 г. уровень пользования глобальной сетью Интернет в России среди населения от 16 лет и старше составляет 75,5% от числа взрослого населения [5]. Данный показатель находится на достаточно высоком уровне, что подразумевает под собой доступность к пользованию интернетом большого числа граждан и получения любой информации.

В настоящее время взаимодействие общества стремительно переходит в цифровую среду. Посредством телекоммуникационных систем обмена и получения информации современное общество может осуществлять практически все необходимые человеку процессы, начиная от осуществления досуга, различного рода покупок до организации трудовой деятельности дистанционным способом, т.е. произошел некий синтез информационных технологий и общественных отношений.

Безусловно, вопрос такого рода синтеза отношений по праву заслуживает отдельного исследования. В данной работе мы хотим провести исследование общественных отношений при оказании услуг по продаже алкогольной продукции с использованием глобальной сети Интернет, а также проанализировать проблемы, имеющиеся в данной сфере, и попытаться найти пути их решения.

Продажа алкогольной и спиртосодержащей продукции – это особый вид предпринимательской деятельности, который регулируется федеральным законодательством.

Алкогольная и спиртосодержащая продукция – это особый химический состав, ее потребление оказывает на организм человека определенное влияние. Вопросы влияния алкоголя на организм человека давно изучены, имеется множество исследований в данной сфере [1, с. 128; 2, с. 4; 4, с. 6]. Злоупотребление алкогольной продукцией приводит к заболеванию алкоголизмом. Алкоголизм приводит как к патологии внутренних органов человека, так и нарушению его психического здоровья. Справедливо, что в Российской Федерации алкоголизм признается угрозой национальной безопасности в области здравоохранения [11].

Вопросы оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции достаточно спорны, с одной стороны, данная продукция оказывает отрицательное влияние на здоровье человека, но с другой стороны, это поступление в бюджет большой суммы денежных средств. В Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации указано,

что потребление алкогольной продукции и изменение структуры ее потребления в сторону более крепкой продукции происходили из-за смещения приоритетов в сферу экономических интересов в ущерб охране здоровья населения [7]. Согласно данным аналитического центра при Правительстве Российской Федерации в период с января по август 2019 г. прибыль с акцизного сбора алкогольного рынка составила 235,4 млрд руб. [12].

Вместе с тем одной из целей данной Концепции является снижение потребления алкогольной и спиртосодержащей продукции населением.

Для достижения указанной цели в Федеральном законе № 171-ФЗ (далее – ФЗ № 171-1995 г.) большое внимание уделяется правилам торговли спиртосодержащей и алкогольной продукцией, которые в свое время постоянно подвергаются изменениям, более четкому регулированию и ограничениям. В настоящее время в период синтеза информационных технологий и общественных отношений дискуссионным остается вопрос дистанционной продажи алкогольной продукции.

В своем выступлении глава Сбербанка Г. Греф назвал алкоголь важным товаром для тех, кто оказался в режиме самоизоляции в период распространения пандемии Covid-19, в связи с чем он предлагает легализовать продажу алкогольной продукции через интернет [3].

Министерством финансов России разработан законопроект «О внесении изменений в ФЗ № 171-1995 г. (в части легализации осуществления розничной продажи алкогольной продукции дистанционным способом с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет)».

Законопроект предусматривает создание института легальной интернет-торговли алкогольной продукцией путем создания специализированного реестра лиц, осуществляющих розничную продажу алкогольной продукции дистанционным способом с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет [13].

Изложенные предложения прежде всего ориентируются только на экономическую выгоду, при этом не принимая во внимание проблемы оздоровления населения, повышения демографии.

Главными противниками легализации онлайн-торговли алкогольной продукцией выступают Министерство здравоохранения России и Роспотребнадзор. По мнению данных ведомств, существует опасность, что это может привести к росту алкоголизма среди россиян.

В Министерстве здравоохранения полагают, что: во-первых, дистанционная продажа не позволяет четким образом определить покупателя и исключить возможность приобретения несовершеннолетними;

во-вторых, это позволяет не соблюдать установленные законом ограничения территориальной доступности [8].

На данный момент законодательно вопрос о легализации дистанционной продажи алкогольной продукции решен. Подписанные поправки в ФЗ № 171-1995 г. Президентом России включают запрет дистанционной продажи алкогольной продукции и вводят административную ответственность за распространение в средствах массовой информации предложения о продаже дистанционным способом алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Мы считаем, что данное решение абсолютно необходимо для оздоровления нашего общества, повышения рождаемости и улучшения иных общественно-социальных аспектов, которым угрожает алкоголизм.

Анализ статистических данных Генеральной прокуратуры России четко отражает объективные реалии сегодняшнего дня в части угроз, исходящих от злоупотребления алкогольной продукцией. Так, за период 2019 г. на территории России совершено 323 528 преступлений в состоянии алкогольного опьянения, 24 737 преступлений совершены в быту, 252 888 материалов составлено сотрудниками полиции за совершение побоев [14].

Приведенные статистические данные показывают, что население России не обладает необходимой культурой потребления алкогольной продукции, которая обеспечила бы безопасность жизни и здоровья общества, и не готово к легализации дистанционной продажи алкогольной продукции.

Следующая проблема – это общественные отношения в сети Интернет, складывающиеся не между организациями (индивидуальными предпринимателями) – обществом – государством, а между гражданами и государством, их взаимодействие и соблюдение норм права при пользовании интернетом. Регламентирование общественных отношений в информационной среде считаем возможно, но оперативное применение мер государственного контроля и надзора в случае совершения деликта затруднено по ряду причин, среди которых можно выделить отставание законодательства от общественных отношений в информационной среде, низкий уровень материальной базы учреждений органов государственной власти.

Совершение противоправных деяний в сети Интернет общественно опасны тем, что они направлены на большое количество граждан. Исследования проблем совершения правонарушений в сети Интернет проводят многие ученые. Д.А. Новгородов в своей работе «Административные правонарушения, совершаемые в сети Интернет» уделил внимание ряду составов правонарушений. Он приходит к выводу о том, что за административные правонарушения, кото-

рые совершаются с использованием или посредством информационно-телекоммуникационных сетей и в диспозициях которых не содержится такого квалифицирующего признака, ответственность должна быть выше, чем за аналогичные правонарушения, совершенные «традиционным» способом [9, с. 126].

Стремясь к получению прибыли, пренебрегая нормами морали, некоторые граждане при помощи информационных технологий осуществляют дистанционную продажу алкогольной и спиртосодержащей продукции, которая реализуется не только взрослому населению, но и несовершеннолетним лицам, при том что и качество реализуемого товара не всегда соответствует ГОСТу.

Газете «Московский комсомолец» глава Минпромторга Денис Мантуров сообщил, что алкоголь продают в интернете большими объемами [6].

По оценкам ассоциации компаний интернет-торговли объем нелегального российского онлайн-рынка алкогольной продукции составляет от 2,1 млрд до 10 млрд рублей в год. Из них 70% приходится на продажу крепкого алкоголя и 30% – на продажи вина и пива [15].

С 2017 года размещение сведений о продаже алкогольной или спиртосодержащей продукции в информационно-телекоммуникационных сетях является составом административного правонарушения, предусмотренного ч. 8 ст. 13.15 КоАП РФ, однако данный состав не входит в компетенцию органов внутренних дел, в связи с чем не представляет интерес для данного исследования.

Считаем необходимым подробнее обратить внимание на способ совершения правонарушения в сфере дистанционной продажи алкогольной продукции.

С целью получения прибыли граждане создают страницу в социальных сетях на несуществующее лицо, на данной странице социальной сети размещается информация, содержащая перечень алкогольной и спиртосодержащей продукции, предлагаемой для продажи с указанием контактных данных продавца. В дальнейшем продавец и покупатель обговаривают количество продукции и место встречи.

Предложение о продаже алкогольной или спиртосодержащей продукции возможно выявить при осуществлении мониторинга сети Интернет. Безусловно, правоотношение между государством и потенциальным продавцом возникает с момента размещения информации в информационно-телекоммуникационных сетях, т.к. ФЗ № 171-1995 г. запрещена продажа алкогольной и спиртосодержащей продукции дистанционным способом. Вместе с тем для сотрудников полиции данный факт будет являться только поводом для проведения проверки информации по факту продажи предлагаемой продукции. С этого момента возникают определенные правовые сложно-

сти. Во-первых, при выявлении такого рода предложения о продаже алкогольной продукции возникают правоотношения между государством и продавцом, как было ранее отмечено, при этом сотрудники полиции от имени государства обязаны незамедлительно принять меры воздействия на гражданина путем информирования Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в рамках совместного соглашения от 23 августа 2017 г. При этом меры воздействия могут не достичь своей цели. Это объясняется тем, что если одна страница будет заблокирована, то правонарушитель может создать другие подобные страницы. Во-вторых, с целью пресечения факта продажи алкогольной или спиртосодержащей продукции сотрудникам полиции необходимо установить и задокументировать факт продажи, т.е. провести определенные проверочные действия, граничащие с проведением

оперативно-разыскных мероприятий, что осложняет работу сотрудников полиции, не уполномоченных на проведение таких мероприятий.

Таким образом, учитывая определенные сложности при документировании рассматриваемого административного правонарушения, необходима разработка детального алгоритма действий сотрудников полиции.

Вместе с тем полагаем, что вопрос легализации дистанционной продажи алкогольной и спиртосодержащей продукции останется дискуссионным, есть и будут появляться новые сторонники дистанционной продажи алкогольных напитков, приводя доводы того, что данный способ продажи удобен населению и экономически выгоден. Также противники «интернет-продаж» будут приводить факты того, что население не готово к такому способу торговли алкогольной продукцией.

Литература

1. Андреев Д.В., Дизер О.А. Защита несовершеннолетних от потребления и приобретения спиртосодержащей продукции (административно-правовой аспект) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы восемнадцатой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2020. Ч. 1. С. 128-130.
2. Братусь Б.С., Сидоров П.И. Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1984. URL: <http://oldmemory.ru/?file=books#> (дата обращения: 15.06.2020).
3. Греф предложил легализовать продажи алкоголя в интернете из-за вируса. URL: <https://www.rbc.ru/society/17/03/2020/5e70cba69a794719f23c30e2>.
4. Еникеева Д.Д. Как предупредить алкоголизм и наркоманию у подростков. М.: Академия, 1999.
5. Исследование GfK: Проникновение Интернета в России. URL: <https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-pronikновение-interneta-v-rossii>.
6. Как я покупала алкоголь онлайн. URL: <https://finance.rambler.ru/other/44304007-kak-ya-pokupala-alkogol-onlayn-lichnyy-opyt-porazil>.
7. Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2009 г. № 2128-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Минздрав против интернет-торговли. URL: <https://rg.ru/2017/09/01/mizdrav-protiv-internet-torgovli-alkogolem.html>.
9. Новгородов Д.А. Совершение административных правонарушений в сети Интернет как обстоятельство, отягчающее административную ответственность // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9.
10. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/25159.pdf>.
13. Официальный сайт Министерства финансов России. URL: <https://www.minfin.ru>.
14. Официальный сайт Генеральной прокуратуры России. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf.
15. Официальный сайт ассоциации компаний интернет-торговли. URL: <https://www.akit.ru>.

УДК 342.922:33

А.Г. Гришаков, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: grischakow@buimvd.ru;

Е.В. Елфимова, канд. юрид. наук, доцент

Уральский государственный экономический университет

E-mail: elfimovaav@mail.ru;

А.В. Коркин, канд. юрид. наук, доцент

Уральский государственный экономический университет

E-mail: andreikorkin@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Актуальность научной статьи заключается в том, что специфика административно-правового механизма обеспечения экономической безопасности в Российской Федерации рассмотрена с позиции общей теории механизма правового регулирования, проанализированы характерные особенности административно-правовых отношений в указанной сфере, определены и классифицированы основные субъекты, обеспечивающие в современных условиях экономическую безопасность государства. Авторы делают вывод, что наибольший объем правовых норм, регулирующих обеспечение экономической безопасности, содержится в подзаконных административных правовых актах.

Ключевые слова: административно-правовой режим обеспечения экономической безопасности, административно-правовые нормы, административно-правовые отношения, механизм административно-правового регулирования, доктрина экономической безопасности, субъекты обеспечения экономической безопасности, стратегия экономической безопасности.

A.G. Grishakov, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: grischakov@buimvd.ru;

E.V. Elfimova, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Ural State University of Economics

E-mail: elfimovaav@mail.ru;

A.V. Korkin, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Ural State University of Economics

E-mail: andreikorkin@mail.ru

ADMINISTRATIVE AND LEGAL MECHANISM FOR ENSURING ECONOMIC SECURITY: THEORETICAL ASPECT

The scientific importance of the article lies in the fact that the specificity of administrative-legal mechanism for ensuring economic security in the Russian Federation examined from the viewpoint of the general theory of the mechanism of legal regulation, analyzed the characteristics of administrative legal relations in this sphere are defined and classified the main entities that support the economic security of the state. The authors conclude that the largest volume of legal norms regulating economic security is contained in subordinate administrative legal acts.

Key words: administrative and legal regime of economic security, administrative and legal norms, administrative and legal relations, mechanism of administrative and legal regulation, economic security doctrine, subjects of economic security, economic security strategy.

В теории права принято считать, что механизм правового регулирования «...выражает деятельную сторону процесса перевода нормативности права в упорядоченность общественных отношений» [24, с. 94]. При этом данный механизм «...позволяет собрать и систематизировать юридические средства правового воздействия на общественные отношения, определить место и роль того или иного юридического средства в правовой жизни общества» [31, с. 158]. В общеправовом смысле механизм правового регулирования – это система юридических средств, при помощи которых осуществляется правовое регулирование [31, с. 454]. Учитывая изложенное, механизм административно-правового регулирования целесообразно определить как совокупность административно-правовых средств воздействия норм административного права на общественные отношения, урегулированные им для фактического претворения в жизнь административно-правовых предписаний.

По мнению профессора Ю.А. Тихомирова, «административно-правовое регулирование в качестве разновидности государственного регулирования есть механизм императивно-нормативного упорядочения организации и деятельности субъектов и объектов управления и формирования устойчивого правового порядка их функционирования. Оно сочетается с нормами гражданского и налогового законодательства и чаще всего как бы “оформляет”, “поглощает”, “вводит” их в действие в том или ином цикле и ситуации жизнедеятельности регулируемых объектов» [32, с. 309].

Таким образом, уместно утверждать, что на основе административного права существует общий правовой режим обеспечения экономической безопасности, поскольку сложность экономической безопасности как системы не позволит урегулировать ее нормами и методами (средствами), присущими не только одной отрасли права, но и совокупности смежных отраслей права. Кроме этого, нельзя не согласиться с мнением исследователей, что «феномен режимного административно-правового регулирования заключается в том, что он в регулировании общественных отношений способен объединить различные методы правового регулирования, в том числе нехарактерные для административного права. Если для административного права присущ такой метод правового регулирования, как императивный, то режимным административно-правовым регулированием могут охватываться правоотношения, которые регулируются диспозитивным методом правового регулирования» [4, с. 18-22].

В юридической литературе в разное время были высказаны различные точки зрения исследователей-административистов относительно основных составляющих механизма административно-правового

регулирования. Между тем на сегодняшний день принято выделять следующие элементы механизма административно-правового регулирования: административно-правовые нормы, акты официального толкования норм административного права, акты применения норм административного права, а также административно-правовые отношения [1, с. 29]. В рамках данного исследования рассмотрим их применительно к правовому режиму обеспечения экономической безопасности.

Итак, к первому элементу относятся административно-правовые нормы. Не будет безосновательным полагать, что из всего отраслевого правового регулирования обеспечения экономической безопасности чаще всего такое правовое регулирование осуществляется нормами именно административного права, т.к. определяет административно-правовой статус государственных правоохранительных органов и негосударственных правоохранительных организаций, являющихся основными субъектами обеспечения экономической безопасности, устанавливает административную ответственность, являющуюся наиболее распространенной в этой сфере по количеству совершаемых правонарушений и привлекаемых к ней лиц. Изложенное находит подтверждение и в юридической литературе, где отмечается «...безусловный приоритет средств административно-правового регулирования, позволяющих связать воедино возможности российской правовой системы и перспективные политические механизмы в анализируемой сфере» [26, с. 23-26].

Необходимо понимать, что «являясь вторичной (производной) формой правоустановления, административно-правовые нормы, создаваемые непосредственно субъектами исполнительной власти, обеспечивают действенность прежде всего конституционных и законодательных правовых норм. Тем самым они служат одним из существенных юридических средств, придающих этим нормам характер реально «работающих» правовых установлений, а также детализирующих и конкретизирующих содержащиеся в них общие правила поведения» [25, с. 144].

Учитывая специфику административно-правовых норм и источников административного права, можно утверждать, что наибольший объем правовых норм, регулирующих обеспечение экономической безопасности, содержится в подзаконных административных правовых актах. Не умаляя ведущую роль для регулирования любой сферы норм права, содержащихся в Конституции Российской Федерации, международных нормативных правовых актах и федеральном законодательстве, здесь остановимся именно на подзаконных нормах. На наш взгляд, несомненный интерес представляют правовые нормы концептуального, стратегического характера, содер-

жащиеся в различных актах высших органов государственной власти, которые затрагивают интересы любого субъекта экономической деятельности, причем не только в сфере экономической безопасности, но и в других областях.

Об этом свидетельствуют, например, нормы, содержащиеся в Стратегии национальной безопасности, которая является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты России, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности нашего государства и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу [15]. Под национальной безопасностью понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан России, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие страны.

Кроме этого, интерес представляет Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. [16], разработанная в целях реализации стратегических национальных приоритетов, определенных в указанной выше Стратегии национальной безопасности. В данной стратегии определяются вызовы и угрозы экономической безопасности, а также цели, основные направления и задачи государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности. Стратегия направлена на обеспечение противодействия вызовам и угрозам экономической безопасности, предотвращение кризисных явлений в ресурсно-сырьевой, производственной, научно-технологической и финансовой сферах, а также на недопущение снижения качества жизни населения.

Есть мнение [3, с. 2-4], что действующая Стратегия экономической безопасности прежде всего обеспечивает государственные интересы, чем кардинальным образом отличается от предыдущего первого аналогичного документа, направленного преимущественно на экономическую безопасность личности и общества [6], поскольку объектом защиты в действующей стратегии является национальная экономика, куда в соответствии с законодательством [2] входят общеэкономические вопросы. В частности, топливно-энергетический комплекс; исследование и использование космического пространства; воспроизводство минерально-сырьевой базы; сельское хозяйство и рыболовство; водное хозяйство; лесное хозяйство; транспорт; дорожное хозяйство (дорожные фонды); связь и информатика; прикладные научные

исследования в области национальной экономики; другие вопросы в области национальной экономики.

Представляется, что такое мнение основывается на формальном подходе к содержанию понятия «национальная экономика» и не может быть положено в основу понимания экономической безопасности как комплексного экономико-правового явления. Существует и противоположная точка зрения, согласно которой «понятие экономической безопасности целесообразно трактовать наиболее широко, включая в него технологические, валютно-кредитные, сырьевые, информационные, производственные, энергетические и экологические составляющие» [26, с. 23-26]. Вполне очевидно, что отсутствие единого подхода к определению содержания понятия «экономическая безопасность» не способствует эффективному правотворчеству и правоприменению в этой сфере, т.к. пока четко не будут установлены основные элементы, составляющие экономическую безопасность, невозможно говорить и о степени достижения поставленных в документах стратегического планирования целей государственной политики.

Не менее актуальной является Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации [14], которая определяет цель и основные задачи научно-технологического развития, устанавливает принципы, приоритеты, основные направления и меры реализации государственной политики в этой области, а также ожидаемые результаты реализации Стратегии, обеспечивающие устойчивое, динамичное и сбалансированное развитие нашей страны на долгосрочный период. Под научно-технологическим развитием России в Стратегии понимается трансформация науки и технологий в ключевой фактор развития России и обеспечения способности страны эффективно отвечать на большие вызовы.

Нельзя не отметить и основы государственной политики Российской Федерации в области промышленной безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу [18], где определены приоритеты, цели, задачи и меры в этой области, а также деятельность участников обеспечения промышленной безопасности, направленная на ее укрепление. Под промышленной безопасностью понимается определяемое комплексом технических и организационных мер состояние защищенности промышленного объекта, которое характеризуется стабильностью параметров технологического процесса и исключением опасности возникновения аварии или инцидента, а в случае их возникновения – отсутствием опасности воздействия на людей опасных и вредных факторов и угрозы причинения вреда имуществу.

Также заслуживает внимания доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации [20], являющаяся документом стратегического

планирования, в котором отражены официальные взгляды на цели, задачи и основные направления государственной социально-экономической политики в области обеспечения продовольственной безопасности нашей страны. Под продовольственной безопасностью в Стратегии понимается состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни.

Несомненную ценность имеют положения доктрины информационной безопасности [19], которая представляет собой систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности в информационной сфере, под которой, в свою очередь, понимается совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений.

Здесь же вполне обоснованно указать и доктрину энергетической безопасности [21], в которой конкретизируются положения стратегий национальной и экономической безопасности, научно-технологического развития, основ государственной политики в области промышленной безопасности, а также других документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Думается, что количество основных документов стратегического планирования в сфере экономической безопасности можно признать необходимым и достаточным, ознакомление с их содержанием также позволяет констатировать достаточный уровень юридической техники составления текста указанных актов, вместе с тем нельзя утверждать, что цели таких документов неизбежно достигаются. Так, к сожалению, не были реализованы в полном объеме положения Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [8], что произошло по различным, в т.ч. и объективным, причинам, среди которых и мировой экономический кризис. Полагаем, что для усиления общественного контроля в рассматриваемой сфере, затрагивающей без преувеличения жизненно важные интересы каждого субъекта, необходимо предусмо-

треть официальное опубликование документов не только стратегического планирования, но и отчетов об их исполнении.

На втором месте по значимости, но на ведущем по юридической силе отметим нормы административного права, содержащиеся в федеральных законах, составляющих правовую основу обеспечения экономической безопасности¹. Основным из них является Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», который определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством, полномочия и функции органов публичной власти в области безопасности, а также статус Совета Безопасности Российской Федерации. При этом названный закон не раскрывает содержания самого понятия «безопасность», хотя ранее действовавший закон [5] определял безопасность как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз».

Данный федеральный закон, в свою очередь, является правовой основой для других нормативных правовых актов об отдельных отраслевых видах безопасности. Например, государственной, транспортной, промышленной, пожарной, информационной, топливно-энергетической, радиационной, а также безопасности обращения с отходами, пестицидами и агрохимикатами. При этом в административном праве выделяют еще общественную и личную безопасность.

Заметим, что правовое регулирование в рассматриваемой сфере также осуществляется федеральными законами: «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [12]; «О противодействии коррупции» [11]; «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [7]; «Об основах государственного регулирования торговой деятельности» [17]; «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком» [13]; «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» [9] и др.

¹ На данный момент действует около 70 федеральных законов, в названиях которых употребляется термин «безопасность», большинство из них – законы о ратификации Россией международных договоров и соглашений в сфере безопасности.

На ступень ниже по юридической силе после законодательных норм в сфере экономической безопасности находятся нормы подзаконных нормативных правовых актов. Основными из них в рассматриваемой сфере являются: Указ Президента России от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» [27]; Указ Президента России от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [30]; Постановление Правительства России от 7 августа 2014 г. № 778 «О мерах по реализации указов Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560, от 24 июня 2015 г. № 320, от 29 июня 2016 г. № 305, от 30 июня 2017 г. № 293, от 12 июля 2018 г. № 420 и от 24 июня 2019 г. № 293» [28]; Постановление Правительства России от 26 апреля 2019 г. № 515 «О системе маркировки товаров средствами идентификации и прослеживаемости движения товаров» [29] и др. Наконец, федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации также весьма активно в этой сфере заняты нормотворчеством.

Поскольку необходимость обеспечения экономической безопасности имеется на всех уровнях правотворчества, то и правовые нормы в этой сфере принимаются не только на федеральном уровне, уровне федеральных округов и субъектов федерации, но и в отдельных муниципальных образованиях и организациях. К примеру, должностная инструкция специалиста по экономической безопасности или правила соблюдения внутриобъектового и пропускного режимов, утвержденные руководителем конкретной организации, по значимости для обеспечения экономической безопасности на локальном уровне могут быть эффективнее некоторых норм, имеющих более высокую юридическую силу.

Следующим элементом механизма административно-правового регулирования экономической безопасности являются акты официального толкования норм административного права. Уместно напомнить, что акты официального толкования норм права – это письменные документы, изданные прямо на то уполномоченными органами и должностными лицами, содержащие разъяснения подлинного смысла норм права, адресованные субъектам правоприменительной деятельности с целью обеспечения законности и единообразия правоприменительной практики.

Среди актов официального толкования выделяют: постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, являющиеся обязательными для всех субъектов права и правоприменитель-

ной деятельности, в т.ч. законодательных и судебных органов; постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и обзоры Президиума Верховного Суда Российской Федерации, в которых в целях обеспечения единообразного применения законодательства формулируются обязательные для нижестоящих судов разъяснения по вопросам судебной практики. Несмотря на формальную обязательность соблюдения таких актов только судами, в силу специфики правосудия как вида юридической деятельности фактически такие акты должны учитываться всеми правоприменителями; судебные решения по конкретным делам, принятые в процессе гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства, являются обязательными только для конкретного дела и не обязательны для учета при разрешении схожих дел, но бывает так, что учитываются правоприменителем при разрешении схожих дел на конкретной территории с учетом уже ранее выработанной судебной практики конкретного суда; акты вышестоящих органов и должностных лиц, изданные ими по вопросам правоприменительной деятельности подчиненных, но юридически не являющиеся нормативными правовыми актами, т.к. не прошли государственную регистрацию в Министерстве юстиции Российской Федерации, не опубликованы в источнике официального опубликования (например, письма, телеграммы, распоряжения, разъяснения и т.п.).

Такие акты «...не влекут правовых последствий, как не вступившие в силу, и не могут служить основанием для регулирования соответствующих правоотношений, применения санкций к гражданам, должностным лицам и организациям за невыполнение содержащихся в них предписаний. На указанные акты нельзя ссылаться при разрешении споров» [10]. Такие акты достаточно распространены в деятельности публичной власти в любой сфере и используются, как правило, для оперативного реагирования на изменение общественных отношений, т.е. до принятия соответствующих норм права и актов толкования норм права уполномоченными субъектами. Однако формальный запрет на использование таких актов не означает, что на них нельзя ссылаться во внутренней организационной деятельности конкретного органа власти или хозяйствующего субъекта. Мониторинг практики показывает, что они широко применяются, о чем свидетельствует их огромное количество, но без правовых последствий для неопределенно широкого круга лиц, т.е. без придания таким актам свойств нормативного правового акта.

Вполне очевидно, что рассмотренные нами элементы механизма административно-правового регулирования не могут обеспечивать экономическую безопасность сами по себе, т.е. оставаясь только «на

бумаге», вне рамок и вне связи с другими элементами. Следовательно, для реального функционирования рассматриваемого механизма необходимы еще два его элемента – административно-правовые отношения и акты применения норм административного права. Напомним, что административно-правовые отношения являются общественными отношениями, урегулированными нормами административного права. В структуру любого правоотношения входят субъекты (стороны), объект, содержание и юридический факт. Поскольку в данном контексте мы рассуждаем о режимном правовом регулировании обеспечения экономической безопасности, то выделим особенности рассматриваемых правоотношений применительно к исследуемой сфере.

Итак, объектом таких правоотношений, т.е. то, по поводу чего правоотношения возникают, изменяются и прекращаются, является обеспечение экономической безопасности. Содержанием данных правоотношений являются взаимные урегулированные правовыми нормами взаимные права и обязанности сторон правоотношения по поводу обеспечения экономической безопасности хотя бы одной из них. В случае нарушения взаимных прав и обязанностей виновная сторона правоотношения может быть привлечена к любому из известных видов юридической ответственности (уголовной, административной, гражданско-правовой, дисциплинарной, материальной) в зависимости от характера допущенного нарушения.

При этом юридическим фактом, т.е. событием или действием, влекущим возникновение, изменение или прекращение правоотношения, здесь чаще всего выступают правомерные действия одной из сторон, хотя возможно возникновение правоотношения и в результате совершения правонарушения, тогда правоотношение возникает по поводу привлечения к юридической ответственности виновного. Наконец, одной из сторон таких правоотношений обязательно является субъект обеспечения экономической безопасности. Законодательство такое понятие не раскрывает, но с учетом вышеприведенного объекта анализируемых правоотношений полагаем, что к субъектам обеспечения экономической безопасности относятся органы публичной власти, иные государственные и муниципальные органы, организации и их должностные лица, а также граждане, их объединения и субъекты предпринимательской деятельности, на которых в силу закона или договора возложена обязанность по обеспечению экономической безопасности.

Таким образом, субъектов обеспечения экономической безопасности можно разделить на четыре группы: наделенные властными полномочиями и действующие в публичных интересах, на которых такая обязанность возложена законодательством (ор-

ганы публичной власти); не наделенные властными полномочиями, которые обеспечивают экономическую безопасность в своих частных интересах, т.е. это все хозяйствующие субъекты, отдельные домохозяйства и граждане; обеспечивающие экономическую безопасность в интересах других лиц на основе гражданско-правового договора с ними и в соответствии с законодательством (аудиторы, нотариусы, адвокаты, частнопрактикующие юристы, частные охранники и др.); обеспечивающие экономическую безопасность в интересах работодателя на основе трудового договора с ним (наемные работники, в должностные инструкции которых включены права и обязанности по обеспечению экономической безопасности).

Чаще всего задача обеспечения экономической безопасности в интересах неопределенно широкого круга лиц возлагается на государственные правоохранительные органы. Среди них основной объем функций по выявлению, предупреждению и пресечению противоправных деяний в этой сфере и привлечению виновных лиц к уголовной либо административной ответственности выполняет полиция, являющаяся структурным элементом МВД России [23]. Более того, в полиции созданы специальные подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции, а в центральном аппарате МВД России – Главное управление по экономической безопасности и противодействию коррупции, основными функциями которого являются: обеспечение экономической безопасности и осуществление борьбы с преступлениями экономической и коррупционной направленности, в т.ч. совершенными организованными группами, преступными сообществами, носящими транснациональный или межрегиональный характер либо вызывающими большой общественный резонанс; осуществление мероприятий, направленных на противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, подрыв экономических основ организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций), борьбу с преступлениями в сфере внешнеэкономической деятельности и фальшивомонетничеством; документирование преступлений экономической и коррупционной направленности [22].

В заключение нельзя не упомянуть еще об одном немаловажном элементе механизма административно-правового регулирования, позволяющем воздействовать на общественные отношения в сфере обеспечения экономической безопасности. Итак, акты применения норм права представляют собой индивидуальное решение субъекта обеспечения экономической безопасности, принятое в пределах его компетенции по конкретному делу, определяющее содержание конкретных прав и обязанностей сторон правоотношения в сфере обеспечения экономиче-

ской безопасности. Как известно, по форме выражения акты применения норм права принято делить на устные, письменные и конклюдентные.

Например, заполненный и подписанный сторонами акт проверки органом муниципального контроля конкретного индивидуального предпринимателя, так же как и утвержденные руководителем какой-либо организации правила внутриобъектового и пропускного режимов, является письменным актом применения нормы права в рассматриваемой сфере. В свою

очередь, конкретное законное требование должностного лица органа муниципального контроля к индивидуальному предпринимателю в период контрольной проверки или требование сотрудника частного охранного объединения от посетителей организации, где установлен пропускной режим, предъявлять пропуска при входе – это устные акты применения норм права. Конклюдентные акты применения норм права имеют не словесную, а поведенческую либо наглядную, знаковую форму выражения.

Литература

1. Административное право: учебник / под общ. ред. А.И. Каплунова. М.: ДГСК МВД России, 2011. 536 с.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Горохова С.С. Об определении экономической безопасности в контексте новой стратегии ее обеспечения в Российской Федерации // Российская юстиция. 2018. № 6 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Долгополов А.А. Сущность режимного административно-правового регулирования // Административное право и процесс. 2012. № 1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О безопасности [Электронный ресурс]: Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (утратил силу).
6. О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях) [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (утратил силу).
7. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля [Электронный ресурс]: федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств [Электронный ресурс]: федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 23 мая 1996 г. № 763. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. О противодействии коррупции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Об Основах государственной политики Российской Федерации в области промышленной безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 6 мая 2018 г. № 198. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Об утверждении положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 16 марта 2015 г. № 340. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

23. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

24. Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / отв. ред. проф. М.Н. Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИКД «Зерцало-М», 2001. Т. 3. 528 с.

25. Попов Л.Л., Мигачев Ю.И. Административное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. Л.Л. Попов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РГ-Пресс, 2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

26. Пролетенкова С.Е., Быков Б.А. Административно-правовое обеспечение экономической безопасности: проблемы и перспективы // Административное право и процесс. 2017. № 2 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

27. Собрание законодательства РФ. 2014. № 32. Ст. 4470.

28. Собрание законодательства РФ. 2014. № 32. Ст. 4543.

29. Собрание законодательства РФ. 2019. № 19. Ст. 2279.

30. Собрание законодательства РФ. 2020. № 14 (ч. I). Ст. 2082.

31. Теория государства и права: учебник для вузов / отв. ред. проф. В.Д. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. 496 с.

32. Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс: полный курс. М., 2003. 652 с.

УДК 342.924

И.А. Гумаров, канд. юрид. наук

Казанский юридический институт МВД России

E-mail: ilnur_gumar@mail.ru;

В.В. Тырышкин, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: witsan333@yandex.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ

Вопросы привлечения лиц к ответственности за незаконный оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции всегда были и остаются достаточно актуальными для органов внутренних дел Российской Федерации. Отдельные правовые и организационные пробелы, рассмотренные в данной статье, затрудняют процесс привлечения виновных лиц к уголовной либо административной ответственности за совершение противоправных деяний, связанных с незаконным оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции. Вследствие этого повышается вероятность отравления граждан некачественной алкогольной продукцией. Авторами статьи предлагаются направления совершенствования деятельности органов внутренних дел по привлечению виновных лиц к ответственности за совершение противоправных деяний в сфере незаконного оборота алкогольной продукции, включающие в себя как внесение изменений в нормативные правовые акты, так и оптимизацию деятельности должностных лиц органов внутренних дел, реализующих должностные полномочия в данной сфере.

Ключевые слова: административная ответственность, уголовная ответственность, алкогольная и спиртосодержащая продукция, оперативно-разыскные мероприятия, оборот фальсифицированной алкогольной продукции, возбуждение дела об административном правонарушении.

I.A. Gumarov, Candidate of Juridical Sciences

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ilnur_gumar@mail.ru;

V.V. Tyryshkin, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: witsan333@yandex.ru

PROBLEMATIC ISSUES OF BRINGING TO RESPONSIBILITY INDIVIDUALS AND LEGAL ENTITIES TO JUSTICE FOR ILLEGAL TRAFFIC OF ALCOHOLIC AND ALCOHOL-CONTAINING PRODUCTS

Issues of bringing persons to responsibility for illegal traffic of alcoholic and alcohol-containing products have always been and remain quite relevant for the internal affairs bodies of the Russian Federation. Certain legal and organizational gaps discussed in this article make it difficult to bring perpetrators to criminal or administrative responsibility for illegal traffic of alcoholic and alcohol-containing products. As a result, the probability of poisoning citizens with low-quality alcoholic products increases. The authors of the article suggest the ways to improve the activities of internal affairs bodies to bring perpetrators to responsibility for committing illegal acts in the field of illegal traffic of alcoholic products, including both amendments to regulatory legal acts and optimization of the activities of officials of internal affairs bodies who exercise their official powers in this area.

Key words: administrative liability, criminal liability, alcoholic and alcohol-containing products, operational search measures, turnover of counterfeit alcoholic products, initiation of an administrative offense.

Неотвратимость ответственности за совершенное противоправное деяние является одним из основных юридических принципов. Однако в практической деятельности органов внутренних дел нередко возникают такие ситуации, когда лица, виновные в совершении противоправных деяний, могут избежать ответственности ввиду наличия определенных правовых или организационных пробелов. В частности, это касается привлечения к уголовной либо административной ответственности за незаконный оборот алкогольной продукции.

Ответственность за деяния, связанные с незаконным оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции, предусмотрена статьями 171.3 и 238 УК РФ [5], а также статьями 14.17, 14.17.1, 14.17.2 КоАП РФ [1]. Разграничение уголовной и административной ответственности в данном случае будет зависеть, во-первых, от стоимости предмета противоправного деяния (в данном случае алкогольной либо спиртосодержащей продукции) и, во-вторых, от последствий, которые имели место в результате противоправного деяния.

При обнаружении признаков таких деяний в соответствии со ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [3] появляются основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). Наиболее распространенными основаниями для этого являются ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

В рамках выявления лиц, занимающихся незаконным распространением алкогольной продукции, возможно применение различных ОРМ, закрепленных в Федеральном законе № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [3]. Чаще всего применяются опрос, наведение справок и сбор образцов для сравнительного исследования, проверочная закупка. Результаты таких ОРМ отражаются в соответствующих документах и прилагаемых к ним носителях информации.

В ходе проведения ОРМ органы внутренних дел получают информацию, необходимую для возбуждения уголовного дела. Что касается привлечения лиц к уголовной ответственности по ст. 171.3 УК РФ, все относительно понятно, необходимо, чтобы стоимость алкогольной или спиртосодержащей продукции соответствовала крупному размеру, т.е. была более 100 тыс. рублей. В случае если стоимость меньше – будет усматриваться состав преступления,

предусмотренного ст. 238 УК РФ, и здесь уже возникают определенные сложности, т.к. после возбуждения уголовного дела по ст. 238 УК РФ нередко возникают трудности, приводящие к прекращению уголовного преследования. Рассмотрим практику работы органов внутренних дел в Республике Татарстан по данному вопросу.

При расследовании преступлений по ст. 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности» возникают следующие проблемы. Законодатель вкладывает в смысл данной статьи то, что она применима, если реализуемая продукция не соответствует установленным нормативам и техническим регламентам. Что касается алкогольной продукции, данные нормативы отражены в Федеральном законе от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [2] и Техническом регламенте Таможенного союза (ТР ТС 021/2011) «О безопасности пищевой продукции», утвержденном Решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 880 [4].

В Республике Татарстан правоприменительная практика сложилась следующим образом: органы предварительного следствия, прокуратуры и суда считают, что одно только превышение тех или иных показателей вредных веществ в составе продукции не является основанием для возбуждения уголовного дела, дополнительно необходимо установить фактический вред, который наносится здоровью человека. При этом правоприменителями не учитывается тот факт, что ряд вредных веществ, содержащихся в алкогольной продукции с превышениями, имеет воздействие в зависимости от физиологических свойств конкретного человека и, более того, имеет свойство накапливаться в организме человека и приводить к пагубным последствиям по истечении продолжительного времени. В настоящее время Верховный Суд Республики Татарстан настаивает на том, что следственные органы на этапе предварительного расследования обязаны назначать комплексную экспертизу алкогольной продукции с участием экспертов-химиков, врачей-токсикологов и прочих специалистов. В ходе проведения исследования был произведен опрос токсикологов, в рамках которого было установлено, что определить степень воздействия на организм человека они могут лишь при конкретном факте отравления. Тем самым правоприменители, толкуя закон в данной интерпретации, имеют основания для отказа в возбуждении или прекращения уже возбужденного уголовного дела на любом этапе предварительного расследования. Немаловажную роль в этом вопросе также имеют коррупционные риски, которые вуалируются данным основанием.

В качестве примера привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ можно привести уголовное дело, возбужденное 09.01.2019 по ч. 2 ст. 238 УК РФ в отношении неустановленных лиц. 8 января 2019 г. неустановленное лицо, находясь в неустановленном следствием месте, действуя умышленно в целях получения материальной выгоды, произвело алкогольную продукцию, представляющую опасность для жизни и здоровья потребителей, которая была приобретена Галимуллиным Р.Г. в магазине «Столица» по адресу: г. Казань, пр. Победы, д. 56а. В результате употребления данной алкогольной продукции 08.01.2019 в 20.15 в указанном магазине наступила смерть Галимуллина Р.Г. Согласно данным судебно-медицинского эксперта, смерть наступила в результате острого перорального отравления метиловым спиртом. Установлено, что Галимуллин Р.Г. употреблял данный алкоголь совместно с двумя знакомыми, один из которых в медицинской помощи не нуждался, а второго в чувство привели сотрудники медицинской службы¹.

Метиловый спирт не является единственным веществом, способным привести к такого рода последствиям. Превышение таких веществ, как альдегиды, высшие спирты, эфиры и т.д., имеет аналогичное действие – проявляются отравляющие, наркотические и иные негативные свойства, однако органы прокуратуры и суда должным образом не принимают во внимание их превышение.

В качестве примера можно привести обстоятельства следующего уголовного дела. Сотрудниками ОЭ-БиПК отдела МВД России по Зеленодольскому району Республики Татарстан 19.07.2018 при проведении ОРМ «Проверочная закупка» был задокументирован факт сбыта спиртосодержащей жидкости объемом 0,5 л на общую сумму 100 рублей гражданкой О.

Согласно заключению эксперта ГБУ «Татэкспертцентр» № 374 от 06.08.2018 изъятая спиртосодержащая жидкость не соответствует требованиям ГОСТ 12712-2013 «Водки и водки особые. Общие технические условия» по массовой концентрации сложных эфиров (результат – 22,8, норма – не более 13) и по органолептическому показателю.

17 августа 2018 г. следователем СО по г. Зеленодольску СУ СК России по Республике Татарстан по данному факту в отношении гражданки О. возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 238 УК РФ.

По результатам проведенного расследования уголовное дело направлено в Зеленодольский городской суд. В ходе предварительного расследования гражданка О. вину признала, в содеянном раскаялась, а также заявила ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке.

¹ Аналитическая информация СУ при МВД по Республике Татарстан.

При рассмотрении данного дела судом принято решение о возврате уголовного дела в следственные органы с целью проведения дополнительного расследования. Согласно позиции суда вышеуказанное превышение сложных эфиров в составе алкоголя не наносит существенного вреда здоровью потребителей, в связи с чем деяние, совершенное гражданкой О., не образует состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ.

Данное решение было обжаловано прокуратурой г. Зеленодольска в Верховный Суд Республики Татарстан. Верховным Судом решение суда первой инстанции оставлено без изменений по аналогичному основанию.

В последующем данное уголовное дело было прекращено по реабилитирующим основаниям, а именно в связи с отсутствием в действиях гражданки О. признаков состава преступления.

Вышеуказанное дает основание полагать, что возбуждение уголовного дела по ст. 238 УК РФ за оборот фальсифицированной алкогольной продукции, не отвечающей требованиям безопасности, возможно только при конкретном факте наступления общественно опасных последствий в виде отравления либо наступления смерти.

Кроме того, как показывает сложившаяся практика, при изготовлении фальсифицированной алкогольной продукции злоумышленники зачастую применяют высокоочищенный этиловый спирт, используемый в медицине и производимый легальными заводами-изготовителями, такими как ООО «МРАБ», ООО «Флора Кавказа» и т.д. При проведении экспертизы алкогольной продукции, изготовленной из данного спирта, физико-химические показатели не превышают установленных ГОСТом нормативов, а зачастую они ниже их.

Данный факт создает условия для оборота фальсифицированной алкогольной продукции и исключает применение ст. 238 УК РФ в качестве санкции за совершаемое деяние. То есть все деяния, связанные с оборотом фальсифицированной алкогольной продукции, не подпадающие под диспозицию ст. 171.3 УК РФ (совершенные на сумму менее 100 000 рублей), не повлекшие каких-либо последствий для жизни и здоровья граждан, будут относиться к категории административных правонарушений.

Правонарушители, как правило, перевозят спиртосодержащую продукцию фасованной в отдельные тары. Соответственно, для того чтобы доказать, что алкоголь является фальсифицированным, требуется провести исследование всей продукции. При этом практика работы правоохранительных органов свидетельствует: даже небольшие объемы изъятной алкогольной продукции полностью парализуют работу экспертного учреждения и экономически не обоснованы.

Так, например, изъятие подобной продукции по уголовному делу № 11801920046000668 парализовало работу экспертной организации ГБУ «Республиканский центр независимой экспертизы и мониторинга потребительского рынка» на 2 месяца. В ходе исследований были израсходованы квоты, заложенные бюджетом на весь год¹.

В связи с этим остро встает вопрос о своевременном применении мер административной ответственности за нарушение требований к производству или обороту этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, т.к. сбыт такой продукции населению может привести к смерти граждан и иным плачевным последствиям.

В соответствии с КоАП РФ постановления по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 14.17, 14.17.1 и 14.17.2, не могут быть вынесены по истечении одного года со дня совершения административного правонарушения.

В соответствии с ч. 4 ст. 4.5 КоАП РФ в случае отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела, но при наличии в действиях лица признаков административного правонарушения постановления по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 14.17, 14.17.1 и 14.17.2, не могут быть вынесены по истечении одного года со дня совершения административного правонарушения, а при длящемся административном правонарушении – со дня его обнаружения. При этом в случае прекращения уголовного дела информация о наличии состава административного правонарушения должна быть отражена в постановлении о прекращении, а также копия постановления должна быть направлена в подразделение экономической безопасности и противодействия коррупции для принятия решения о возбуждении дела об административном правонарушении (далее – АП). Кроме того, не должны быть превышены сроки (1 год с момента

совершения АП), поэтому надлежащим образом должно быть организовано взаимодействие между следственными и оперативными подразделениями. Человек, совершивший в данном случае административное правонарушение, по нашему мнению, не должен избежать ответственности.

В статье 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» закреплены положения, касающиеся использования результатов ОРД. Положения данной статьи связаны с производством следственных действий, розыском преступников и другими направлениями уголовно-правового характера, поэтому возникает вопрос, могут ли результаты ОРМ являться доказательствами по делу об АП ввиду того, что в данной статье об административных правонарушениях ничего не говорится.

Данный вопрос остается открытым в настоящее время. Поэтому, по нашему мнению, в Федеральный закон об ОРД необходимо внести изменения, касающиеся возможности применения результатов ОРМ, в т.ч. и при доказывании по делам об административных правонарушениях. Так как в отдельных случаях оперативное наблюдение за лицами, занимающимися незаконным оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции, может осуществляться достаточно продолжительное время и после прекращения уголовного дела, возможно, срока в 1 год со дня совершения административного правонарушения будет недостаточно для вынесения постановления о привлечении лица к административной ответственности, тем самым лицо сможет избежать административной ответственности. Кроме того, требуется закрепление сроков, возможного объема и процедуры передачи результатов оперативно-розыскной деятельности для привлечения лиц к административной ответственности в специальном нормативном правовом акте ведомственного уровня.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О качестве и безопасности пищевых продуктов [Электронный ресурс]: федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Технический регламент Таможенного союза (ТР ТС 021/2011) «О безопасности пищевой продукции», утвержденный Решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 880 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 04.11.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Аналитическая информация СУ при МВД по Республике Татарстан.

УДК 351.74

О.П. Карнаухов

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: karnauhov.oleg@bk.ru;

И.В. Медведев, канд. пед. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: medwedew514641@mail.ru

О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ НАРУЖНОГО ДОСМОТРА ПОЛИЦИЕЙ

В статье затрагиваются правовые и организационные вопросы применения наружного досмотра как меры административного принуждения. Рассматриваются проблемные вопросы нормативного правового регулирования наружного досмотра задержанного лица, главной целью которого является безопасность сотрудников полиции и других лиц. Проведен анализ действующих нормативных правовых актов, затрагивающих производство наружного досмотра, в результате которого отмечено, что в законодательстве Российской Федерации отсутствуют правовые нормы, дающие сотрудникам полиции право проводить наружный досмотр. На основании анализа нормативных правовых актов делается вывод о недостаточной гарантии безопасности сотрудников полиции при выполнении служебных обязанностей. Предлагается решение данной проблемы путем внесения изменений в законодательство, а также в ведомственный приказ МВД России по оптимизации самой техники проведения наружного досмотра.

Ключевые слова: полиция, проблема нормативного правового регулирования, наружный досмотр, задержанный, личная безопасность сотрудников полиции.

O.P. Karnaukhov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: karnauhov.oleg@bk.ru;

I.V. Medvedev, Candidate of Pedagogical Sciences

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: medwedew514641@mail.ru

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND APPLICATION OF EXTERNAL INSPECTION BY THE POLICE

The article deals with the legal and organizational issues of the use of external inspection as a measure of administrative coercion. The problematic issues of normative legal regulation of external inspection of a detained person, the main purpose of which is the safety of police officers and other persons are considered. The analysis of the current regulatory legal acts affecting the production of external inspection, as a result of which it was noted that there are no legal norms in the legislation of the Russian Federation, on the right of police officers to conduct external inspection. Based on the analysis of regulatory legal acts, the conclusion is drawn that there is insufficient guarantee of the safety of police officers in the performance of their official duties. A solution to this problem is proposed by introducing changes in the legislation, as well as in the departmental order of the Ministry of Internal Affairs of Russia to optimize the technique of conducting external inspection.

Key words: police, the problem of normative legal regulation, external inspection, detainee, personal safety of police officers.

В практической деятельности полиции применение досмотровых мероприятий как административно-предупредительная мера используется довольно часто. При решении задач, связанных с охраной общественного порядка и обеспечением общественной безопасности, сотрудникам полиции, в первую очередь представителям наружных подразделений (патрульно-постовой и дорожно-патрульной служб), а также участковым уполномоченным полиции, приходится осуществлять досмотровое мероприятие, в частности, при задержании подозреваемых лиц или перед их доставлением в служебное помещение. Связано это и с соблюдением мер безопасности сотрудников полиции.

По итогам 12 месяцев 2019 г. в Алтайском крае по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 15,8% (с 366 до 424) произошло увеличение возбужденных уголовных дел по ст. 317-319 УК РФ. В большинстве случаев ранения и телесные повреждения сотрудники получают при задержании правонарушителей, выяснении обстоятельств и составлении административных и служебных материалов [7].

При доставлении сотрудники полиции часто сталкиваются с оказанием противодействия, активным воспрепятствованием осуществлению законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению безопасности общества. Нередко на сотрудников ОВД правонарушителями совершались нападения с предметами, используемыми в качестве оружия при разбирательстве на месте правонарушения либо при доставлении.

Важным предупреждающим фактором таких нападений является досмотр задержанных перед их доставлением в служебное помещение. Такая мера широко применяется сотрудниками полиции, однако до сих пор она законодательно не закреплена. В данном случае речь идет о применении наружного досмотра, «целью которого является обнаружение оружия, других предметов, которые могут быть использованы для оказания сопротивления, нападения или побега» [8, с. 41], и основной целью здесь является личная безопасность сотрудника полиции.

Бесспорно мнение А.В. Мягкова по поводу того, что «...указанная мера остро затрагивает честь и достоинство гражданина, оказывает сильное психическое воздействие, что обуславливает необходимость четкого правового регулирования оснований и порядка ее применения» [3].

Отсутствие закрепления в нормах законодательства и недостаточность изложения оснований и тактики производства наружного досмотра в подзаконных ведомственных нормативных актах остаются открытыми вопросами, которые необходимо решать для обеспечения законной и оперативной реализации полномочий сотрудниками полиции. Также применение

подобной меры принуждения полицией не должно вызывать вопросов в их законности у граждан.

Проблематичность положения можно продемонстрировать на основе примера: в то время, когда капитан полиции К. доставлял в дежурную часть ОП по Шелаболихинскому району для разбирательства гр. Л., данный гражданин, находящийся в состоянии алкогольного опьянения, нанес телесные повреждения сотруднику полиции. От удара кулаком произошли ушибы мягких тканей лица, СГМ, кровоподтек правого глаза, а складным ножом правонарушитель нанес резаную рану предплечья и кисти руки УУП капитану полиции К. После этого гр. Л. скрылся в лесополосе у села Шелаболиха (впоследствии был задержан).

В ведомственном обзоре говорилось, что при посадке задержанного в служебный автомобиль участковый пренебрег мерами личной безопасности, не произвел досмотр, специальные средства (наручники) к гражданину не применил [6]. Впоследствии сотрудник был привлечен к ответственности за допущенные упущения. Однако, как отмечалось, правовых нормативных оснований, дающих однозначное право на применение таких мер принуждения сотрудником полиции в подобной ситуации, не было. Тогда мог бы возникнуть иной инцидент – сотрудника полиции могли привлечь за превышение своих полномочий.

Анализируя действующие нормативные акты, касающиеся личной безопасности сотрудников полиции, можно отметить, что положения о таком досмотре содержатся только в ведомственных нормативных правовых актах.

Так, единственное упоминание о наружном досмотре можно найти в положении Устава патрульно-постовой службы полиции (далее – Устав ППС), где в пункте 266 говорится о проведении досмотра как о мере, направленной на обеспечение безопасности сотрудников полиции: «...в зависимости от обстоятельств наружный досмотр одежды и вещей, находящихся у задержанных, производится немедленно или в более удобный момент, когда можно получить помощь от других сотрудников полиции или граждан. Обнаруженное оружие и другие предметы, которые могут быть использованы для оказания сопротивления, нападения на наряд или побега, немедленно изымаются» [1]. Именно сущность указанной нормы определяет наружный досмотр как меру предупредительную, осуществляемую в целях личной безопасности сотрудников полиции и граждан. Также в пункте 162 Устава ППС закреплено, что «при посадке задерживаемых в автомобиль патрульные должны принимать меры предосторожности, исключающие возможность нанесения травм этим лицам, нападения их на сотрудников полиции и порчи материаль-

ного имущества». По сути, речь идет о том же наружном досмотре. Однако определение и порядок этой процедуры отсутствуют.

В соответствии с ведомственной Инструкцией о порядке доставления лиц, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации, утвержденной приказом МВД России от 23 декабря 2011 г. № 1298, а именно п. 8 вышеуказанного приказа, «перед помещением лиц, находящихся в состоянии опьянения, в салон транспортного средства сотрудникам полиции необходимо убедиться в отсутствии у них оружия, а также иных предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия», а также п. 9 – «при обнаружении у лиц, находящихся в состоянии опьянения, оружия и иных предметов докладывают в дежурную часть территориального органа МВД России и действуют в соответствии с указаниями дежурного» [4]. В данной норме речь идет о досмотре категории граждан, находящихся в определенном состоянии опьянения, где также отсутствует алгоритм действий в сложившейся ситуации.

Важно отметить, что в рассматриваемых нормах Устава ППСП, где упоминается наружный досмотр, речь идет лишь о категории подозреваемых в совершении преступления, в алгоритме действий при выявлении административного правонарушения (п. 271) про рассматриваемую меру упоминаний нет. Нельзя не согласиться с А.К. Дубровиным, который предложил в Уставе ППСП «закрепить понятие наружного досмотра как административно-предупредительной меры принуждения, применяемой для обеспечения личной безопасности сотрудников полиции и окружающих граждан при задержании лиц, подозреваемых в совершении преступлений и административных правонарушений» [2, с. 3]. Однако на сегодняшний день Устав ППСП, затрагивающий рассматриваемую меру, регламентирует лишь деятельность строевых подразделений ППСП, т.е. на сотрудников из других подразделений ОВД (полиции) он не распространяется.

Некоторые варианты проведения наружного досмотра закреплены в Наставлении по физической подготовке в органах внутренних дел РФ, утвержденном приказом МВД России от 01.07.2017 № 450 (далее – Наставление) [5]. Данное наставление определяет порядок досмотра лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления.

Наравне с правовой стороной требуют рассмотрения приемы проведения наружного досмотра в соответствии с Наставлением. Сразу необходимо отметить, что тем порядком проведения, который реко-

мендует Наставление, в практической деятельности редко пользуются сотрудники (мнение сотрудников полиции постоянно учитывается нами путем регулярных опросов, бесед и анонимного анкетирования). И дело здесь не в незнании требуемого Наставлением порядка досмотра. Так как рекомендуемые способы проведения в пункте 63 достаточно сложно реализуемы на практике, сотрудники в создавшейся ситуации находят более приемлемые для себя варианты досмотра. На сомнительную эффективность описанных в Наставлении действий по досмотру указывают и многие специалисты, работающие в этой области. Основными критериями эффективности данного компонента задержания являются: простота, минимизация временных и физических затрат на проведение данного технического действия, соответствие действий по наружному досмотру степени опасности, которую представляет задерживаемый, безопасность, физическая возможность задерживаемого выполнить требуемые команды, и, что особенно актуально в настоящее время, технические действия по проведению досмотра не должны провоцировать гражданина на ответную агрессию и оказание сопротивления сотруднику полиции. Нередко при выявлении правонарушения, задержании, доставлении сотрудники полиции сталкиваются с неповиновением, сопротивлением представителям государственной власти. Также рассчитывать на подчинение и выполнение многочисленных команд сотрудника полиции, описанных в п. 63 Наставления, представляется проблематичным.

Разберем указанные позиции более подробно. Когда речь идет о наружном досмотре, простоте его выполнения и минимизации затраченных при этом усилий, предполагается, что досмотр может проводиться в любых условиях, в т.ч. когда время на его проведение ограничено. Подобные ситуации очень часто происходят в практической деятельности, и, соответственно, действия с прогибом в пояснице, разворотом ладоней тыльной стороной и разведением пальцев (что не каждый человек физически может сделать), рекомендуемые Наставлением, будут, мягко говоря, неуместны. Особенно это показательно в отношении лиц, находящихся в алкогольном или наркотическом опьянении. В зависимости от стадии опьянения трудно заставить задерживаемого выполнять сложно координационные физические действия, особенно когда правонарушитель и без того агрессивен. Проводить рекомендуемым способом в пунктах 63.1.5-63.8 Наставления досмотр или невозможно, или небезопасно для сотрудника полиции. Случаи оказания сопротивления правонарушителями также не редкость в деятельности сотрудников полиции. Реалии современной правоохранительной деятельности таковы, что случаи оказания сопротивления или неповиновения сотруднику полиции

при административном задержании превращаются в обыденность, более того, нередки случаи и немотивированного оскорбления и нападения на полицейских при исполнении ими своих обязанностей. Если часто даже под угрозой оружия правонарушитель не выполняет требования сотрудника полиции, то провести наружный досмотр согласно инструкциям действующего Наставления очень сложно. Этот факт усугубляется еще и тем, что большое количество подобных сюжетов с соответствующими комментариями попадает в интернет, становясь предметом гласности, «стимулирует» определенную категорию граждан на подобные противоправные действия. Безнаказанность большинства подобных случаев, помноженная на откровенную боязнь сотрудников полиции применять огнестрельное оружие, оказывает негативное влияние на способность сотрудников полиции эффективно решать задачи силового обеспечения правопорядка, составляющей частью которого служит досмотр.

Вместе с тем в практике правоохранительной деятельности и в нашей стране, и за рубежом существуют и активно применяются более экономичные и внешне не привлекающие внимания техники наружного досмотра.

Одной из самых эффективных форм контроля правонарушителя, позволяющих безопасно осуществлять действия по наружному досмотру, является контроль пальцев рук досматриваемого, сцепленных в замок. Когда пальцы находятся в замке, достаточно прихватить два, три пальца одной руки, чтобы полностью контролировать руки задерживаемого и эффективно, своевременно пресечь возможное сопротивление с его стороны. По сути, в данном положении руки задерживаемого полностью заблокированы и, соответственно, дают возможность сотруднику полиции, не выполняя энергоемких действий и не принимая неудобных положений, быстро осмотреть его одежду. В зависимости от степени опасности положения сцепленных рук могут быть за головой или за спиной. В таком положении даже один сотрудник полиции может относительно безопасно осуществить досмотр. Хотя мы всегда рекомендуем данное действие проводить с помощью страхующего. Быстро провести наружный досмотр, не привлекая внимания, можно, плотно контролируя конечности досматриваемого с каждой стороны попеременно, используя помощь второго сотрудника. Плотный тактильный контакт позволяет хорошо чувствовать даже незначительное изменение положения тела досматриваемого и своевременно пресекать попытки сопротивления, разрывая дистанцию или применяя боевые приемы борьбы в соответствии с создавшейся ситуацией. Эффективно блокировать руки задержанного при досмотре можно, используя его одежду,

к примеру, если верхнюю часть куртки опустить на уровень локтевого сгиба досматриваемого и зафиксировать на этом уровне, получаем очень удобную исходную позицию для наружного досмотра. Осуществляя досмотр, необходимо заранее предупредить задерживаемого о своих действиях, проводить их быстро, решительно и без излишней грубости. По поведению лица, в отношении которого проводится досмотр и который предупрежден о нем, можно с большой долей вероятности прогнозировать его действия, если он намерен оказать сопротивление. Однако в любом случае необходима взаимная страховка сотрудников полиции.

Указанные выше способы наружного досмотра могут эффективно применяться в различных ситуациях служебной деятельности сотрудников правоохранительной деятельности. В настоящее время, когда законодательная база, касающаяся определения правовых оснований наружного досмотра, требует изменения, мы предлагаем также внести изменения и в Наставление в разделе наружного досмотра с целью оптимизации технических действий его проведения. Данная проблема очень актуальна в профессиональной деятельности сотрудников полиции и требует активного участия и работы специалистов по профессиональной подготовке в органах внутренних дел Российской Федерации.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о недостаточной гарантии личной безопасности сотрудников полиции при выполнении служебных обязанностей. В законодательстве России отсутствуют нормы, дающие право сотрудникам полиции проводить подобный досмотр, отсутствуют варианты порядка проведения наружного досмотра в пункте 63 «Обучение наружному досмотру» раздела VII «Боевые приемы борьбы» имеющегося Наставления в зависимости от практической ситуации для различных категорий задержанных (находящихся в состоянии опьянения и утративших способность ориентироваться в окружающей обстановке, совершивших административное правонарушение, оказывающих неповиновение и сопротивление сотрудникам полиции).

Для устранения указанных пробелов мы предлагаем дополнить п. 16 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции». А именно изложить его в следующей редакции: «В целях личной безопасности и безопасности граждан проводить наружный досмотр лиц для выявления и изъятия оружия или предметов, используемых для нападения», далее по тексту статьи.

Таким образом, кроме определения и правовых оснований применения наружного досмотра, будет законодательно закреплено право на дополнительную безопасность, исключающую возможность причинения вреда правонарушителем. Порядок и такти-

ческие варианты проведения досмотра необходимо совершенствовать и в Наставлении. Необходимо экипировать наружные наряды, УУП ручными металлоискателями, которые оптимизировали бы процедуру наружного досмотра.

Считаем необходимым дополнить Наставление альтернативной составляющей, где в части проведения досмотра в различных положениях, состоящих из достаточно сложных последовательных элементов действий сотрудников, проводящих досмотр, расширить проведение досмотра другими способами в зависимости от конкретной ситуации. При необходимости сотрудник может требовать предъявить находящиеся в карманах предметы с визуальным осмотром внутренних частей одежды либо прохлопыванием, прощупыванием частей одежды при подозрении в сокрытии оружия либо предметов, используемых в его качестве. В других ситуациях необходимо использование контроля пальцев рук досматриваемого, сцепленных в замок, как более оптимального. Это позволит добиться самостоятельного выбора сотрудником выполнения досмотра, с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности расширить вариативность действий лиц, в отношении которых применяется физическая сила,

а также будет способствовать совершенствованию уровня профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел. Так, главной составляющей в любых ситуациях должен быть успешный результат задержания, досмотра, доставления и т.п.

В целом, по нашему мнению, необходимо непрерывно совершенствовать правотворческую и правоприменительную деятельность в соответствии с имеющимся состоянием и динамикой правовой реальности, в которой действуют сотрудники полиции, обязанные не только обеспечивать общественную безопасность, правопорядок, бороться с преступностью, но и гарантировать адекватную личную безопасность.

Несомненно, рассматриваемый вид досмотра обладает достаточным профилактическим эффектом. В связи с этим возникает необходимость четкого правового регулирования оснований и порядка его применения.

Правильное понимание сущности наружного досмотра как административно-предупредительной меры, твердые знания данных полномочий, особенностей проведения наружного досмотра в различных практических ситуациях будут способствовать повышению эффективности служебной деятельности сотрудников полиции.

Литература

1. Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 января 2008 г. № 80. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Дубровин А.К. Наружный досмотр как норма материального права // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник мат-лов 20-й международной научно-практ. конф-ции, 28-29 мая 2015 г. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2015. С. 112-115.
3. Мягков А.В. Досмотр как мера административного принуждения, применяемая милицией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004. 23 с.
4. Об утверждении Инструкции о порядке доставления лиц, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 23.12.2011 № 1298. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 1 июля 2017 г. № 450. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Обзор ГУ МВД России по Алтайскому краю «О состоянии работы по профилактике чрезвычайных происшествий, связанных с гибелью и ранениями сотрудников ОВД края, за 11 месяцев 2015 года от 22.12.2015 № 9/2068.
7. Обзор ГУ МВД России по Алтайскому краю «Информация о чрезвычайных происшествиях, связанных с гибелью и ранениями сотрудников ОВД края» от 30.12.2019 № 1/8069.
8. Сергеев М.В., Дизер О.А. Вопросы регламентации досмотровых и осмотровых мероприятий, осуществляемых сотрудниками полиции в отношении физических лиц // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3 (45). С. 38-44.

УДК 343.58:342.951

В.В. Мальченкова, канд. пед. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: malchenkovev@mail.ru;

Е.В. Мальченков, канд. пед. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: malchenkovev@mail.ru;

А.А. Лихова

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: alenalichova@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСА ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ

В статье исследуется определенный круг проблем, посвященных правовому регулированию обращения людей с животными, а также предлагаются возможные пути решения существующих и требующих устранения пробелов и недостатков в этой сфере. Специфику проблемы жестокого обращения с животными обуславливают разнообразный характер информации о существующих фактах противоправного поведения, а также высокий уровень латентности. Актуальность рассматриваемой темы весьма высока, т.к. практически каждый день мы сталкиваемся со случаями издевательств над животными со стороны людей, настораживает, что большинство таких деяний по отношению к животным совершается детьми и подростками.

Ключевые слова: животные, жестокое обращение с животными, уголовная ответственность, административная ответственность, общественная нравственность, проблемы, пути совершенствования.

V.V. Malchenkova, Candidate of Pedagogical Sciences

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: malchenkovev@mail.ru;

E.V. Malchenkov, Candidate of Pedagogies Sciences, assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: malchenkovev@mail.ru;

A.A. Likhova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: alenalichova@mail.ru

SOME ADMINISTRATIVE-LEGAL AND CRIMINAL-LEGAL ASPECTS OF REGULATING THE ISSUE OF ANIMAL CRUELTY

This article explores a certain range of problems devoted to the legal regulation of the treatment of people with animals, and also suggests possible solutions to existing and requiring the elimination of gaps and shortcomings in this area. The specificity of the problem of cruelty to animals is determined by the diverse nature of information about existing facts of illegal behavior, as well as a high level of latency. The relevance of the topic under discussion is very high, because almost every day we encounter cases of bullying of animals by people, it is alarming that most of these acts in relation to animals are committed by children and adolescents. Such behavior cannot be perceived as «harmless childish pranks», because all this affects the psyche and the formation of personality, contributes to a stronger manifestation of aggression and cruelty, which, with impunity for such behavior, leads to the commission of violent crimes against people.

Key words: animals, animal cruelty, criminal liability, administrative responsibility, public morality, problems, ways of improvement.

Величие нации и степень ее духовного развития определяются тем, как эта нация обращается с животными.

Махатма Ганди

Наша страна занимает третье место в мире по количеству кошек и пятое место по числу собак [2].

В соответствии со ст. 137 Гражданского кодекса РФ при осуществлении гражданских прав не допускается жестокое обращение с животными, противоречащее принципам гуманности. Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» обязывает применять при пользовании животным миром гуманные способы. Жестокое обращение с животными приобретает все больший размах в современном мире. Бездомные, а зачастую и домашние питомцы подвергаются насилию и издевательствам. Жестокость людей не знает границ – нередки случаи издевательств над животными, многие, совершая такие преступные деяния, снимают их на камеру и публикуют в социальных сетях, тем самым осуществляют влияние на лиц, которые стали очевидцами. Как мы знаем, большему влиянию поддаются дети, что ведет к обострению морально-нравственной проблемы.

В настоящее время уже предпринимаются попытки к совершенствованию законодательства в сфере обращения с животными, но, на наш взгляд, это лишь первые шаги к большой и важнейшей для общества и государства цели – искоренение жестокости по отношению «к братьям нашим меньшим».

Животные всегда были для человека друзьями, товарищами и помощниками, без них было бы тяжело справляться со всеми испытаниями, с которыми сталкиваются люди. Еще в древности человек начал приручать диких животных с целью сделать из них своих помощников во многих видах деятельности. В настоящее время в законодательстве Российской Федерации нет четкого определения «животного». Но в Федеральном законе от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» содержится понятие животного мира. Он определяется как «совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации» [9]. В Федеральном законе от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» также нет точного общего понятия животного, а лишь определяются его виды, такие как: дикое животное, содержащееся в неволе, домашнее животное, животное без владельца [14].

Также можно сказать о том, что статья 137 Гражданского кодекса Российской Федерации, посвященная животным, тоже не содержит определения. Это является, по нашему мнению, неким пробелом в законодательстве.

В Древней Руси животные рассматривались, как правило, в качестве предмета преступления. Так, например, рассмотрев основной закон этого времени – Русскую правду, стоит сказать, что было предусмотрено наказание за кражу животных [17].

Значительные изменения были внесены с принятием Воинского Артикула Петра I. В данном источнике была предусмотрена статья 90, которая устанавливала уход за лошадью и запрещала всячески издеваться над животным. Данное положение свидетельствует о развитии норм права в части усиления ответственности за жестокое обращение с животными. Так, если раньше запрещалось красть и убивать живые существа, то с принятием Артикула запрет вводился на избиение и на применение насилия, что являлось необычным для того времени.

Стоит заметить, что определенной нормы за жестокое обращение с животными предусмотрено не было, Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. не закрепляет такое отношение со стороны людей как отдельный вид преступления. Также, рассмотрев УК РСФСР 1926 г., можно сказать о том, что он тоже не содержит нормы, предусматривающей ответственность за жестокость по отношению к животным.

Изначально при разработке Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. не была предусмотрена норма за жестокое обращение с животными, но на основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 марта 1988 г. «Об ответственности за жестокое обращение с животными» в УК РСФСР 1960 г. впервые вводится ст. 230.1 «Жестокое обращение с животными» [19] – «жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель или увечье, а равно истязание животных, совершенное лицом, к которому в течение года была применена мера административного взыскания за такие же действия». Уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за жестокое обращение с животными, содержала административную преюдицию. В Кодекс РСФСР об административных правонарушениях 1984 г. была введена ст. 102.1 «Жестокое обращение с животными», административная ответственность выражалась в виде предупреждения или штрафа в размере до 50 рублей [6]. Новый КоАП РФ 2002 г. не содержит каких-либо норм, которые предусматривали бы ответственность за негуман-

ное, жестокое обращение с животными. По смыслу ст. 245 УК РФ 1996 г. жестокое обращение с животными признается преступлением, если повлекло непосредственно их увечье или гибель. В целях предупреждения совершения указанных общественно опасных деяний без этих последствий совершенное деяние должно квалифицироваться как административное правонарушение.

Попытки разработки законопроекта о введении административной ответственности за жестокое обращение с животными предпринимались неоднократно. Остановимся на одной из последних. В январе 2016 г. появился инициативный проект Федерального закона № 954756-6 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в целях введения административной ответственности за жестокое обращение с животными», подготовленный депутатами Государственной Думы. Законопроектом предлагается дополнить гл. 20 КоАП РФ статьей 20.34, предусматривающей административную ответственность за жестокое обращение с животными, т.е. действия, повлекшие гибель животного, причинение ему увечий, а равно ограничение доступа животного к воде, пище, ограничение двигательной активности, повлекшие за собой причинение вреда здоровью животного [2].

Многие субъекты Российской Федерации на региональном уровне устанавливают административную ответственность за жестокое обращение с животными. Закон г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» устанавливает административную ответственность «наложение административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до двух тысяч пятисот рублей; на должностных лиц – от четырех тысяч до пяти тысяч рублей; на юридических лиц – от пятнадцати тысяч до двадцати тысяч рублей» (ст. 5.7) [4].

Что касается Алтайского края, то законопроект появился после нашедших в 2013 г. сообщений о вопиющих фактах жестокости. Так, в Барнауле садисты сожгли кота, а в Рубцовске в мусорном баке нашли искалеченных собак. Зоозащитники обратились за помощью. На основании этих просьб и была разработана новая законодательная инициатива. Соответствующий законопроект «О внесении изменений в статью 41 закона Алтайского края "Об административной ответственности за совершение правонарушений на территории Алтайского края"» фракция ЛДПР в краевом парламенте внесла на январскую сессию. Жестокое обращение с животными является серьезной проблемой современного общества. В настоящее время ст. 41 утратила силу – Закон Алтайского края от 04.12.2019 № 106-ЗС [12].

Стоит отметить, что само понятие «жестокое обращение с животными» закреплено в Федеральном законе от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [14]. Статья 11 закона содержит положения о том, что не допускается при обращении с животными.

Важнейшим шагом на пути к улучшению законодательства в сфере жестокого обращения с животными стало принятие Постановления Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2019 г. № 1560 «Об утверждении Правил организации и осуществления государственного надзора в области обращения с животными» [15]. На официальном сайте Государственной Думы РФ сказано, что данный правовой акт вступил в силу с 1 января 2020 г., он устанавливает новые правила выгула опасных собак, запрещает контактные зоопарки, а также регулирует деятельность приютов [16].

В большинстве зарубежных стран предусмотрена более серьезная ответственность за жестокое обращение с животными, нежели в России, т.к. существует мнение, что гуманное отношение к «братьям нашим меньшим» и есть показатель нравственности и развития государства. Многие страны признают деяния, связанные с причинением боли животному, серьезными преступлениями, за которые устанавливают уголовную ответственность. Главной целью принятия специальных законов, посвященных защите животных, является удержание людей от насилия в любой форме, защита животных от недопустимого обращения с ними.

Приведем пример судебной практики применения нормы: мировой судья судебного участка № 7 г. Магадана вынес обвинительный приговор в отношении жителя г. Магадана, признанного виновным в совершении жестокого обращения с животным с применением садистских методов, повлекшего его гибель. Мужчина, находясь в гостях у своего знакомого, проявил жестокость, причинил страдания животному, задушил принадлежащую хозяину собаку, повесив ее на веревке, перекинутой через входную дверь. Судом назначено наказание в виде 10 месяцев исправительных работ.

В аналогичном случае виновный за свои жестокие действия заплатил штраф. Приговором мирового судьи судебного района № 195 Истринского судебного района Московской области от 31 октября 2019 г. Шульски Д.В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 245 УК РФ, и ему назначено наказание в виде штрафа в размере 30 000 рублей [1].

Одной из важнейших проблем в сфере регулирования отношения человека к животному является то,

что законодатель считает, что предмет преступного деяния, закрепленного ст. 245 УК РФ, не является настолько общественно опасным, чтобы принимать кардинальные меры для предотвращения жестокого обращения по отношению к «братьям нашим меньшим». В подтверждение того, что данная проблема имеет огромное значение в современности, опираясь на исследования профессора Александра Бухановского, можно сказать о том, что примерно 60% будущих серийных убийц в детстве жестоко обращались с животными. Главное сходство, которое отмечают ученые между серийным убийцей и человеком, который жестоко относится к животному, состоит в том, что у одного и другого возникает чувство торжества от того, что он может распоряжаться чужой жизнью [24].

Важным является то, что в 2019 г. предлагалось внести поправки, которые будут содействовать снижению возраста достижения уголовной ответственности, предусмотренной ст. 245, до 14 лет. Мы считаем, что это решение является верным, потому что многие преступления в сфере обращения с животными совершаются подростками, порой не достигшими 16 лет, которые не несут ответственности за свои преступления, связанные с жестоким обращением с животными. Но Правительство России данный законопроект не поддержало [18]. Можно привести множество примеров, подтверждающих факт наиболее частого совершения подростками преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ. Резонансным стал случай, который произошел в поселке Строймаш, где были зверски убиты 11 бродячих щенков путем применения петард и шприцов с ядом. Подростки сняли видео во время своих зверств и разослали его одноклассникам. В октябре 2019 г. в Государственную Думу был внесен законопроект о внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в части ограничения доступа к информации в сети Интернет, содержащей материалы жестокого обращения с животными [13, 10]. В настоящее время законопроект еще не был рассмотрен даже в первом

чтении. Так, например, в УК Швейцарии предусмотрена уголовная ответственность за производство изображений, видео- и аудиозаписей, содержащих в себе жестокость или насилие в отношении животных [7].

К сожалению, на сегодняшний день институт российского законодательства уделяет недостаточное количество внимания исследуемой нами проблеме по сравнению с законодателями других стран. Проблемой выступает то, что имеющееся в Федеральном законе от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ понятие «жестокое обращение» не закреплено в Уголовном кодексе, что является большим недостатком современного законодательства. В силу этого мы предлагаем внести понятие «жестокое обращение» в статью 245 УК РФ в виде примечания. Также стоит отметить то, что в настоящее время КоАП РФ не содержит статью, которая бы устанавливала ответственность за ненадлежащее обращение с животными, что является большим недостатком для современного законодательства. Мы считаем, что это необходимый шаг на пути к совершенствованию законодательной базы в сфере гуманного обращения с животными. Исходя из этого, по нашему мнению, стоит сконструировать норму уголовного права, предусматривающую ответственность за жестокое обращение с животными, по примеру УК РСФСР 1960 г., которая будет содержать административную преюдицию.

Законодатель предпринимает меры, направленные на регулирование правил содержания домашних животных, соответственно, и в законодательном акте федерального уровня, а именно в КоАП РФ, должна быть предусмотрена ответственность за несоблюдение установленных правил. Введение новых административных правонарушений в КоАП РФ позволит более эффективно решать проблему жестокого обращения с животными.

Закрепление в КоАП РФ ответственности за многие правонарушения доказало свою состоятельность в качестве превенции совершения общественно опасных деяний.

Литература

1. Апелляционное постановление № 10-1/2020 10-29/2019 от 21 января 2020 г. по делу № 10-1/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ozb5Zzarg7Y8/> (дата обращения: 03.06.2020).
2. Горохов Д.Б. Проблемы качества и эффективности применения Закона об ответственном обращении с животными [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Кодекс города Москвы об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: закон г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: утв. ВС РСФСР 20.06.1984 (ред. от 20.05.2001) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Львова А.А. Жестокое обращение с животными: сравнительно-правовой анализ положений УК России и Германии // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по мат. LXXII международной студенческой научно-практ. конф-ции № 12 (71). URL: [https://sibac.info/archive/social/12\(71\).pdf](https://sibac.info/archive/social/12(71).pdf) (дата обращения: 05.05.2020).
8. О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 20.12.2017 № 412-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. О животном мире [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. О защите животных от жестокого обращения: проект Федерального закона № 97802163-2 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 24.06.1998) (не принят) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 01.05.2019; с изм. и доп., вступ. в силу с 29.10.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Об административной ответственности за совершение правонарушений на территории Алтайского края [Электронный ресурс]: закон Алтайского края от 10.07.2002 № 46-ЗС (ред. от 04.06.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Об информации, информационных технологиях и о защите информации в части оперативного ограничения доступа к информации в сети «Интернет», содержащей материалы жестокого обращения с животными: о внесении изменения в Федеральный закон. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/812541-7> (дата обращения: 05.05.2020).
14. Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 27.12.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Об утверждении Правил организации и осуществления государственного надзора в области обращения с животными [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2019 г. № 1560. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Ответственное обращение с животными // Официальный сайт Государственной Думы. URL: <http://duma.gov.ru/news/47404/> (дата обращения: 05.05.2020).
17. Пространная правда. URL: <https://studfile.net/preview/1801900/> (дата обращения: 05.05.2020).
18. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190710/1556396550.html> (дата обращения: 05.05.2020).
19. Свиридов Р.В. Развитие нормы об уголовной ответственности за жестокое обращение с животными по законодательству советского периода // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 265-268.
20. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_\(1922\)#Глава_IV._Преступления_хозяйственные](https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_(1922)#Глава_IV._Преступления_хозяйственные) (дата обращения: 05.05.2020).
22. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1926_года/Редакция_05.03.1926#Глава_II._ПРЕСТУПЛЕНИЯ_ПРОТИВ_ПОРЯДКА_УПРАВЛЕНИЯ (дата обращения: 05.05.2020).
23. Ускеев Д.Б. Развитие уголовного законодательства об ответственности за жестокое обращение с животными в зарубежных странах // Молодой ученый. 2019. № 13. С. 211-214. URL: <https://moluch.ru/archive/251/57693/> (дата обращения: 05.05.2020).
24. URL: <http://www.serial-killers.ru/materials/buxanovskij-chikatilo-plakal-kak-rebenok.htm> (дата обращения: 05.05.2020).

УДК 343.848:351.745

О.О. Попова

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: olga250793@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Профилактика рецидивной преступности – одна из приоритетных задач органов внутренних дел Российской Федерации. Институт административного надзора, доказавший свою историческую значимость, является ключевым механизмом борьбы с рецидивной преступностью. Эффективность реализации положений нормативных правовых актов, регламентирующих порядок осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, напрямую зависит от квалифицированных действий сотрудников органов внутренних дел. Данная статья посвящена проблемам реализации законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Автором статьи были выявлены причины нарушения сотрудниками органов внутренних дел требований законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а также обозначены пути решения отдельных проблем, возникающих в практической деятельности участкового уполномоченного полиции при осуществлении административного надзора за вышеуказанной категорией лиц. В статье приведены актуальные статистические данные о количестве поднадзорных лиц и о количестве лиц, формально подпадающих под административный надзор.

Ключевые слова: органы внутренних дел, участковый уполномоченный полиции, рецидивная преступность, административный надзор, поднадзорные лица, лица, формально подпадающие под административный надзор, освобожденные из мест лишения свободы, индивидуальная профилактическая работа.

О.О. Попова

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: olga250793@mail.ru

PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE SUPERVISION OVER PERSONS RELEASED FROM DETENTION FACILITIES BY INTERNAL AFFAIRS BODIES

The prevention of recidivism is one of the priority tasks of internal affairs bodies of the Russian Federation. Administrative supervision, which has proven its historical significance, is a key mechanism for combating recidivism. The effectiveness of the implementation of the provisions of regulatory legal acts governing the procedure for administrative supervision of persons released from detention facilities directly depends on the qualified actions of employees of internal affairs bodies. This paper is devoted to the problems of implementing legislation on administrative supervision of persons released from detention facilities. Reasons for law enforcement officers violating the requirements for legislation on administrative supervision of persons released from detention facilities have been identified. The ways of solving certain problems arising in the practical activities of the local district police chief during administrative supervision of the category of persons stated above are indicated. The paper provides relevant statistics on the number of persons under supervision and on the number of persons formally subject to administrative supervision.

Key words: internal affairs bodies, local district police chief, recidivism, administrative supervision, supervised persons, persons formally subject to administrative supervision, released from detention facilities, preventive work with individuals.

Обеспечение прав и свобод человека и гражданина во всех сферах общественной жизни – приоритетная задача любого государства. Конституция Российской Федерации 1993 г. в ст. 2 провозглашает права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, а обязанность по их признанию, соблюдению и защите возлагает на государство [1]. В настоящее время политика государства ориентирована на защиту граждан от преступных посягательств на их жизнь, здоровье и собственность. В процессе реализации данной политики именно правоохранительным органам предоставлено право на осуществление контрольно-надзорных функций в строгом соответствии и с соблюдением существующей нормативной базы.

Важнейшая правовая форма деятельности полиции – это административный надзор, осуществляемый органами внутренних дел Российской Федерации. Особое место в нем занимает именно надзор за поведением и образом жизни отдельных категорий граждан, ранее судимых и освобожденных из мест лишения свободы. На органы внутренних дел возложена одна из ключевых функций – профилактика рецидивной преступности, уровень развития которой в настоящее время принимает угрожающие размеры. Согласно статистическим данным, представленным на официальном сайте МВД России, в январе-декабре 2019 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 2 024 337 преступлений, более половины из которых (617 914) совершено лицами, ранее совершавшими преступления. В январе-апреле 2020 г. зарегистрировано 672,4 тыс. преступлений, раскрыто 351,7 тыс. преступлений. Больше половины (58,6%) расследованных преступлений совершены лицами, ранее совершавшими преступления [4].

Основополагающим началом возрождения института административного надзора в Российской Федерации послужил Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – Федеральный закон «Об административном надзоре») [3]. Начиная с 1 июля 2011 г. в России действует институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, доказавший свою историческую значимость.

Административный надзор – осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей, предусмотренных Федеральным законом «Об административном надзоре».

На сегодняшний день в Российской Федерации создана и действует объемная теоретическая и нормативная база, регулирующая сферу и регламентирующая порядок осуществления административного

надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Однако в ходе несения службы, осуществляя административный надзор за вышеуказанной категорией лиц, у сотрудников органов внутренних дел нередко возникают проблемные ситуации, вопросы и трудности, что приводит к нарушению требований законодательства об административном надзоре за вышеуказанной категорией лиц.

Порядок осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, четко регламентирован ведомственным нормативным правовым актом, согласно которому административный надзор осуществляется подразделениями по организации и осуществлению административного надзора или должностными лицами, на которых возложены обязанности по осуществлению административного надзора [2].

Участковые уполномоченные полиции принимают непосредственное участие в осуществлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Осуществляя наблюдение за поднадзорными лицами, участковый уполномоченный полиции ежемесячно докладывает рапортом начальнику территориального органа о соблюдении поднадзорными лицами установленных судом административных ограничений и выполнении возложенных на них федеральным законодательством обязанностей, возможности совершения поднадзорными лицами преступлений и иных правонарушений, в т.ч. связанных с уклонением от административного надзора [2]. Однако в практической деятельности сотрудников полиции встречаются факты составления участковыми уполномоченными полиции актов посещения по месту жительства либо пребывания поднадзорного лица без указания времени посещения, а также отсутствие подписей поднадзорных лиц в названных актах. Сроки проведения проверок по месту жительства поднадзорных лиц не соблюдаются. Ежемесячные проверки по фактам совершения поднадзорными лицами административных правонарушений не проводятся¹. Продолжается порочная практика фальсификации сведений о проведении профилактической работы с поднадзорными лицами по месту жительства. Так, в УМВД России по Воронежской области при изучении дела административного надзора «М.» обнаружены фиктивные акты посещения по месту жительства, составленные от имени участкового уполномоченного полиции «Л.», а в деле поднадзорного «К.» – рапорты сотрудников полиции о проверках по месту жительства в период отбытия им административного ареста. В МВД по Республике Калмыкия оперуполномоченный уголовного розыска УМВД России по г. Элиста майор полиции «Г.» согласно предоставленным рапортам в

¹ Данные ГУ МВД России по Алтайскому краю.

течение двух месяцев проводил профилактические беседы по месту жительства с «А.», который в это время находился на стационарном лечении в медицинском учреждении¹.

В ряде случаев поднадзорные лица не являются на регистрационные отметки в территориальные органы внутренних дел, а меры административного воздействия к ним не применяются. В результате этого не достигаются цели и задачи административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а у работников прокуратуры, осуществляющих контрольно-надзорные функции, появляются обоснованные и законные основания направлять руководителям территориальных органов внутренних дел представления (в связи с выявленными нарушениями закона), по результатам рассмотрения которых сотрудники полиции привлекаются к дисциплинарной ответственности.

В процессе осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, основными причинами нарушений законодательства, на наш взгляд, являются: присутствие формального подхода у сотрудников полиции, на которых возложены обязанности по осуществлению административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, заключающееся в ненадлежащем осуществлении профилактической работы с поднадзорными лицами; большая доля малоинформативных, недостоверных сведений, предоставляемых по результатам проведения проверочных мероприятий в отношении поднадзорных лиц; отсутствие четкой, налаженной и сплоченной системы взаимодействия по вопросам совместного осуществления административного надзора между структурными подразделениями территориального органа внутренних дел.

Считаем, что вышеуказанные причины нарушения законодательства в сфере административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, требуют особого внимания. В связи с этим возникает закономерный вопрос: какие факторы способствуют возникновению и продолжительному существованию основных причин ненадлежащего исполнения законодательства в сфере административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Обратимся к статистическим данным. Так, по состоянию на апрель 2020 г. в Российской Федерации административный надзор установлен в отношении 114 305 лиц. В Алтайском крае, согласно статистиче-

ским данным за период с января по май 2020 г., под административным надзором находятся 1802 лица². Также нельзя оставить без внимания тот факт, что, помимо поднадзорных лиц, существует категория лиц, в отношении которых формально действуют законные основания для установления административного надзора. Кроме этого, в настоящее время в Российской Федерации на профилактическом учете в категории «лица, формально подпадающие под административный надзор» состоит 126 713 человек, в Алтайском крае – 1491³.

Нельзя не отметить наличия серьезных просчетов, которые существуют в организации профилактической работы с лицами, формально подпадающими под действие административного надзора. Так, лица, отбывавшие наказание и неохваченные учетом, по базам данных на предмет совершения ими административных правонарушений не проверяются, меры по установлению административного надзора к ним не принимаются. Зачастую, оставаясь без контроля, данные граждане становятся участниками повторных противоправных деяний. Например, в Самарской области неоднократно судимый (за преступления против личности и имущественного характера) «Х.» в течение года 8 раз привлекался к административной ответственности, однако сотрудниками полиции мер по постановке его под административный надзор принято не было. В августе 2019 г. им совершено особо тяжкое преступление (похитил несовершеннолетнюю и насильно удерживал ее у себя дома)⁴.

На участковых уполномоченных полиции возложен большой объем должностных обязанностей и полномочий при выполнении служебных задач. Именно участковый уполномоченный полиции проводит индивидуальную профилактическую работу со всеми лицами, проживающими на административном участке и состоящими на профилактических учетах. Учитывая, что в территориальных органах внутренних дел зачастую наблюдается некомплект участковых уполномоченных полиции, необходимо проводить мероприятия, направленные на оптимизацию рабочего времени участкового уполномоченного полиции.

Одним из путей решения данной проблемы, на наш взгляд, может выступить ежемесячное проведение комплексных профилактических мероприятий, в осуществлении которых в обязательном порядке наряду с участковыми уполномоченными полицией

² Данные ГУ МВД России по Алтайскому краю.

³ Там же.

⁴ Обзор ГУОООП «О состоянии работы органов внутренних дел по осуществлению административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в том числе по розыску лиц, уклоняющихся от административного надзора, привлечению к уголовной ответственности по части первой статьи 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 28.08.2019 № 1/9719.

будут задействованы сотрудники строевых подразделений патрульно-постовой службы, дорожно-патрульной службы ГИБДД, сотрудники подразделений, уполномоченных осуществлять оперативно-разыскную деятельность. Сотрудники вышеуказанных подразделений должны владеть информацией о количестве поднадзорных лиц, о количестве лиц, формально подпадающих под действие административного надзора, проживающих в районе маршрутов патрулирования. Также немаловажно учитывать тот факт, что зачастую поднадзорные лица, а также категория лиц, формально подпадающих под действие административного надзора, проживают в районах со сложной криминогенной обстановкой.

Проверка соблюдения административных ограничений в отношении поднадзорных лиц в большинстве случаев проводится в позднее время. В связи с этим принципиально важно планировать и осуществлять именно совместные проверки указанных категорий граждан, достигая тем самым немаловажную цель – обеспечение личной безопасности сотрудника органов внутренних дел. Таким образом, будет осуществляться комплексное, целенаправленное и эффективное воздействие на объект профилактики – поднадзорных лиц и лиц, формально подпадающих под действие административного надзора.

Особого внимания заслуживают следующие проблемы, которые, на наш взгляд, существуют в практической деятельности участкового уполномоченного полиции. В частности, все административные участки, находящиеся в ведении подразделения УУПиПДН территориального органа МВД России, отличаются разной криминогенной обстановкой, а также количеством проживающих поднадзорных лиц, лиц, формально подпадающих под административный надзор. Соответственно, происходит неравномерное распределение нагрузки на каждого отдельно взятого участкового уполномоченного полиции. В связи с этим считаем, что руководству территориального органа МВД России необходимо учитывать данное обстоятельство, осуществляя индивидуальный подход к организации несения службы участковых уполномоченных полиции.

Кроме того, отдельно стоит остановиться на подготовке личного состава органов внутренних дел, в частности молодых специалистов, т.к. сотрудники ОВД, недавно окончившие ведомственные вузы, владеющие знаниями нормативных правовых актов и подготовленные профессионально, в первую очередь должны быть морально и психологически готовы к осуществлению индивидуальной профилактической работы с лицами, в отношении которых установлен административный надзор. Поднадзорные лица обладают специфическим мировоззрением и устоявшимися жизненными приоритетами. В большинстве случаев санкции, которые предусмотрел законодатель за уклонение от административного надзора, не оказывают должного влияния на поднадзорных лиц.

В данном случае считаем необходимым уделять особое внимание институту наставничества, отводя ведущую роль наиболее опытным участковым уполномоченным полиции, старшим участковым уполномоченным полиции. Это принципиально важно в целях совершенствования профессиональных знаний, умений, навыков, формирования высокой психологической устойчивости личности участкового уполномоченного полиции, бдительности, наблюдательности, а также в целях обучения молодых сотрудников приемам и способам личной безопасности в экстремальных условиях служебной деятельности.

В заключение следует подчеркнуть, что в данной статье нами была предпринята попытка найти пути решения отдельных проблем, возникающих в процессе осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Учитывая все вышеизложенное, следует констатировать, что институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, требует особого, пристального внимания. Эффективность реализации положений федерального законодательства, иных нормативных правовых актов, регламентирующих порядок осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, напрямую зависит от квалифицированных действий сотрудников органов внутренних дел.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 8 июля 2011 г. № 818. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Электронный ресурс]: федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Состояние преступности // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/20176492/> (дата обращения: 15.06.2020).

УДК 343.985.5:343.261.8

А.Е. Чечетин, доктор юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: achechetin@mail.ru;

И.Д. Шатохин, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: sha_to_hin@mail.ru

ДОПУСТИМЫ ЛИ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ЗАДЕРЖАНИЕ И ДОСМОТР В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ?

В статье исследуется вопрос о правомерности использования административно-правовых процедур в оперативно-разыскной деятельности при проведении оперативно-разыскных мероприятий, направленных на задержание с поличным лиц, совершающих преступления. Анализ материалов жалоб в Конституционный Суд Российской Федерации позволил выявить распространенность практики применения административно-правовых процедур в оперативно-разыскной деятельности при задержании с поличным лиц, совершающих преступление, и типичные способы применения указанных мер принуждения, привести конкретные примеры нарушения при этом прав личности. В статье приводится также правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации по вопросу о законности применения административного задержания и досмотра обвиняемого. Опираясь на правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, делается вывод о недопустимости административного задержания и досмотра в процессе осуществления оперативно-разыскных мероприятий и необходимости использования для задержания подозреваемых в совершении преступлений лиц исключительно уголовно-процессуальных механизмов по рассматриваемой проблеме.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, оперативно-разыскная деятельность, административное задержание, личный досмотр, обеспечение прав граждан.

A.E. Chechetin, Doctor of Juridical Sciences, professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: achechetin@mail.ru;

I.D. Shatokhin, Candidate of Juridical Sciences

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: sha_to_hin@mail.ru

ON THE POSSIBILITY OF ADMINISTRATIVE DETENTION AND EXAMINATION IN THE OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

The article examines the question of the legality of the use of administrative and legal procedures in operational-search activities when conducting operational-search activities aimed at red-handed detention of persons who commit crimes. The analysis of the materials of complaints to the constitutional Court of the Russian Federation revealed the prevalence of administrative and legal procedures in operational-search activities when detaining red-handed persons who commit a crime and typical methods of applying these coercive measures, and gave specific examples of violations of individual rights. The article also provides the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation on the legality of the use of administrative detention and search of the accused. Based on the legal positions of the constitutional Court of the Russian Federation, it is concluded that administrative detention and search are inadmissible in the course of operational-search activities and that it is necessary to use exclusively criminal procedure mechanisms for detaining persons suspected of committing crimes.

Key words: Constitutional Court of the Russian Federation, operational-search activities, administrative detention, personal search, ensuring the rights of citizens.

Актуальность вынесенного в название данной статьи вопроса обуславливается тем обстоятельством, что оперативно-разыскная деятельность (далее – ОРД) объективно не может обойтись без применения такого тактического приема, как задержание с поличным лиц (далее – захват с поличным), совершающих преступления, сопровождающегося личным обыском (досмотром) задержанного. Однако Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) указанных принудительных мер, как известно, не предусматривает. В этих условиях оперативные сотрудники для решения задач по пресечению и раскрытию преступлений в качестве правовой основы своих действий зачастую используют нормы административного законодательства, предусматривающие задержание, личный досмотр, изъятие вещей и документов и т.д. в качестве мер административно-процессуального обеспечения [7]. Такая практика вызывает многочисленные жалобы на действия оперативно-разыскных служб в суды общей юрисдикции и в Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд). Как показал проведенный нами анализ, вопрос о нарушении прав в процессе проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ), связанных с задержанием и досмотром лиц, заподозренных в совершении преступлений, ставился почти в каждой пятой конституционной жалобе граждан на нормы Закона об ОРД.

В качестве иллюстрации складывающейся практики задержания с поличным в процессе ОРД можно привести следующие довольно типичные примеры. Так, автор одной из жалоб в Конституционный Суд после проведенной у его сообщника проверочной закупки наркотических средств был задержан и доставлен в помещение правоохранительного органа, где был подвергнут принудительному досмотру. Эти действия были оформлены документом, который назывался «Акт личного досмотра и досмотра вещей лица, оперативно подозреваемого в незаконном обороте наркотических средств», а в качестве правовой основы досмотра в документе были указаны статьи 6, 7, 8, 15, 17 Закона об ОРД, а также п. 3 ст. 48 и ст. 49 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [13] (далее – Закон о наркотических средствах и психотропных веществах). Более суток гражданин, лишенный пищи и сна, удерживался в служебном помещении полиции без предъявления ему обвинения, без разъяснения прав, и лишь через 28 часов он был допрошен следователем в качестве подозреваемого, а затем задержан в уголовно-процессуальном порядке. Заявитель в своем обращении совершенно справедливо ставит вопрос о нарушении своих прав и незаконности применения в отношении него указанных

в акте личного досмотра статей законов. Свою позицию он аргументирует тем, что поскольку его задерживали по подозрению в совершении преступления, то полицейские должны были руководствоваться нормами уголовно-процессуального закона, предоставляющими ему пакет процессуальных прав, включая право на адвоката, в то время как примененные в его отношении законодательные нормы таких прав не предусматривают [11].

Анализ представленных заявителем материалов наглядно демонстрирует не только откровенное беззаконие, выразившееся в фактическом задержании подозреваемого без составления необходимых процессуальных документов, но и правовой нигилизм оперативных сотрудников, произвольно толкующих нормы законов. Во-первых, исходя из приведенного названия акта личного досмотра, его составители в данном случае вводят произвольное понятие «лица, оперативно подозреваемого», которое в российской правовой системе отсутствует. Используя это понятие, правоприменители, видимо, хотели подчеркнуть, что подвергнутое личному досмотру лицо не является задержанным в уголовно-процессуальном смысле. Во-вторых, нельзя не видеть и не понимать, что перечисленные в указанном акте статьи Закона об ОРД не предусматривают возможности личного досмотра, а потому ссылка на них как на основание принудительных действий оперативного сотрудника недопустима. В-третьих, не обоснована в акте и ссылка на статьи Закона о наркотических средствах и психотропных веществах, несмотря на то, что согласно п. 3 ст. 48 этого закона должностные лица органов, осуществляющих ОРД, при контроле за хранением, перевозкой или пересылкой наркотических средств наделены правом на проведение досмотра граждан при наличии достаточных оснований полагать, что осуществляются незаконные хранение, перевозка или пересылка указанных средств. Исходя из системного толкования данной нормы ее применение в качестве правового основания проведения досмотров задерживаемых в ходе ОРМ лиц, на наш взгляд, допустимо лишь в единстве с п. 1 этой же статьи, который предусматривает возможность установления на отдельных территориях Российской Федерации специального административно-правового режима контроля за хранением, перевозкой или пересылкой наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Такой же позиции придерживаются и авторы комментария к Закону о наркотических средствах и психотропных веществах, отмечая, что должностные лица уполномоченных органов вправе производить досмотр граждан лишь при осуществлении мер контроля, предусмотренного п. 1 ст. 48 данного закона [1]. Отсюда следует, что указанная норма

может служить основанием для личного досмотра граждан лишь в случае, если на территории, где он проводится, органом государственной власти субъекта Российской Федерации установлен указанный административно-правовой режим. При отсутствии же такого решения указанная норма применяться не может и проведение досмотров на ее основании будет неправомерным. Что касается ссылки на ст. 49 Закона о наркотических средствах и психотропных веществах, наделяющую органы, осуществляющие ОРД, правом на проведение ОРМ, предусмотренных Законом об ОРД, то она не устанавливает ни оснований, ни порядка проведения личного досмотра, а потому в описанном случае была неуместна.

Как показало наше исследование, оперативные сотрудники при захвате с поличным сам факт задержания заподозренного, как правило, не сопровождают составлением каких-либо процессуальных актов, видимо, чтобы не обременять себя необходимостью соблюдения ограниченных сроков внесудебного задержания граждан. При этом в качестве основания для досмотра задержанного ими, кроме упомянутой выше ст. 48 Закона о наркотических средствах и психотропных веществах, чаще всего используются ст. 27.7 и 27.10 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [4] (далее – КоАП РФ), регламентирующие порядок личного досмотра, а также изъятия вещей и документов в производстве по делам об административных правонарушениях. Так, гр. Б., находившийся под оперативно-разыскным наблюдением, был задержан и доставлен в помещение правоохранительного органа, где был подвергнут личному досмотру, в результате чего у него был обнаружен наркотик. Данный факт нашел документальную фиксацию в протоколе личного досмотра и изъятия, в качестве правовых оснований которого были указаны перечисленные выше статьи административного законодательства [8]. В то же время представленные заявителем материалы свидетельствовали, что оперативные сотрудники уже располагали двумя достоверными фактами незаконного сбыта им наркотиков, имевшими место ранее, что обязывало их в соответствии с ч. 1 ст. 157 УПК РФ возбудить уголовное дело и позволяло производить задержание в уголовно-процессуальном порядке.

Нельзя не отметить и распространенность практики захвата с поличным и личного досмотра при проведении ОРМ на основании Федерального закона «О полиции» [14] (далее – Закон о полиции). Так, после получения вымогавшейся гр. Т. взятки он был задержан и досмотрен оперативными сотрудниками, что позволило изъять в кармане его верхней одежды конверт с предметом взятки и возбудить после этого уголовное дело. В качестве правового основания личного досмотра в данном случае использовались пун-

кты 10 и 16 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции [14]. Ссылки на эти нормы свидетельствуют, что правоприменитель исходил из административно-правового характера своих действий. Первая из числа указанных в протоколе норм, как известно, наделяет сотрудников полиции правом на проведение ОРМ и на изъятие при их осуществлении документов, предметов, материалов и сообщений. Такое предписание, на наш взгляд, само по себе не может выступать основанием для личного досмотра, который, как известно, не отнесен законодателем к числу ОРМ. В свою очередь, п. 16 той же статьи наделяет сотрудников полиции правом «осуществлять в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях, личный досмотр граждан <...> при наличии данных о том, что эти граждане имеют при себе оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры либо ядовитые или радиоактивные вещества, изымать указанные предметы, средства и вещества при отсутствии законных оснований для их ношения или хранения». Отсюда следует, что данная норма дает основания для личного досмотра исключительно в целях обнаружения и изъятия незаконно носимых предметов, изъятых из гражданского оборота, к числу которых денежные средства, даже выступающие предметом взятки, как это имело место в деле заявителя, не относятся. Отсюда следует, что указанные в протоколе законоположения, как уже аргументировалось нами выше, не могли выступать основанием для личного досмотра заявителя [24].

В конституционных жалобах приводятся факты, когда производство личного досмотра задержанного оформляется протоколом, в котором вообще отсутствуют ссылки на какие-либо законодательные нормы. Подобные действия нельзя признать законными, поскольку составители такого рода документов руководствуются не нормой права, а известным «жегловским принципом»: вор должен сидеть в тюрьме, что чревато опасностью фальсификаций и злоупотреблений должностными полномочиями ради достижения целей ОРД. К примеру, в одной из жалоб документально подтверждался факт того, как сотрудники полиции при задержании наркосбытчика, успевшего выбросить на землю пакетик с наркотиком, надели на него наручники, а подобранный пакетик скотчем приклеили к его ладони, после чего приступили к оформлению протокола личного досмотра [9].

В практике имеют место факты, когда оперативные сотрудники осуществляют задержания подозреваемых и их личные досмотры в порядке административного производства даже при наличии возбужденного уголовного дела. Так, один из заявителей был задержан на основании поручения следователя

о его розыске и задержании, в котором прямо указывалось, что разыскиваемый подозревается в незаконном производстве психотропного вещества. После задержания он был подвергнут личному досмотру на основании ст. 27.7 КоАП РФ, в результате которого в его одежде было обнаружено и изъято психотропное вещество, признанное судом одним из доказательств обвинения. Автор обращения справедливо ставит вопрос о незаконности действий сотрудников полиции по обнаружению и изъятию у него психотропного вещества, которые должны были осуществляться в уголовно-процессуальном порядке [12]. В данном деле трудно понять причину, по которой оперативные сотрудники, имея на руках поручение следователя, не применили уголовно-процессуальный порядок задержания подозреваемого, поскольку никаких юридических препятствий для этого не существовало. Правда, в этом случае начинал бы отсчитываться 48-часовой срок задержания, что ограничивало действия оперативных сотрудников жесткими временными рамками.

Жалобы в Конституционный Суд на необоснованное применение административных процедур задержания и личного досмотра при проведении ОРМ обусловлены прежде всего тем, что суды общей юрисдикции при рассмотрении уголовных дел, как правило, оставляют без удовлетворения ходатайства обвиняемых о признании недопустимыми доказательств, полученных в результате таких досмотров. Их решения аргументируются, в частности, тем, что при досмотре соблюдались общие для такого рода действий правила о необходимости присутствия понятых, обязанности ознакомления досмотренного лица с протоколом, о разъяснении ему права на обжалование, о подробном описании и упаковке изъятых предметов и т.д. При этом в подавляющем большинстве судебных решений не дается оценка допустимости использования административных процедур для получения доказательств по уголовным делам.

В то же время в судебной практике можно встретить решения, в которых такие процедуры признавались неправомерными. Так, одним из кассационных определений Санкт-Петербургского городского суда было оставлено в силе решение первой инстанции о незаконности проведенного оперативными сотрудниками в административном порядке личного досмотра гражданина, фактически задержанного в помещении, в котором проходил обыск. В этом решении было указано, что в рассмотренном случае следовало проводить личный обыск в уголовно-процессуальном порядке на основании ч. 2 ст. 184 УПК РФ, согласно которой эта принудительная мера может быть применена при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, находящееся в обыскиваемом помещении, скрывает при себе предметы, могущие иметь значение для уголовного дела [3].

Более четкая позиция по рассматриваемой проблеме была сформулирована в постановлении Заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации по запросу Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации о пересмотре уголовного дела, возбужденного по факту изъятия в процессе личного досмотра психотропных веществ. В этом решении был сделан вывод о незаконности задержания и досмотра обвиняемого, поскольку вместо протокола задержания был составлен акт личного досмотра задержанного, в котором отсутствовала отметка о разъяснении задержанному его процессуальных прав, а также основания и мотивы задержания, как того требует уголовно-процессуальный закон [18]. Отсюда следует, что в понимании Заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации предусмотренный административным законодательством личный досмотр не может применяться при осуществлении ОРМ в отношении лиц, на которых имеются оперативно-разыскные данные о подготовке или совершении ими преступления (далее – заподозренные).

Приведенные выше примеры вполне логично требуют перейти к анализу решений Конституционного Суда по такого рода жалобам, массив которых содержит богатый правовой материал, позволяющий найти и обосновать ответ на вопрос, вынесенный в название данной статьи. Изучение этих решений показывает, что фундаментальная правовая позиция по рассматриваемой нами проблеме была сформулирована Конституционным Судом еще в 1997 г. в постановлении по обращению гражданина, обжаловавшего свое задержание на основании закона субъекта Российской Федерации, предоставляющего право сотрудникам органов внутренних дел задерживать в административном порядке сроком до 30 суток членов организованных преступных групп. Суть этой правовой позиции состоит в том, что административное задержание как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях не может применяться в делах об уголовных правонарушениях; в противном случае были бы нарушены принципы как уголовного (уголовно-процессуального), так и административного (административно-процессуального) законодательства [19].

Свое развитие и конкретизацию данная правовая позиция получила в определении по жалобе гражданина, принудительно доставленного в орган внутренних дел для проведения его оперативно-разыскного отождествления. В своем решении Конституционный Суд отметил, что проводимое в рамках ОРД отождествление личности относится к мерам проверочного характера в целях установления лиц, причастных к преступной деятельности, и не предполагает применения такой меры принуждения, как

задержание отождествляемого лица; задержание как мера принуждения, мера обеспечения подготовки и проведения ОРМ или достижения каких-либо целей оперативно-разыскной деятельности Законом об ОРД не предусмотрено; оно может иметь место в порядке и по основаниям, установленным КоАП РФ (ст. 27.3 и 27.4) или УПК РФ (ст. 91 и 92), которые предусматривают обязательное составление протокола задержания [15]. Впоследствии эта правовая позиция десятки раз воспроизводилась в других решениях по жалобам граждан, задержание которых производилось на основании норм административного законодательства в процессе проведения проверочной закупки наркотиков, оперативного эксперимента, наблюдения и некоторых других ОРМ.

Принимая решение по жалобе, поводом для которой стали действия оперативных сотрудников, оформивших личный обыск задержанного под видом такого ОРМ, как «исследование предметов и документов», Конституционный Суд указал, что норма, закрепляющая возможность проведения исследования предметов и документов, не регламентирует отношения, связанные с задержанием и личным обыском задержанного [16]. С учетом этого разъяснения не может быть признано правомерным и проведение личного досмотра заподозренного лица, оформляемого некоторыми «находчивыми» правоприменителями, в качестве составного элемента тактики проверочной закупки или оперативного эксперимента.

Приведенная выше правовая позиция Конституционного Суда и принятые на ее основе решения по жалобам граждан, посвященные рассматриваемой проблеме, позволяют, на наш взгляд, прийти к однозначному выводу о недопустимости применения административно-правовых процедур для задержания и личных досмотров граждан, заподозренных в совершении преступлений.

Однако в юридической литературе было высказано диаметрально иное толкование этой правовой позиции, которое может привести правоприменителя в заблуждение, а потому требует дополнительной аргументации нашего вывода. В частности, по мнению В.А. Гусева и В.Ф. Луговика, Конституционный Суд в своих решениях допускает возможность применять задержание как принудительную меру обеспечения подготовки и проведения ОРМ в порядке и по основаниям, установленным КоАП РФ. Тем самым авторы делают свой вывод: «неполноту и усеченность нормативной регламентации процедуры проведения ОРМ предлагается компенсировать правовыми суррогатами» [2, с. 195]. Свой вывод уважаемые нами коллеги обосновывают ссылкой на два определения Конституционного Суда, которые были, к сожалению, некорректно ими процитированы, а потому их суть оказалась искажена. Для объективности своей

аргументации мы вынуждены воспроизвести выдержку из этих решений дословно. В них Конституционный Суд указал, что «задержание – как мера принуждения, обеспечения подготовки и проведения оперативно-розыскных мероприятий или достижения каких-либо целей оперативно-розыскной деятельности – *названным Законом не предусмотрено*» (курсив авт. – А.Ч., И.Ш); оно может иметь место в порядке и по основаниям, установленным Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (статьи 27.3 и 27.4) или Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (статьи 91 и 92)» [17]. Если из этого текста удалить выделенную курсивом фразу, то действительно можно истолковать приведенное положение так, как это было сделано нашими коллегами. Но эта фраза имеет ключевое значение для понимания смысла правовой позиции Конституционного Суда, откуда следует, что законодатель в сфере ОРД не допускает задержания и досмотра; такие действия допустимы лишь в процессе административной или уголовно-процессуальной деятельности, которые имеют свои цели и задачи, отличные от ОРД.

Подтверждением этому служит другая важная правовая позиция Конституционного Суда о том, что «учитывая цели и задачи оперативно-розыскной деятельности, вопрос об ограничении конституционных прав в связи с проведением оперативно-розыскных мероприятий по проверке информации о противоправных деяниях и лицах, к ним причастных, подлежит разрешению по общему правилу, в процедурах, обусловленных характером уголовных и уголовно-процессуальных отношений» [20]. Отсюда следует, что принудительных административных процедур задержания и личного досмотра в процессе ОРД Конституционный Суд не допускает, а потому упреки в его адрес о якобы разрешенной им возможности использования в ОРД «правовых суррогатов» представляются безосновательными. В то же время мы солидарны с нашими оппонентами в главном – недопустимости применения в ОРД административного задержания и личного досмотра лиц, заподозренных в совершении преступлений [2, с. 201, 209].

Таким образом, ответив на вопрос, вынесенный в название статьи, в заключение полагаем необходимым высказать свою позицию о путях решения рассмотренной проблемы.

Прежде всего, мы разделяем позиции ученых о необходимости дополнительного регулирования процедур задержания (захвата) с личным при проведении ОРМ. Безусловно, привлекательным для специалистов представляется, в частности, проект оперативно-разыскного кодекса, предполагающий в отдельной главе регламентировать процедуры задержания и личного досмотра при проведении ОРМ [2,

с. 307-309; 6, с. 54-57]. Однако авторы этого проекта не наделили никакими правами лиц, подвергаемых задержанию и личному досмотру, в отличие от КоАП РФ и УПК РФ, а потому не предусмотрели в предлагаемых процедурах обязательности разъяснения прав задержанным и досматриваемым лицам. Прежде всего, это не согласуется с правом на помощь адвоката с момента задержания, гарантированного ч. 2 ст. 48 Конституции РФ, и с обязанностью должностных лиц правоохранительных органов разъяснять гражданам, ставшим объектами принудительного воздействия, их конституционные права. Поэтому в этой части указанный проект нуждается в более глубокой проработке. Кроме того, вызывает сомнение целесообразность предлагаемого 3-часового срока задержания, поскольку за это время практически невозможно реализовать все задачи, разрешаемые с помощью этой меры принуждения. Практичным в этой части нам представляется предложение о продолжительности оперативно-разыскного задержания до 48 часов [22, с. 51-54].

Более радикальные и перспективные взгляды о путях решения проблемы высказываются учеными-процессуалистами, рассматривающими правовую природу задержания как сугубо полицейскую меру, которая, как правило, применяется исключительно до возбуждения уголовного дела [5, с. 525-527]. С учетом этого ими обосновывается идея о разработ-

ке и принятии отдельного нормативного правового акта межотраслевого характера – федерального закона «О задержании». Такой закон, с чем мы не можем не согласиться, позволил бы интегрировать разрозненные полномочия правоохранительных органов, а не только их оперативных подразделений по фактическому задержанию, доставлению и досмотру лиц, застигнутых при совершении преступления, в целях формирования единообразной практики вынужденного ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность [21, с. 175].

Реализация законодателем предлагаемых мер, на наш взгляд, позволила бы разрешить рассматриваемую проблему и ввести в правовое поле действия оперативно-разыскных служб по задержанию с личным в процессе проведения ОРМ. В условиях же действующего правового регулирования сотрудникам этих служб при планировании операций по задержанию с личным лиц, подозреваемых в совершении преступлений, следует использовать исключительно уголовно-процессуальные процедуры задержания и личного обыска. Для этого в том числе должен использоваться потенциал ст. 157 УПК РФ [23, с. 131], наделяющей органы дознания правом на возбуждение уголовных дел и производство по ним неотложных следственных действий, включающих задержание и личные обыски задержанных.

Литература

1. Гирько С.И., Воронин М.Ю., Драган Г.Н. Комментарий к Федеральному закону «О наркотических средствах и психотропных веществах» (постатейный). М.: Деловой двор. 2010 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гусев В.А., Луговик В.Ф. Теория оперативно-розыскных процедур: монография. М.: Проспект, 2019. 318 с.
3. Кассационное определение Санкт-Петербургского городского суда от 11 апреля 2011 г. № 22-2003 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд. М.: Статут, 2017. 848 с.
6. Луговик В.Ф. Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект. Омск: Омская юридическая академия, 2014. 96 с.
7. Макарейко Н.В. Административное право: учебное пособие для вузов. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019.
8. Материалы обращения № 10286/15-01/13 от 12.09.2013 // Архив Конституционного Суда Российской Федерации.
9. Материалы обращения № 13650/15-01/17 от 06.12.2017 // Архив Конституционного Суда Российской Федерации.
10. Материалы обращения № 1533/15-01/17 от 09.02.2017 // Архив Конституционного Суда Российской Федерации.
11. Материалы обращения № 16844/15-01/12 от 15.11.2012 // Архив Конституционного Суда Российской Федерации.
12. Материалы обращения № 9444/15-01/18 от 10.08.2018 // Архив Конституционного Суда Российской Федерации.
13. О наркотических средствах и психотропных веществах [Электронный ресурс]: федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2008 г. № 312-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1528-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 2016 г. № 73-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2013 г. № 4-Д13-34 об отмене постановления судьи об отказе в удовлетворении надзорной жалобы [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 1997 г. № 11-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2011 г. № 12-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Россинский С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход: монография. М.: Проспект, 2019. 193 с.
22. Супрун С.В. Оперативно-розыскное задержание при проведении ОРМ «проверочная закупка» // Уголовный процесс. 2014. № 3 (март). С. 51-54.
23. Чечетин А.Е. Актуальные проблемы обеспечения прав личности в оперативно-розыскной деятельности уголовного розыска // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 125-134.
24. Шатохин И.Д. Административные задержания и досмотр в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (90). С. 240-249.

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

УДК 343.9

И.Р. Бегисhev, канд. юрид. наук, заслуженный юрист Республики Татарстан
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
E-mail: begishev@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ РОБОТОТЕХНИКИ

В статье с позиций целей правотворчества и правоприменения рассматриваются понятийно-категориальный аппарат робототехники, ее уголовно-правовое значение, криминологические риски, связанные с робототехникой, а также вопросы общей теории квалификации преступлений, которые могут быть совершены с использованием робототехники. Предложено признавать общественно опасные деяния, совершенные с использованием робототехники, преступлениями, совершенными общеопасным способом, при наличии к тому оснований. Сделан вывод, что совершение деяний с использованием робототехники способно в определенных случаях создавать множественность преступлений в виде реальной совокупности. Обосновано расширение полномочий органов государственной охраны, которые могут осуществлять функции по выработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору в сфере робототехники. Проанализированы непосредственные и опосредованные криминологические риски применения робототехники, а также обсуждены вопросы ответственности производителя (разработчика) и (или) владельца (пользователя) робототехники за деяния, совершенные с ее участием.

Ключевые слова: робототехника, цифровые технологии, правовое регулирование, уголовная ответственность, криминология, криминологический риск, робот, искусственный интеллект, источник повышенной опасности, цифровая экономика, беспилотные транспортные средства.

I.R. Begishev, Candidate of Juridical Sciences, Honored Lawyer
of the Republic of Tatarstan
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)
E-mail: begishev@mail.ru

CRIMINAL LEGAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS APPLICATIONS OF ROBOTICS

The study examines the conceptual and categorical apparatus of robotics, its criminal and legal significance, criminological risks associated with robotics, as well as issues of the general theory of qualification of crimes that can be committed using robotics. The paper highlights promising areas of legal research related to robotics and related legal regulation. The definition of robotics is justified and proposed. It is proposed to recognize socially dangerous acts committed with the use of robotics as crimes committed in a generally dangerous way, if there are grounds for this. It is concluded that the Commission of acts using robotics can in certain cases create a multiplicity of crimes in the form of a real aggregate. The author substantiates the expansion of the powers of state protection bodies, which can perform the functions of developing.

Key words: robotics, digital technologies, legal regulation, criminal liability, criminology, criminological risks, robot, artificial intelligence, source of increased danger, digital economy, unmanned vehicles.

Искусственный интеллект является одним из трендовых направлений, которым охвачены все развитые государства мира. Так, более 40 стран в мире разработали национальные стратегии развития искусственного интеллекта и робототехники, Российская Федерация не является исключением. По оценкам международных экспертов, инвестиции в технологии искусственного интеллекта и робототехники выросли за последние три года втрое и составили около 40 млрд долларов США, в свою очередь, российские компании в 2019 г. инвестировали 172,5 млн долларов США в развитие этих цифровых технологий.

Утверждение 19 августа 2020 г. распоряжением Правительства Российской Федерации Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года [18] ознаменовало новый этап в регулировании сквозных цифровых технологий на территории России. Принятие Концепции наряду с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта до 2030 года стало подтверждением признания российским обществом и правительством серьезных вызовов и угроз, которые возникли и продолжают расти с развитием технологий искусственного интеллекта и робототехники. Это, в свою очередь, ставит серьезные вызовы перед правом в целом. Согласно концепции, к 2024 г. в России планируется разработать и принять нормативные акты, создающие комфортную регуляторную среду для развития соответствующих технологий.

Робототехника как во всём мире, так, в частности, и в России напрямую коррелирует не только с внедрением и использованием цифровых технологий в производстве, но и открывает новые возможности для распространения угроз правопорядку и национальной безопасности. Прогресс цифровых технологий на порядок стремительнее, чем реакция законодательства и превенции со стороны правоохранительных органов.

Особым преимуществом для совершения уголовно наказуемых деяний с применением робототехники, на наш взгляд, выступает триада причин, среди которых:

- простота и легкость использования робототехнических устройств;
- анонимность или же отсутствие физического контакта субъекта и орудия преступления – робота;
- скорость внедрения и эксплуатации робототехнических устройств.

Почему мы выделяем скорость? В ответе на этот вопрос мы, пожалуй, сошлёмся на профессионала своего дела, самую «media – person» в сфере робототехники – Илона Маска – основателя и главу компании Tesla: «Скорость – совершенное оружие. И я имею в виду отнюдь не скорость своих машин. Речь

идёт о скорости роботов и скорости их создания и обновлений» [15]. В данной связи трудно не согласиться с таким мнением, поскольку сейчас уже никого не впечатляют роботы-пылесосы и мойщики окон, т.к. на передовой план выходит создание абсолютно антропоморфных или же с физиологической точки зрения человекообразных роботов.

Проблема уголовно-правового регулирования отношений в сфере робототехники как в зарубежных странах, так и в Российской Федерации на данный момент остаётся неразрешённой. В связи с этим необходимо выработать комплекс мер по превенции отрицательных, общественно опасных проявлений применения робототехники и норм, регламентирующих государственное реагирование на них.

Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым обозначить следующие проблемы в данной области: имеются ли механизмы правового регулирования робототехники [2].

Проанализируем попытки законодательного регулирования вопросов робототехники.

Писатели-фантасты и различные учёные еще с прошлого века осуществляли попытки «прописать законы деятельности» робототехники. Наиболее известными из них являются А. Азимов со своими «тремя законами робототехники» [27], один из руководителей всемирно известной компании Microsoft С. Наделла и её «десять законов искусственного интеллекта» [30] и, собственно, К. Чапек – создатель слова «робот» [31]. С точки зрения последнего, например, взаимоотношения человечества и робототехники должны будут регулироваться некой международной судебной организацией, в равной степени признающей субъектом права и робота, и человека.

Их идеи, многие из которых дискуссионные, очень важны для понимания проблемы, однако не получили юридического развития. А социальная действительность, в частности сфера робототехники, нуждается в регулировании, в т.ч. уголовно-правовом.

Предпринимались также попытки саморегулирования со стороны ученых, которые непосредственно связаны с созданием робототехники. Так, в 2017 г., когда уже стало очевидно, что вопрос требует нормативно-правового регулирования, почти четырьмя тысячами ученых в данной области были подписаны так называемые «Двадцать три Азиломарских принципа» [26] Международного института будущих поколений, среди которых, к примеру, следующие: польза, управляемость, надежность, отказ от «гонки вооружений» с помощью робототехники, безопасность для окружающих и этическая ответственность создателя.

Никакого нормативного содержания данная концепция принципов, разумеется, не несёт, однако это

всё же похвальная попытка создателей робототехники выработать общие подходы, а также привлечь внимание со стороны органов государственной власти к необходимости регулирования данных вопросов. В результате началось пусть и броуновское, но движение со стороны различных государств к нормативно-правовому осмыслению новых феноменов.

В том же году сразу в четырёх государствах появляются законопроекты, посвященные рассматриваемой проблематике. Лидерами стали Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Федеративная Республика Германия и Республика Эстония. Последняя, на наш взгляд, весьма поспешно решила стать пионером в данной области и получила горький опыт, легализовав правила «О передвижении роботов-курьеров» [9]. В итоге довольно скоро прибалтийским полицейским пришлось выявлять и пресекать деятельность роботов-наркокурьеров.

Среди международных организаций первым в начале 2018 г. к разработке проекта «О робототехнике и искусственном интеллекте» приступил совещательный орган Европейского Союза – Европейский парламент, который уже через пару месяцев принял соответствующую Резолюцию [32].

Правосубъектность данного органа носит весьма специфический характер, т.к., несмотря на употребление слова «парламент» в наименовании, его акты носят всегда рекомендательный характер, поскольку нормотворческими полномочиями обладает лишь Европейская комиссия, которая никак не отреагировала на данную Резолюцию, сославшись на то, что это исключительная компетенция государств – членов Европейского Союза.

Наиболее же приемлемым с правотворческой и правоприменительной точки зрения для Российской Федерации, пусть и с определёнными оговорками, выступают две инициативы в данной сфере. Во-первых, это проект федерального закона, подготовленный Д.С. Гришиным, основателем Grishin Robotics, одним из руководителей компании Mail.Ru Group [8], во-вторых, это «Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте» [13, 14].

Основой данных разработок были сформулированные еще в прошлом веке три «закона-принципа» робототехники А. Азимова:

«1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому или Второму законам» [27].

Исходя из анализа данных предложений, мы видим, что их авторы предлагают следующее – создание на базе трёх названных правил новых, касающихся взаимодействия роботов и робототехники с другими объектами и субъектами.

Сравнивая животное и робототехнику, они указывают на возможность совершать последней определённые самостоятельные действия, декларируют создание Единого государственного реестра робототехники, применение норм юридической ответственности к владельцу и (или) пользователю источника повышенной опасности в случае деликта от робототехники. Однако при этом дискуссионным является вопрос, по какому критерию будет относиться та или иная робототехника к источникам повышенной опасности.

Авторы выделяют следующие формы возможных вариантов деятельности робототехники, которые представляются общественно опасными:

- конструирование робота-убийцы специально для совершения правонарушения;
- отключение программных и аппаратных функций, блокирующих возможность причинения вреда человеку;
- конструирование робота, способного причинить вред человеку;
- конструирование робота без осознания того, что он может быть использован для причинения вреда человеку [19].

Кроме того, считаем важным также отметить, что некоторые вопросы, касающиеся нормативного регулирования робототехнических устройств, уже разрешаются на государственном уровне [17].

Так, частный пример роботов – беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА) и беспилотные воздушные суда (далее – БПВС) уже регулируются законодательно, что не может не радовать. Так, к примеру, в случае нарушения правил использования БПЛА и БПВС предусматривается административная ответственность, а в случаях фото- и видеосъёмки с помощью указанных робототехнических устройств можно стать обвиняемым по делам о государственной измене и т.п. Однако это всего лишь первый шаг в рамках уголовно-правового регулирования аспектов применения беспилотных транспортных средств (робомобилей) (далее – БПТС) [11, 12, 24, 25].

Считаем необходимым также отметить, что вопрос о внесении изменений в законодательство по рассматриваемой проблематике уже назрел. Необходимо более детальное и глубокое нормативное регулирование вопроса, чем это сделано в уже существующих нормативно-правовых актах и их проектах. С инженерно-технической точки зрения следует отра-

ботать метрики и стандарты для определения уровня интеллектуализации робототехники.

С правовой точки зрения, в т.ч. с уголовно-правовой, необходимо проработать целый ряд вопросов, среди которых наиболее важными представляются следующие:

- 1) понятийно-категориальный аппарат робототехники;
- 2) механизм разрешения вопросов ответственности за совершение общественно опасных деяний с использованием робототехники;
- 3) криминологические риски применения робототехники;
- 4) выявление, пресечение, раскрытие и профилактика общественно опасных деяний, связанных с робототехникой;
- 5) выявление и установление лиц, совершивших или подготавливающих данные деяния.

Применительно к терминологическому аппарату предлагаем внести изменения в международный стандарт ISO 8373:2012 «Robots and robotic devices – Vocabulary» [35] и принятый в соответствии с ним национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 60.0.0.4-2019/ISO 8373 2012 «Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения» [6]: заменить понятия «робот» и «робототехнические устройства» одной более объемлющей категорией «робототехника».

Использование общей категории для обозначения указанного перечня механизмов представляется полезным для юриспруденции, поскольку четко определяет сферу необходимого правового регулирования, которая характеризуется определенной обособленностью и автономностью. Востребована она, на наш взгляд, будет и в криминологии, поскольку способна обособить сегмент преступности, обладающей большой спецификой. Кроме того, вышеназванные стандарты были введены в действие в 2012 г. и изменялись лишь однажды – в 2016 г., хотя наиболее интенсивный пик развития робототехники начался с 2017 г. Исходя из этого, несложно понять, что сфера робототехники «ушла» далеко вперед указанных стандартов.

Относительно правовой ответственности и вопросов, связанных с деликтоспособностью робототехники, существуют два подхода: объективно вмененная ответственность и подход риск-менеджмента [21].

На наш взгляд, подобного рода подходы, связанные с отходом от классической отечественной системы признания робототехники и искусственного интеллекта субъектом права, и попытки наделить данные феномены правосубъектностью в ближайшее время не имеют перспектив практической реализации [4, 5, 20, 22, 23, 29, 33, 34, 36-40].

Актуализация вопросов, связанных с уголовной ответственностью за совершение общественно опасных деяний с применением робототехники, к сожалению, коррелирует с уже существующей реальной практикой причинения вреда обществу. Первым примером стал наезд на женщину БПТС компании UBER в начале 2018 г. в Соединённых Штатах Америки [28]. Среди самого массового использования робототехники для совершения преступлений как по количеству единиц, так и по нанесённому вреду является пример использования БПЛА и БПВС незаконными вооружёнными формированиями Йеменской Республики для массовой бомбардировки нефтеперерабатывающих заводов – стратегических и критически важных объектов Королевства Саудовская Аравия [1].

Данный пример показывает, как и каким образом при минимальных затратах преступник может получить максимально выгодный для себя эффект. В рассматриваемом примере всё нефтяное производство Королевства Саудовская Аравия, являющееся для него стратегически важным, бюджетообразующим, на неделю сократилось вполнину. Кроме того, данная атака причинила ущерб и другим объектам: были человеческие жертвы, иные материальные потери.

Согласимся также с опасением, высказанным директором ФСБ России А.В. Бортниковым, заключающимся в том, что международные террористические и иные экстремистские организации в ближайшем будущем станут более интенсивно использовать робототехнику для осуществления своих целей [7].

Существенные опасности создают и следующие способы сравнительно примитивного использования робототехники:

- 1) применение БПТС для осуществления террористического акта – наезда на пешеходов в местах массового скопления людей путём изначального программирования на это, к примеру, автомобиля;
- 2) нарушение информационной и иной инфраструктуры;
- 3) применение уже существующих антропоморфных роботов, приобретенных как легально, так и на черном рынке;
- 4) использование военных либо переоборудованных из гражданских в военные экзоскелетов;
- 5) иные случаи неправомерного использования робототехники.

Исходя из вышеуказанных примеров, стоит признать, что робототехника является весьма специфичным орудием совершения преступлений. Поскольку робототехника признается источником повышенной опасности [16], считаем необходимым признавать общественно опасные деяния, совершенные с использованием робототехники, преступлениями, совершенными общепропасным способом. Такой подход напрямую будет влиять на квалификацию преступле-

ний, к примеру, по ч. 2 ст. 105 УК РФ, в которой указан способ прямо назван в диспозиции в качестве квалифицирующего признака деяния.

В случае же отсутствия указания в норме такого способа предлагаем при назначении наказания судом за умышленные преступления, совершенные с использованием робототехники, учитывать это обстоятельство как отягчающий признак по п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ: «совершение преступления с использованием специально изготовленных технических средств» [3], вне зависимости от того, кем и когда робототехника была создана.

С учетом того факта, что в робототехнике используются цифровые технологии, за определенные манипуляции с ней возможно наступление ответственности по ст. 274 и 274.1 УК РФ [10].

Наличие в уголовном законе отдельных норм, предусматривающих ответственность за совершение преступлений в сфере компьютерной информации [3], на наш взгляд, не должно исключать возможности привлечения к уголовной ответственности за совершение общественно опасных деяний с применением робототехники, поскольку способны возникать ситуации, при которых налицо будет множественность преступлений в виде реальной совокупности.

Следует отметить, что с использованием возможностей робототехники может быть совершено множество преступлений:

- общественно опасные деяния, посягающие на жизнь и здоровье человека;
- общественно опасные деяния, посягающие на конституционные права и свободы человека и гражданина;
- общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения, охраняющие сферу экономики от преступных посягательств;
- общественно опасные деяния, посягающие на государственную власть, службу и их интересы;
- общественно опасные деяния, посягающие на общественную безопасность и общественный порядок;
- общественно опасные деяния, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства и т.д.

При решении вопроса, кто должен нести ответственность за вред, причиненный с применением робототехники, полагаем, однозначно производитель (разработчик) и (или) владелец (пользователь) робототехники будут нести ответственность, разумеется, исключительно в случаях субъективного вменения им вины.

Базисом разрешения данных вопросов думается, будет расширение полномочий Федеральной службы охраны Российской Федерации, а именно такого ее подразделения, как Служба специальной связи и

информации (далее – Спецсвязь ФСО России), которая будет также осуществлять функции по выработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору в сфере робототехники и т.д. [2]. Данное положение мы аргументируем тем, что в практике зарубежных стран, например в Соединённых Штатах Америки, уже широко применяется правило о контроле и регулировании вопросов, связанных с робототехникой и искусственным интеллектом. Поскольку ФСО России и АНБ США, занимающиеся защитой электронных информационно-телекоммуникационных сетей, – весьма идентичные с общефункциональной точки зрения органы, считаем, что и в Российской Федерации регулирование таких отношений со стороны Спецсвязи ФСО России будет полностью оправданно.

Проанализировав тенденции в сфере создания и использования робототехники, мы пришли к выводу, что необходимо выделить двух имманентно присущих данной деятельности криминологических рисков – непосредственный (прямой) и опосредованный (косвенный) [2].

1. Непосредственный криминологический риск применения робототехники – риск, непосредственно коррелирующий с действием на человека и гражданина той или иной опасности, вызванной применением робототехники.

К таким рискам можно отнести:

- умышленное совершение робототехническим устройством общественно опасного посягательства на жизнь и здоровье человека; свободу, честь и достоинство личности; конституционные права и свободы человека и гражданина; общественную безопасность; мир и безопасность человечества, повлекшего общественно опасные последствия, а также иные общественные отношения, охраняемые уголовным законом от преступных посягательств;

- умышленные действия с программным обеспечением, являющимся составной и неотъемлемой частью использования робототехнического устройства, повлекшие общественно опасные последствия.

2. Опосредованный криминологический риск применения робототехники – риск, связанный с непреднамеренными опасностями в контексте применения робототехнических устройств.

К таким рискам можно отнести:

- случайные ошибки в программном обеспечении робототехнического устройства (ошибки, допущенные производителем (разработчиком) робототехники);
- ошибки, совершенные робототехническим устройством в процессе его функционирования (ошибки, допущенные робототехникой).

Исходя из изложенного, подтверждается выдвинутый рядом ученых тезис о существовании высоких криминологических рисков применения робототех-

ники, заключающихся как в самой интеллектуальной технологии, так и в слабой теоретической разработанности вопроса как в целом в юриспруденции, так и в науках криминального цикла [2].

Подводя итог проведенному исследованию, сформулируем его основные выводы.

Выделены перспективные направления правовых исследований, связанных с робототехникой, и соответствующего правового регулирования.

Обосновано и предложено определение робототехники как всех категорий роботов в самом широком их понимании независимо от назначения, степени опасности, мобильности или автономности, а также киберфизических систем с искусственным интеллектом в любой форме, независимо от наличия указания в наименовании понятия «робот» и смежных с ним. Использование этой категории представляется полезным для юриспруденции, поскольку она четко определяет специфическую сферу необходимого правового регулирования. Востребована она, на наш взгляд, будет и в криминологии, поскольку способна выделить обособленный сегмент преступности.

Предложено признавать общественно опасные деяния, совершенные с использованием робототехники, преступлениями, совершенными общеопасным способом, при наличии к тому оснований.

Сделан вывод, что совершение деяний с использованием робототехники способно в определенных

случаях создавать множественность преступлений в виде реальной совокупности.

Обосновано расширение полномочий Спецсвязи ФСО России, которая может осуществлять функции по выработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору в сфере робототехники.

Проанализированы непосредственные и опосредованные криминологические риски применения робототехники, а также обсуждены вопросы ответственности производителя (разработчика) и (или) владельца (пользователя) робототехники за деяния, совершенные с ее участием.

Вместе с тем считаем важным отметить, что иные правовые аспекты регламентации вопросов робототехники, такие как вопросы выявления, пресечения, раскрытия и профилактики общественно опасных деяний, связанных с робототехникой, а также выявления и установления лиц, совершивших или подготавливающих данные деяния, образуют новую модель правового регулирования общественных отношений в рассматриваемой области, а также обогащают с теоретической и практической точек зрения науки криминального цикла: уголовного права, криминологии, оперативно-разыскной деятельности, криминалистики, прокурорского надзора, уголовно-исполнительного права и уголовного процесса.

Литература

1. Атака на нефтяные объекты в Саудовской Аравии: что нам известно. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-49709610>.
2. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Криминологические риски применения искусственного интеллекта // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 767-775.
3. Бегишев И.Р., Бикеев И.И. Преступления в сфере обращения цифровой информации. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. 300 с.
4. Бегишев И.Р., Латыпова Э.Ю., Кирпичников Д.В. Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1. С. 79-91.
5. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и робототехника: теоретико-правовые проблемы разграничения понятийного аппарата // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2020. Т. 30. № 5. С. 55-65.
6. ГОСТ Р 60.0.0.4-2019/ИСО 8373:2012 «Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения»: приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 14 февраля 2019 г. № 31-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации». Текст приказа официально опубликован не был.
7. Егоров И. Атаки в сети и наяву // Российская газета. 2018. № 279 (7742).
8. Закон «Гришина». URL: <https://robopravo.ru/uploads/s/z/6/g/z6gj0wkwhv1o/file/My74kFFZ.pdf>.
9. Закон о роботах-курьерах. Закон Эстонии о внесении изменений в Закон о дорожном движении. URL: https://robopravo.ru/estonskii_zakon_o_robotakhkurierakh.
10. Ибрагимов Р., Сурагина Е. Право машин. Как привлечь робота к ответственности // Корпоративный юрист. 2017. № 11. С. 10-17.
11. Коробеев А.И., Чучаев А.И. Беспилотные транспортные средства, оснащенные системами искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. Т. 20. № 3. С. 117-132.

12. Коробеев А.И., Чучаев А.И. Нарушение безопасности робомобилей как самостоятельное общественно опасное деяние // Уголовное право. 2019. № 3. С. 37-48.
13. Модельная конвенция. URL: <https://robopravo.ru/uploads/s/z/6/g/z6gj0wkwhv1o/file/phjic35g.pdf>.
14. Наумов В.Б., Незнамов А.В. Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте. Правила создания и использования роботов и искусственного интеллекта // Право и информация: вопросы теории и практики. Серия: Электронное законодательство: сборник мат-лов VII международной научно-практ. конф-ции. 2017. С. 210-220.
15. Незнамов А. Законы робототехники. Как регулировать искусственный интеллект // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/355757-zakony-robototekhniki-kak-regulirovat-iskusstvennyy-intellekt>.
16. О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 // Российская газета. 2010. № 24.
17. Об утверждении Правил учёта беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлётной массой от 0.25 килограмма до 30 килограммов, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 25 мая 2019 г. № 658 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 22. Ст. 2824.
18. Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 26.08.2020).
19. Сооснователь Mail.ru Group Дмитрий Гришин разработал концепцию закона о правовом статусе роботов. URL: <https://geektimes.ru/post/283726/>.
20. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Сущность искусственного интеллекта и проблема определения правосубъектности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 2. С. 96-106.
21. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Правовое регулирование искусственного интеллекта // Baikal Research Journal. 2019. Т. 10. № 2. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41225753>.
22. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 564-574.
23. Цуканова Е.Ю., Скопенко О.Р. Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 4А. С. 42-48.
24. Чучаев А.И. Робомобили и безопасность личности: уголовно-правовые проблемы // Криминалист. 2019. № 1 (26). С. 94-98.
25. Чучаев А.И., Маликов С.В. Ответственность за причинение ущерба высокоавтоматизированным транспортным средством: состояние и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 117-124.
26. Asilomar AI Principles. URL: <https://futureoflife.org/ai-principles>.
27. Asimov I. Runaround // Astounding Science Fiction. New York, 1942. 180 p.
28. Bergen M., Newcomer E. Uber Halts Autonomous Car Tests After Fatal Crash in Arizona // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-03-19/uber-autonomous-car-involved-in-fatal-crash-in-arizona>.
29. Bikeev I.I., Kabanov P.A., Begishev I.R., Khisamova Z.I. Criminological Risks and Legal Aspects of Artificial Intelligence Implementation // In Proceedings of the International Conference on Artificial Intelligence, Information Processing and Cloud Computing (AIIPCC'19). New York: Association for Computing Machinery, 2019. Art. 20. P. 1-7.
30. Boyle A. Microsoft CEO Satya Nadella lays out 10 Laws of AI (and Human Behavior) // GeekWire. URL: <https://www.geekwire.com/2016/microsoft-ceo-satya-nadella-10-laws-ai>.
31. Čapek K. R.U.R. Rossum's Universal Robots. Praga, 1920. 120 p.
32. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html.
33. Hallevy G. Liability for Crimes Involving Artificial Intelligence Systems. Springer International Publishing, 2015. 257 p.
34. Hallevy G. The Criminal Liability of Artificial Intelligence Entities – from Science Fiction to Legal Social Control // Akron Intellectual Property Journal. 2010. Vol. 4. Iss. 2. P. 171-201.
35. ISO 8373:2012. Robots and robotic devices – Vocabulary. URL: <https://www.iso.org/standard/55890.html>.

36. Khisamova Z.I., Begishev I.R., Gaifutdinov R.R. On Methods to Legal Regulation of Artificial Intelligence in the World // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. 2019. Vol. 9. № 1. P. 5159-5162.
37. Khisamova Z.I., Begishev I.R., Sidorenko E.L. Artificial Intelligence and Problems of Ensuring Cyber Security // International Journal of Cyber Criminology. 2019. Vol. 13. № 2. P. 564-577.
38. Simmler M. Maschinenethik und strafrechtliche Verantwortlichkeit. In: Bendel O. (eds) Handbuch Maschinenethik. Springer Reference Geisteswissenschaften. Wiesbaden, 2019. P. 1-18.
39. Simmler M., Markwalder N. Guilty Robots? – Rethinking the Nature of Culpability and Legal Personhood in an Age of Artificial Intelligence // Criminal Law Forum. 2019. Vol. 30. № 1. P. 1-31.
40. Sukhodolov A.P., Bychkov A.V., Bychkova A.M. Criminal Policy for Crimes Committed Using Artificial Intelligence Technologies: State, Problems, Prospects // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13. № 1. P. 116-122.

УДК 343.23

В.Н. Борков, доктор юрид. наук, доцент

Омская академия МВД России

E-mail: borkovv@mail.ru;

И.И. Алгазин, канд. юрид. наук

Сибирский юридический университет

E-mail: Igor_algazin@mail.ru

УЧЕТ ХАРАКТЕРА И СТЕПЕНИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, уголовная ответственность устанавливается за правонарушения, которым присуща особая криминальная общественная опасность, посредством точного и непротиворечивого указания на их составообразующие признаки, позволяющие отграничивать преступления от иных противоправных, а тем более законных деяний. Между тем практике применения уголовного закона известны случаи, когда для правильной квалификации деяния, наряду с установлением признаков состава преступления, нужно учитывать его общественную опасность. Обращение к разъяснениям Конституционного и Верховного Судов РФ позволило авторам статьи разработать и сформулировать рекомендации по учету характера и степени общественной опасности посяательства при его квалификации.

Ключевые слова: квалификация преступлений, состав преступления, криминальная общественная опасность, характер общественной опасности, степень общественной опасности, малозначительность деяния.

V.N. Borkov, Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: borkovv@mail.ru;

I.I. Algazin, Candidate of Juridical Sciences

Siberian Law University

E-mail: Igor_algazin@mail.ru

CONSIDERATION OF THE CHARACTER AND DEGREE OF PUBLIC DANGER WHEN QUALIFICATION OF CRIMES

According to the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, criminal liability is established for offenses that are inherent in a special, criminal social danger, by means of an accurate and consistent indication of their constituent elements, which make it possible to distinguish crimes from other unlawful, and even more so legal acts. Meanwhile, in the practice of applying the criminal law, there are cases when, for the correct qualification of an act, along with the establishment of signs of *corpus delicti*, it is necessary to take into account its public danger. An appeal to the clarifications of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation allowed the authors of the article to develop and formulate recommendations for taking into account the nature and degree of public danger of the assault during its qualification.

Key words: qualification of crimes, *corpus delicti*, criminal public danger, nature of public danger, degree of public danger, the insignificance of the act.

Нередко встающие перед следователями и судьями сложные вопросы квалификации связаны с составностью состава преступления как инструмента разграничения различных посягательств друг от друга и от непротивоправного поведения. В основе описания составов конкретных посягательств в УК РФ, влекущих криминализацию соответствующих деяний, лежит представление законодателя об их общественной опасности. «Уголовная ответственность, – разъясняет Конституционный Суд РФ, – может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализируемого противоправного деяния, а его составообразующие признаки, наличие которых в совершенном деянии, будучи основанием уголовной ответственности, позволяет отграничивать его от иных противоправных, а тем более законных деяний, точно и недвусмысленно определены в уголовном законе, непротиворечиво вписывающемся в общую систему правового регулирования» [10]. Правильная квалификация преступлений является гарантией эффективного уголовно-правового воздействия. В качестве ее юридической основы выступает уголовный закон. При этом задача состоит в точности отражения в уголовном законе признаков преступлений, пригодности законодательных предписаний для установления в правоприменительной деятельности четких границ между преступным и непротивоправным поведением [13, с. 179].

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, «...устанавливая содержание уголовного закона, федеральный законодатель связан требованием его определенности, которое подразумевает ясное и четкое закрепление признаков преступления, без чего не может быть достигнуто единообразное понимание и применение соответствующих норм, а значит, и соблюдение общих принципов правового регулирования и правоприменения...» [11].

Квалификация преступлений является одним из ключевых понятий науки уголовного права. Правильная квалификация гарантирует легитимность уголовно-правового воздействия и наиболее полно раскрывает предупредительный и карательный потенциал уголовного закона. Квалификация преступлений – это деятельность, связанная с изучением фактических обстоятельств дела и уяснением содержания и смысла выбранной уголовно-правовой нормы. Известно, что вопросы правильного отражения фактических обстоятельств, различные аспекты познания конкретного события преступления являются предметом исследования уголовного процесса, криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. В центре внимания представителей уголовно-правовой науки при исследовании вопросов квалификации находится соответствующая норма, а также логические, методологические

и технико-юридические приемы ее толкования и применения.

Уголовный закон охраняет наиболее важные правоотношения, урегулированные Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и другими нормативными актами. Такое положение уголовного закона в правовой системе обуславливает его тесную связанность с другими отраслями права. Последние в отдельных случаях фактически определяют содержание уголовно-правовых норм. Ведущую роль в обеспечении соответствия УК РФ развивающемуся объекту уголовно-правовой охраны, бесконфликтного сосуществования формы уголовно-правовых запретов с политическим и социально-экономическим содержанием объекта играют бланкетные признаки, а также нормы иной отраслевой принадлежности. «Это обусловлено тем, – пишет М.В. Бавсун, – что реализация положений материального права невозможна без участия иных сфер правового регулирования, как, впрочем, и наоборот» [1, с. 33]. Принимая во внимание указанные объективные процессы, важно понимать, что иные не уголовно-правовые нормативные акты не могут содержать признаков составов преступлений, а только раскрывают их содержание.

Утверждение о наличии сформулированных признаков преступлений, помимо уголовного, в иных законах и нормативных актах является дискуссионным. Оно противоречит закреплённому в ст. 3 УК РФ принципу законности, в соответствии с которым только УК РФ определяет, какие деяния являются преступными, и устанавливает наказание за их совершение. Использование законодателем бланкетных признаков и терминов, заимствованных из иных кодексов и федеральных законов, объясняется особенностями предмета уголовного права. Преступными признаются посягательства на наиболее важные общественные отношения, которые не могут оставаться вне правового регулирования. Поэтому нельзя отрицать значение иных, помимо уголовного, законов для уяснения содержания признаков составов преступлений, но сами эти признаки могут быть предусмотрены только УК РФ.

Признаки составов преступлений, указанные в уголовном законе, «...непременны для суда, обязанного руководствоваться ими при квалификации любого инкриминируемого лицу преступления. Тем не менее выявление формальных признаков состава преступления в совершенном деянии не всегда предопределяет признание его преступным, поскольку содеянное в силу поведения самого виновного может и не достигать того уровня опасности, который легитимизирует уголовное преследование... преступлению, в отличие от иных правонарушений, присуща особая, а именно криминальная общественная опасность, при отсутствии которой даже деяние, формально подпадающее под признаки уголовно наказуемого, в силу малозначительности не может считаться таковым» [11].

Таким образом, имеет место противоречие между определенностью закона, предполагающей четкое формулирование признаков запрещаемого посягательства, и невозможностью в отдельных случаях только на основании этих признаков признать конкретное деяние преступлением. Получается, что не всегда наличие всех признаков какого-либо состава, описанного в УК РФ, свидетельствует об общественной опасности деяния. Означает ли это, что уголовная противоправность деятельности человека не предполагает ее безусловной и обязательной общественной опасности. Если вопреки ст. 8 УК РФ установление всех признаков состава преступления не является основанием уголовной ответственности, а требуется еще дополнительная оценка общественной опасности содеянного, то где искать ее критерии и чем руководствоваться при такой оценке. Указание на общественную опасность как признак преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ) в большей мере адресовано законодателю, нежели правоприменителю. «Общественная опасность, – отмечал А.И. Марцев, – как и само преступление, есть феномен социально-правовой. Как явление правовое уголовно-правовая опасность лежит в основе криминализации поведения или деятельности субъекта» [4, с. 10]. Задача по выявлению и четкому описанию общественно опасных деяний лежит на законодателе, следовательно и судья должны правильно применить уголовный закон.

Если допустить, что юридическим основанием квалификации преступления является его состав, а фактическим – само совершенное посягательство, то какова в данном случае роль общественной опасности. Вряд ли верно искать общественную опасность, которая могла бы повлиять на квалификацию преступления, за пределами состава. Так же как общее описание признаков в уголовном законе позволяет усматривать их единичное проявление в конкретном преступлении, его общественная опасность должна быть учтена при описании соответствующего состава. Если уголовно-правовой запрет сформулирован таким образом, что распространяется и на деяния, не обладающие «криминальной общественной опасностью», то он несовершенно, а легитимность его восполнения смыслами, лежащими за пределами состава, вызывает сомнение.

Например, применительно к ст. 212.1 УК РФ, запрещающей «нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, если это деяние совершено неоднократно», Конституционный Суд РФ разъяснил, «...что привлечение лица к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное данной статьей, возможно только в случае, если нарушение им установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования повлекло за

собой причинение или реальную угрозу причинения вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям» [10]. Таким образом, Конституционному Суду РФ пришлось не просто уточнить, а дополнить содержание нормы признаками, которые бы свидетельствовали об общественной опасности запрещаемого деяния.

На реальную вредоносность деяния, содержащего все признаки состава преступления, могут повлиять и иные обстоятельства, которые однозначно не исключают его преступность, как обстоятельства, указанные в главе 8 УК РФ, но значительно снижают общественную опасность. Как не представляющие опасности и не создавшие угрозы причинения вреда личности, обществу и государству Верховным Судом РФ были охарактеризованы действия Е., который ранее был признан «...виновным в незаконном приобретении и хранении охотничьего ружья и патронов к нему, и осудил его по ч. 1 ст. 222 УК РФ. При этом суд не принял во внимание то, что действия Е. в силу малозначительности не представляли общественной опасности, поскольку, как установлено по делу, Е. не имел цели приобретения ружья и патронов для себя, а пытался предотвратить самоубийство В., который получил тяжелую травму позвоночника и высказывал мысли о самоубийстве, в связи с чем жена В. попросила Е. временно хранить ружье у него» [6]. В данном случае обстоятельством, значительно снижающим опасность содеянного, выступила цель субъекта, состоящая в стремлении предотвратить возможное самоубийство человека.

Проблему оценки общественной опасности деяния при его квалификации проясняет разъяснение Верховным Судом РФ содержания ее характера и степени, данное применительно к назначению наказания. «Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред.

Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность). Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (статьи 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к совершенному преступлению (например, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострада-

ния, особо активная роль в совершении преступления), также учитываются при определении степени общественной опасности преступления» [5].

С учетом приведенных разъяснений характер общественной опасности есть категория нормативная. Он сформулирован в законе при описании состава преступления как с точки зрения направленности подразумеваемого посягательства на охраняемые общественные отношения, так и с точки зрения того, каким образом данным отношениям причиняется вред и какова мера этого вреда. Своей неповторимой степенью общественной опасности характеризуется конкретное посягательство. Подход, в соответствии с которым «...характер и степень отражают различные уровни оценки преступления: характер свидетельствует об опасности преступлений определенного вида, а степень – об опасности конкретного преступления», поддерживает Ю.Е. Пудовочкин [12, с. 63]. При квалификации мы учитываем, что степень опасности преступления проявляется в его индивидуальных признаках, наиболее существенные из которых соответствуют признакам состава, описанного в УК РФ. Юридически значимые черты конкретного посягательства находятся в пределах, заданных соответствующим составом признаков, описанных общими и предполагающими толкование понятиями. Поэтому преступления одного вида, квалифицируемые по одной статье УК РФ, могут обладать различной степенью общественной опасности.

«Анализ категорий "общественная опасность" и "противоправность" (запрещенность) вкупе с ретроспективным изучением состава преступления, его природы и функционального назначения, – отмечает А.В. Иванчина, – привел к выводу о том, что общественная опасность находится за рамками состава преступления, а последний есть воплощение "формального" признака преступления» [3, с. 19]. Вопрос о допустимости поиска общественной опасности «за рамками состава преступления» достаточно сложный. С одной стороны, признание состава формальным выражением характера общественной опасности преступления соответствующего вида, а степени общественной опасности конкретным проявлением установленных законом признаков в реальном посягательстве исключает потребность выявления еще какой-то иной общественной опасности в процессе квалификации. С другой стороны, при оценке степени общественной опасности деяния нужно учитывать отмеченную в теории и реализованную в законе иерархию значений признаков преступлений. Они могут учитываться при квалификации по основному составу с отягчающими обстоятельствами, а также влиять на назначение наказания. Но очевидно, что ведущую роль в разграничении правонарушений и их отграничении от правомерного поведения играют признаки основных и квалифицированных составов.

Обстоятельства, смягчающие (ст. 61 УК РФ) и отягчающие (ст. 63 УК РФ) наказание, если они не указаны в качестве конструктивных признаков составов, могут иметь только ориентирующее значение. В части 2 ст. 14 УК РФ при решении вопроса о признании деяния малозначительным предлагается исследовать содержание признаков деяния, предусмотренного УК РФ, т.е. признаков основных или квалифицированных составов. Если такие признаки выражены только формально, деяние следует признавать малозначительным. Таким образом, об отсутствии присущей преступлению степени опасности свидетельствует лишь формальная выраженность в оцениваемом деянии признаков, предусмотренных в уголовном законе.

Например, при оценке возможности привлечения лица к уголовной ответственности за незаконное хранение боеприпасов только формальное проявление «незаконности» может влиять на разрешение хранения их в меньшем количестве, чем то, которое было фактически изъято. «А.В. Гомзин, приказом Министра внутренних дел Российской Федерации от 31 октября 2008 г. за достигнутые успехи в период прохождения службы в органах внутренних дел награжденный пистолетом Макарова, укомплектованным двумя магазинами с 16 патронами, во время обыска в его жилище, проводимого в рамках производства по уголовному делу о покушении на мошенничество, имея процессуальный статус свидетеля, добровольно передал сотрудникам полиции наградное оружие и 40 патронов к нему. Суд пришел к выводу, что обвиняемый незаконно хранил лишь 24 пистолетных патрона, поскольку на хранение и ношение наградного оружия и 16 патронов к нему имелось разрешение». Конституционный Суд РФ разъяснил: «...положения ст. 222 УК РФ подлежат применению с учетом не только противоправности, но и общественной опасности содеянного... не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного этим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности» [7].

При квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, следует учитывать то, что незначительное количество наркотика может снизить степень общественной опасности. «Состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228.2 УК РФ, в качестве условия наступления уголовной ответственности предполагает не только нарушение виновным соответствующих правил, но и наступление общественно опасного последствия в виде утраты наркотического средства или психотропного вещества независимо от того, каковы размеры этой утраты. При этом такого рода деяние не может признаваться преступлением, если в силу малозначительности оно не представляет общественной опасности (ч. 2 ст. 14 УК РФ). Кроме того, как неодно-

кратно указывал Конституционный Суд РФ в своих решениях, в обязанность судов общей юрисдикции входит обеспечение дифференциации ответственности в зависимости от количества наркотического средства или психотропного вещества и других обстоятельств конкретного дела, могущих иметь значение для обеспечения прав и законных интересов обвиняемого» [8].

На необходимость не формального, а содержательного установления признаков преступлений неоднократно указывал и Верховный Суд РФ. К примеру, пункт «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ не связывает ответственность за незаконную добычу рыбы в местах нереста или на миграционных путях к ним с конкретным количеством выловленной рыбы, но при этом очевидно, что сама эта рыба является предметом соответствующего посягательства. Признавая действия подсудимого, добывшего шесть штук рыбы кеты, малозначительными (ч. 2 ст. 14 УК РФ), Верховный Суд РФ указал, что «в материалах настоящего дела не содержится доказательств, свидетельствующих о том, что содеянное П. обладает признаками высокой общественной опасности, которая позволила бы признать содеянное им преступлением. Так, не имеется достаточных данных о том, что действия П. причинили вред природно-ресурсному потенциалу окружающей среды. Последствия деяния П., размер нанесенного им вреда как обстоятельства, характеризующего

деяние как экологическое преступление, органами дознания вообще не исследованы и не нашли своего отражения в материалах дела» [9].

Н.А. Егорова, «...не преследуя цели предложить единственно верный теоретический подход к характеру и степени общественной опасности», отмечает, что ей «...больше импонирует толкование общественной опасности как свойства преступления, определяемого его объективными признаками (объектом и характером последствий)» [2, с. 14]. Подход, в соответствии с которым характер общественной опасности преступления выражен в признаках соответствующего состава, а степень характеризует конкретное посягательство, является более операционным, позволяет решать сложные вопросы квалификации. Легитимность уголовно-правовой оценке придает и признание того факта, что степень общественной опасности преступления проявляется в признаках, имеющих значение для квалификации, назначения наказания, а также в иных обстоятельствах, которые в соответствии с УК РФ имеют значение для решения вопросов уголовной ответственности. Степень общественной опасности проявляется в ее характере, заданных законом пределах признаков преступления и показывает меру их выраженности. Если отдельные признаки присутствуют в оцениваемом деянии только формально и степень их выраженности незначительная, то следует ставить вопрос о его малозначительности.

Литература

1. Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации. Омск, 2014. 248 с.
2. Егорова Н.А. Общественная опасность преступления: теория, законодательство, судебная практика // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1 (48). С. 8-18.
3. Иванчин А.В. Теоретическая модель предписаний Уголовного кодекса РФ об основании уголовной ответственности и малозначительности // Lex Russica. 2015. Т. СIII. № 6. С. 16-29.
4. Марцев А.И. Преступление: социально-правовой анализ: учебное пособие. Омск, 2012. 75 с.
5. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2000 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 9. С. 13-15.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 7 июля 2016 г. № 1426-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2009 г. № 806-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Определение Верховного Суда РФ от 8 августа 2006 г. № 64-Дп06-12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2020 г. № 10-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Пудовочкин Ю.Е. Понятие, критерии и пределы учета общественной опасности преступления судом // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник мат-лов VII международной научно-практ. конф-ции. СПб., 2019. С. 57-67.
13. Степанов В.В. Основание криминализации гражданско-правовых деликтов // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2014. Вып. 4 (26). С. 173-188.

УДК 343.7

И.В. Ботвин, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: botviniv@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЙДЕРСТВУ В РОССИИ

В представленной статье исследуются современные тенденции уголовной политики Российской Федерации в сфере борьбы с рейдерскими посягательствами, изучаются пробелы действующего уголовного законодательства, позволяющие существовать такому феномену, как рейдерство. Особое внимание уделяется изучению предложений ученых по совершенствованию уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, прямо или косвенно связанным с рейдерскими захватами, а также вырабатывается авторская позиция по данному вопросу. Автор приходит к выводу о том, что одним из приоритетных направлений уголовной политики в сфере противодействия рейдерству в России должно стать дальнейшее реформирование законодательства в данной сфере путем разработки понятийного юридического аппарата, характеризующего деяния, связанные с рейдерскими захватами.

Ключевые слова: уголовная политика, рейдерские атаки, противодействие, совершенствование законодательства, криминализация, реформирование.

I.V. Botvin, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: botviniv@mail.ru

TRENDS IN CRIMINAL POLICY IN THE FIELD OF COUNTERING RAIDING IN RUSSIA

This article examines the current trends in the criminal policy of the Russian Federation in the field of combating raider attacks, examines the gaps in the current criminal legislation that allow such a phenomenon as raiding to exist. Special attention is paid to the study of scientists' proposals for improving criminal legislation in the field of countering crimes directly or indirectly related to raider attacks, and the author's position on this issue is developed. The author comes to the conclusion that one of its priority areas of criminal policy in the field of countering raiding in Russia should be further reform of legislation in this area by developing a conceptual legal apparatus that characterizes acts related to raiding.

Key words: criminal policy, raider attacks, counteraction, improvement of legislation, criminalization, reform.

Деятельность по разработке и совершенствованию криминологического и уголовно-правового противодействия новым и видоизменяющимся посягательствам (например, возникающим в современных условиях цифровизации, информатизации, гаджетизации общества) видится совершенно обоснованной и целесообразной (хотя и характеризуется зачастую бессистемностью и хаотичностью). Однако острую критику и возмущение вызывает отсутствие интереса законодателя в вопросах борьбы с уже давно существующими и плотно укоренившимися преступными посягательствами, которые не претерпели особых изменений в механизме совершения и преступных последствиях.

Так, одной из угроз экономической безопасности продолжает выступать феномен рейдерства, который в последние годы должным образом не освещался в Российской Федерации и до сих пор не получил должного внимания со стороны органов законодательной и исполнительной власти.

Регулярно проводимые рейдерские захваты, безусловно, потрясают экономику страны, в результате чего происходит очередной криминальный передел собственности. Рейдерство стало своего рода одним из направлений высокодоходного бизнеса, прибыль от которого может сравниться только с торговлей наркотиками и оружием. Часто рейдерство стали называть экономическим бандитизмом или терроризмом. По словам некоторых специалистов, рейдерские атаки могут полностью уничтожить малый и средний бизнес в нашей стране.

В средствах массовой информации все чаще можно встретить публикации о том, что представляет собой рейдерский захват, какие существуют современные схемы отъема бизнеса, а также рекомендации по противостоянию рейдерским атакам [6].

Безусловно, рейдерство является проблемой, с которой необходимо бороться целенаправленно и в отношении которой необходимо разработать эффективный механизм противодействия. Важной частью этого механизма являются меры уголовно-правового характера.

Нельзя не согласиться с мнением отдельных ученых, полагающих, что рейдерство как одна из разновидностей преступной деятельности совершается с использованием пробелов в действующем законодательстве, опирается на коррупцию и представляет реальную угрозу экономической безопасности России. При этом они указывают, что действующее уголовное законодательство России не отвечает реальной криминальной ситуации в сфере рейдерских проявлений, что является причиной отсутствия единых подходов в борьбе с ними [1, с. 151-156].

Начиная с 2008 г. уголовно-правовая политика в сфере противодействия рейдерским действиям идет

по пути признания общественной опасности данного негативного явления. Однако ее реализация до настоящего времени характеризуется некоторыми проблемами, на которых следует остановиться более подробно.

Анализ законопроектов, а также имеющейся научной литературы по рассматриваемой теме свидетельствует о том, что существуют два подхода относительно создания уголовно-правовых механизмов противодействия рейдерству.

Сторонники первого подхода указывают на достаточность действующих уголовно-правовых норм для эффективного противодействия рейдерским проявлениям, считая необходимым лишь усиление ответственности за соответствующие деяния путем введения в отдельные статьи УК РФ такой цели, как захват предприятия, в качестве квалифицирующего признака.

Примером данного подхода является законопроект № 34330-5, внесенный в Государственную Думу в марте 2008 г., который согласно пояснительной записке «...подготовлен с целью ужесточения наказания за получение криминального контроля над имуществом, имущественными и неимущественными правами, денежными средствами предприятий различных форм собственности, получившее большое распространение в современной России» [5].

По мнению разработчиков данного законопроекта, рейдерство, являясь само по себе законным экономико-правовым процессом, не может быть внесено в УК РФ в качестве отдельной статьи, за которую должна следовать уголовная ответственность. Однако именно действия рейдеров чаще всего связаны с тем, что для достижения конечного результата совершаются деяния, уже имеющие статус преступления по УК РФ, направленные на приобретение контроля над активами юридического лица, к которым относятся как зарегистрированная недвижимость, так и недостроенные строения, земельные участки, товарные знаки и другие материальные активы.

В данном проекте его разработчиками предлагалось дополнить ч. 1 ст. 63 УК РФ (Обстоятельства, отягчающие наказание) пунктом «о»: совершение преступления связано с незаконным приобретением права владения, и (или) пользования, и (или) распоряжения активами (частью активов) юридического лица либо связано с установлением контроля над юридическим лицом путем приобретения права владения, и (или) пользования, и (или) распоряжения долями участников юридического лица в уставном капитале юридического лица и/или голосующими акциями акционерного общества.

Однако с учетом того, что отягчающее обстоятельство не является отдельным преступным деянием, разработчиками законопроекта предлагалось

подкрепить соответствующей формулировкой некоторые статьи УК РФ, которыми активно пользовалось криминальное рейдерство для получения преступного результата.

На этом основании ими предлагалось дополнить статьи УК РФ об ответственности за мошенничество (ст. 159 УК РФ), грабеж (ст. 161 УК РФ), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности (ст. 303 УК РФ) и вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ) положениями, устанавливающими признаки совершения деяний, связанных с незаконным переходом права владения, и (или) пользования, и (или) распоряжения активами (частью активов) юридического лица к другим лицам либо связанных с установлением контроля над юридическим лицом путем приобретения права владения, и (или) пользования, и (или) распоряжения долями участников юридического лица в уставном капитале юридического лица и (или) голосующими акциями акционерного общества.

По мнению некоторых ученых, правомерность дополнения перечня обстоятельств, отягчающих наказание, таким обстоятельством, как связь совершенного преступления с незаконным приобретением права собственности на активы (их часть) юридического лица или установление контроля над последним, вызывает некоторые сомнения. Свою позицию они аргументируют тем, что Общая часть УК РФ содержит перечень наиболее общих положений, относящихся к преступлению и наказанию. Указанное же специфическое обстоятельство относится к достаточно узкому кругу составов преступления, поэтому именно при описании этих составов в Особенной части УК РФ оно могло бы быть включено в качестве квалифицирующего признака [2, с. 13-16].

Кроме того, существенным недостатком данной позиции ученых является то, что нормы УК РФ не в полной мере учитывают специфику рейдерских преступлений и не охватывают весь спектр деяний, посредством которых совершаются рейдерские захваты.

Представители второго подхода к проблеме криминализации посягательств, связанных с рейдерскими действиями, указывают на то, что не все общественно опасные способы рейдерских захватов подпадают под действующие уголовно-правовые запреты. Они предлагают ввести в УК РФ отдельный состав преступления [4, с. 23-25; 7, с. 155].

Так, А.Ю. Федоров предлагал дополнить главу 24 УК РФ (Преступления против общественной безопасности) ст. 227.1 (Экономическое пиратство (рейдерство)). Уголовно наказуемым деянием он предлагал

считать нападение на объект материальной собственности, осуществленное с применением насилия или угрозой его применения, в целях завладения чужим имуществом до или после формального получения на него права собственности или управления за счет подделки правоустанавливающих документов или существенного нарушения легитимности их получения или решения суда, введенного в заблуждение путем обмана, влекущее причинение потерпевшей стороне ущерба в крупном размере [8, с. 246-247].

Основным недостатком предложенной модели антирейдерской нормы является то, что силовой захват юридического лица является далеко не единственной формой рейдерства. Кроме того, перечисленные в диспозиции данной нормы способы получения права на чужое имущество (правомочия управления юридическим лицом) не являются исчерпывающими. Таким образом, предложенную норму вряд ли можно признать универсальным механизмом противодействия рейдерству.

А.Э. Козловская предлагала дополнить УК РФ статьей «Незаконный корпоративный захват» в следующей редакции:

«Незаконный корпоративный захват

Незаконное приобретение (захват) прав на имущество юридического лица и связанных с этим полномочий, дающих юридические и фактические возможности на незаконное управление имуществом юридического лица без согласия или без ведома учредителей (участников) или инвесторов этой организации, совершённое с применением насилия или угрозы применения насилия, а также путём обмана» [4, с. 13].

Я.В. Фроловичев предлагал следующий вариант антирейдерской нормы:

«Статья 159.7. Рейдерство

Рейдерство, то есть незаконное установление контроля в отношении юридического лица путем присвоения полномочий или изменения состава его органов управления, а равно иным способом, сопряженное с хищением имущества или приобретением права на имущество этого юридического лица» [9, с. 11].

Указанные позиции ученых, на наш взгляд, заслуживают поддержки в части лаконичного описания сути такого явления, как рейдерство. Однако размещение данных норм в главе 22 УК РФ (Преступления против собственности) является не вполне оправданным, поскольку, исходя из определения рейдерства, под которым понимается общественно опасное деяние, выражающееся в незаконном установлении контроля в отношении юридического лица, сопряженное с хищением имущества или приобретением права на имущество этого юридического лица и причиняющее имущественный ущерб собственнику или иному владельцу юридического лица, в качестве

объекта рейдерства выступают скорее общественные отношения в сфере экономической деятельности.

В связи с этим наиболее оптимальной формулировкой, на наш взгляд, обладают модели антирейдерских норм, выработанные на основе анализа опыта уголовно-правового противодействия рейдерству в России и за рубежом, предложенные И.А. Соколовым:

«Ст. 169.1. Незаконный захват управления юридическим лицом.

Незаконное получение возможности осуществления управленческих полномочий в отношении юридического лица».

«Ст. 169.2. Отчуждение имущества юридического лица в результате незаконного захвата управления им.

Отчуждение имущества и (или) имущественных прав, принадлежащих юридическому лицу, в пользу виновного или других лиц, совершенное в результате незаконного получения возможности осуществления управленческих полномочий в отношении такого юридического лица» [6, с. 155].

Лаконичность изложенных формулировок, по нашему мнению, делает указанные нормы достаточно гибкими. Кроме того, в связи с постоянным изменением законодательных актов иных отраслей права отсутствие конкретных норм корпоративного законодательства в диспозиции данных статей может свидетельствовать о долговечности последних.

Рейдерство является сложным и многогранным явлением, включающим в себя широкий спектр неоднородных действий, посягающих на различные объекты уголовно-правовой охраны: собственность, экономическую деятельность, интересы службы в коммерческой и иной организации и т.д. В связи с этим охватить эти деяния диспозицией одной статьи, на наш взгляд, практически невозможно. Поэтому залог эффективности уголовно-правового механизма противодействия рейдерским проявлениям видится в криминализации ряда общественно опасных посягательств антирейдерской направленности.

Федеральным законом от 30.10.2009 № 241-ФЗ глава 22 УК РФ (Преступления в сфере экономической деятельности) была дополнена новыми нормами – ст. 185.2 УК РФ, предусматривающей ответственность за нарушение порядка учета прав на ценные бумаги; ст. 185.3 УК РФ, устанавливающей ответственность за манипулирование ценами на рынке ценных бумаг; ст. 185.4 УК РФ, которая предусматривала ответственность за воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг.

В 2010 году правоприменительная практика показывала, что действующие уголовно-правовые нормы не вполне соответствовали специфике рейдерских захватов имущества, имущественных и неимущественных прав, денежных средств предпри-

ятий. Привлечь к уголовной ответственности лиц, причастных к рейдерству, было возможно только на завершающем этапе захвата, когда имущество предприятия уже было похищено или выведено из-под контроля собственника или законного владельца иным противоправным способом.

В целях повышения эффективности противодействия рейдерству Федеральный закон от 01.07.2010 № 147-ФЗ УК РФ вновь был дополнен двумя новыми нормами – ст. 170.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за фальсификацию единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета, а также ст. 185.5 УК РФ, устанавливающей ответственность за фальсификацию решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества. Статья 185.2 УК РФ (Нарушение порядка учета прав на ценные бумаги) была дополнена частью третьей, предусматривающей ответственность за внесение в реестр владельцев ценных бумаг недостоверных сведений, а равно умышленное уничтожение или подлог документов, на основании которых были внесены запись или изменение в реестр владельцев ценных бумаг, если обязательное хранение этих документов предусмотрено законодательством Российской Федерации.

Кроме того, на основании этого же Федерального закона ст. 285.3 УК РФ, устанавливающей ответственность за внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений, была дополнена и глава 30 (Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления).

Федеральным законом от 07.12.2011 № 419-ФЗ глава 22 УК РФ (Преступления в сфере экономической деятельности) была дополнена ст. 173.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица, а также ст. 173.2 УК РФ, устанавливающей ответственность за незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица.

На основании указанных нововведений появилась возможность привлекать к уголовной ответственности рейдеров за создание фирм-однодневок, умышленное искажение ими данных, содержащихся в реестре владельцев именных ценных бумаг, в системе депозитарного учета и государственных реестрах, предусмотренных законодательством РФ, в т.ч. Едином государственном реестре юридических лиц.

Указанные дополнения уголовного законодательства позволили привлекать к ответственности рейдеров уже на начальных этапах их преступной

деятельности, предотвращая тем самым наступление последствий, при которых истребование захваченного имущества ограничено институтом защиты добросовестного приобретателя.

Подводя итог исследованию уголовно-правовой политики России в сфере противодействия рейдер-

ским проявлениям, необходимо обратить внимание на то, что одним из ее приоритетных направлений должно стать дальнейшее реформирование законодательства в данной сфере путем разработки понятийного юридического аппарата, характеризующего деяния, связанные с рейдерскими захватами.

Литература

1. Герасименко В.А. Правовое противодействие рейдерству в Российской Федерации // Юридические науки. 2015. № 1. С. 151-156.
2. Истомина М.В. О некоторых проблемах уголовно-правовой политики в сфере противодействия рейдерским преступлениям // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 4 (12). С. 13-16.
3. Козловская А.Э., Хавенсон Т.Е. Нужна ли антирейдерская статья в УК РФ? // Экономические преступления. 2009. № 1. С. 23-25.
4. Козловская А.Э. Уголовно-правовая охрана имущества юридических лиц от незаконных корпоративных захватов (криминологическое и уголовно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 29 с.
5. О внесении дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: пояснительная записка к проекту Федерального закона № 34330-5. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/34330-5>.
6. Рейдерский захват бизнеса. URL: <https://skpgroup.ru/press-tsentr/stati/reyberskiy-zakhvat-biznesa>.
7. Соколов И.А. Состояние и развитие уголовно-правового механизма противодействия незаконному захвату юридических лиц (рейдерству): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 199 с.
8. Федоров А.Ю. Рейдерство и корпоративный шантаж (организационно-правовые меры противодействия). М., 2010.
9. Фроловичев Я.В. Уголовно-правовое противодействие рейдерским захватам имущества юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

УДК 343.85:343.97

И.Н. Заварыкин, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: criminal-man@mail.ru;

А.А. Кошеваров

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: koshevarov.aa@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируются актуальные проблемы обеспечения виктимологической безопасности сотрудников органов внутренних дел.

Авторы приходят к выводу о том, что зачастую сотрудники полиции не владеют не только достаточными знаниями действующего законодательства о применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, но и навыками элементарной самозащиты.

Для более эффективного обеспечения виктимологической безопасности, по мнению авторов, руководителям подразделений органов внутренних дел необходимо выделять своим сотрудникам больше времени в рамках служебной подготовки для совершенствования профессиональных знаний, умений и навыков, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Также необходимо систематически проверять рассматриваемые компетенции, в т.ч. в рамках осуществления программ повышения квалификации.

Ключевые слова: сотрудники органов внутренних дел, виктимологическая безопасность, применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

I.N. Zavarykin, Candidate of Juridical Sciences

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: criminal-man@mail.ru;

A.A. Koshevarov

postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

E-mail: koshevarov.aa@mail.ru

SOME PROBLEMS OF ENSURING VICTIMOLOGICAL SAFETY OF INTERNAL AFFAIRS OFFICERS DURING THEIR PROFESSIONAL ACTIVITIES

The article analyzes the actual problems of ensuring the victimological safety of internal affairs officers.

The authors come to the conclusion that frequently police officers do not have sufficient knowledge of the current legislation about applying of physical force, special measures and firearms, moreover they lack in basic skills of self-defense techniques.

In the author's opinion for more efficient victimological safety, the heads of the internal affairs departments should arrange that more time within the scope of employees professional training is devoted to improving the competencies, knowledge and skills related to applying of physical force, special measures and firearms.

It is also required to perform systematic checks of these employees competencies throughout professional development training programmes implementation.

Key words: internal affairs officers, victimological safety, physical force, special measures and firearms applying.

Деятельность сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) связана с постоянной угрозой их жизни и здоровью. Выполняя возложенные на них обязанности по защите прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействию преступности, охране общественного порядка, собственности и обеспечению общественной безопасности [5], они нередко сами становятся жертвами преступных посягательств.

В статье 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» говорится, что основным направлением деятельности полиции является защита личности, общества, государства от противоправных посягательств. Встает разумный вопрос, как сотрудник ОВД может реализовывать возложенные на него государством полномочия, если в некоторых случаях ему самому приходится защищать себя от противоправных посягательств.

Статистические сведения о совершенных преступлениях в отношении сотрудников органов внутренних дел говорят о том, что, несмотря на снижение по итогам 2019 г. по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. числа возбужденных уголовных дел по ст. 317-319 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), по-прежнему остается актуальным вопрос о повышении уровня профессиональной подготовки сотрудников в сфере выполнения функций, связанных с риском для их жизни и здоровья.

Рассмотрим основные детерминанты профессиональной виктимности сотрудников ОВД, которые можно разделить на две основные группы. Первая связана со специфическим контингентом лиц, с которым приходится работать, а вторая – с личностными и профессиональными качествами сотрудников ОВД.

Говоря о первой группе детерминант, мы не можем обойти стороной тот факт, что значительная часть лиц, с которыми приходится вступать в контакт сотруднику ОВД, – это правонарушители, враждебно настроенные к представителям власти. Следовательно, сотрудник полиции может стать жертвой посягательства лишь потому, что он выполняет свои правоохранительные функции в отношении них.

Воспрепятствование законной деятельности также является одной из причин нападения на сотрудников. Наиболее часто подобное возникает в случаях задержания подозреваемых и обвиняемых в совершении противоправных деяний.

Так, 3 октября 2018 г. в Республике Тыва участковый уполномоченный полиции в составе группы сотрудников при задержании лиц, причастных к совершению преступления, получил ножевое ранение в спину, которое оказалось смертельным [1].

Раскрывая вторую группу детерминант, мы сталкиваемся с рядом несоответствий фактической под-

готовки сотрудников полиции и тем, что указано в нормативных документах. Одной из причин причинения сотрудникам ОВД вреда во время выполнения служебных задач является их недостаточная профессиональная и правовая подготовленность.

Эта проблема достаточно серьезная, ведь очень часто происходят ситуации, в которых сотрудники полиции не владеют не только достаточными знаниями действующего законодательства, но и навыками элементарной самозащиты.

Но как такое может быть? Ведь люди, несущие службу в органах внутренних дел, проходят специальную профессиональную подготовку, тем самым становясь компетентными специалистами, имеющими профессиональные знания, умения и навыки для решения специализированных задач.

На деле же мы видим иную картину: недостаточная подготовка ставит в тупик сотрудника полиции при решении сложных, в т.ч. конфликтных, ситуаций. Некомпетентность и безграмотность становятся виктимным фактором, который может повлечь неблагоприятные последствия для сотрудника ОВД.

Проблемность данного вопроса усугубляется тем, что в условиях пандемии COVID-19 сотрудники ОВД проходят первоначальную подготовку и повышение квалификации дистанционно.

Сотруднику предоставлено право защищать себя и других лиц, применив к нарушителю физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие в случаях, предусмотренных Федеральным законом «О полиции». Но неподготовленность к их применению и страх перед сложившейся ситуацией зачастую приводят к тому, что полицейские сами становятся жертвами преступных посягательств.

Становясь своеобразным «буфером» между «законом» и «правонарушителем», сотрудник не всегда может действовать адекватно.

В.М. Гарманов считает, что особое внимание следует обращать на такие направления предупреждения виктимности сотрудников полиции в процессе выполнения ими служебных обязанностей, как: 1) изучение причин и условий, способствующих совершению посягательств на сотрудников полиции при исполнении ими служебных обязанностей; 2) совершенствование профессиональной подготовки личного состава; 3) предупреждение недопустимых действий со стороны граждан [2, с. 35].

В исследовании виктимности сотрудников полиции в процессе выполнения ими служебных обязанностей значительное место нужно отводить изучению их причин и условий, способствующих совершению в отношении них посягательств. Это направление связано с изучением виктимологических ситуаций, которые, как отмечают Д.В. Ривман и В.С. Устинов, показывают криминогенную роль жертвы в меха-

низме преступления [6, с. 58]. Важное значение для изучения причин и условий, способствующих совершению в отношении сотрудников полиции посягательств, имеют анализ материалов служебных проверок, а также подготовка специальных аналитических обзоров и исследований типичных ситуаций оказания сопротивления сотрудникам полиции, нападений на них.

Изучив факты и обстоятельства, при которых правоохранители становятся жертвами преступных посягательств, мы можем выделить несколько групп профилактических мер, которые помогут снизить виктимность сотрудников ОВД.

1. Получение навыков разрешения конфликтных ситуаций. Деятельность сотрудника ОВД всегда связана с общением с людьми, причем людьми разного нравственного, образовательного, социального уровней. Конфликтные ситуации происходят часто, и уметь разрешать их – это одно из необходимых качеств полицейского.

Так, например, в 2018 г. при выезде на личном автомобиле с парковки городского пляжа в г. Уфе сотрудники полиции, находясь при исполнении служебных обязанностей, допустили столкновение с припаркованным автомобилем местных жителей. В ходе выяснения обстоятельств происшествия один из представителей власти затеял драку, в которой получил несколько ударов кулаком по лицу. На наш взгляд, в данной ситуации сотрудники полиции не смогли правильно повести себя, что привело к конфликту.

В психологической науке выделяют несколько способов разрешения конфликтных ситуаций, такие как «соперничество», «компромисс», «сотрудничество», «уход», «приспособление» [3, с. 218]. Мы считаем, что для сотрудника полиции во время осуществления своих обязанностей неприемлемы некоторые способы разрешения конфликтов, но все же умение правильно вести себя в сложившихся обстоятельствах может не просто помочь избежать получения вреда здоровью, но иногда и просто спасти ему жизнь. Полицейскому просто необходимо знать элементы невербальных способов общения в части осознания того, когда твой собеседник становится раздражительным и есть необходимость сгладить возникающий конфликт.

Но вместе с тем нельзя забывать, что сотрудник полиции – это представитель власти, и он в регламентированных законом ситуациях должен иметь доминирующее положение, ведь осознание оппонентом слабости в человеческих качествах зачастую становится фактором противоправных действий в отношении полицейского.

2. Получение навыков готовности к применению огнестрельного оружия. Каждый сотрудник ОВД обязан обладать навыками применения огне-

стрельного оружия, которое он использует в ходе несения службы. Качественная теоретическая подготовка дает знания о ситуациях и правомерности его применения, о материальной части, тактико-технических характеристиках, возможностях и способах устранения неисправностей оружия, стоящего на вооружении в органах внутренних дел.

Практические занятия при выполнении упражнений курса стрельб на полигонах и стрелковых тирах дают навык владения и использования оружия. Неоднократные стрельбы помогают научиться точности, правилам поведения при ношении оружия и боеприпасов, а вместе с тем соблюдать меры безопасности, которые просто необходимы в моменты, когда боевое оружие заряжено и приведено в боевую готовность.

При халатном отношении к мерам безопасности при обращении с оружием, а также при отсутствии достаточной подготовки происходят случаи, в которых сотрудники ОВД сами могут стать причиной неблагоприятных последствий.

Так, в мае 2018 г. участковый уполномоченный полиции МУ МВД России «Бийское» при неосторожном обращении с табельным оружием произвел выстрел себе в левую часть брюшной полости, тем самым повредив тазобедренный сустав.

Вместе с тем есть немаловажный фактор, который совершенно не зависит от теоретических знаний или практического опыта, – это готовность применить физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие в ситуациях, регламентированных законодательством.

К сожалению, часто встречаются случаи, когда сотрудники полиции не могут отразить нападение, применив в отношении правонарушителя физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие. Подобное возникает по ряду причин.

Одна из таковых – это нежелание их применять, в т.ч. для демонстрации, из-за неблагоприятных последствий, которые могут наступить при превышении пределов необходимой обороны и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление.

Другой немаловажной причиной их неприменения является большое количество бумажной и юридической волокиты, которая ждет сотрудника даже при правомерных действиях.

Необходимо быть морально готовым к законному причинению вреда здоровью, а после этого и к оказанию необходимой доврачебной помощи.

Так, в июле 2018 г. у посольства Словакии в Москве 17-летний юноша с ножом напал на командира взвода специального полка полиции по охране дипломатических представительств. Сотрудник полиции получил несколько ножевых ранений, в т.ч. проникающее в грудь, и был госпитализирован. Та-

бельное оружие он не применил. Нападавший на полицейского сбежал; его задержали спустя два дня.

В августе 2018 г. 23-летний житель Московской области, вооруженный ножом, напал на двоих полицейских в г. Клин Московской области. Чтобы остановить нападавшего, они стреляли в воздух, что не возымело никакого действия. В итоге налетчика все же скрутили, но он успел ранить обоих стражей порядка [4].

Отсутствие в ОВД методик подготовки к применению огнестрельного оружия в отношении человека приводит к тому, что ежегодно гибнут те, кто сами должны защищать граждан от преступных посягательств.

3. Улучшение физической подготовки сотрудников ОВД. Право на применение физической силы сотрудником полиции закреплено в нормативных документах, регламентирующих их деятельность. Знание боевых приемов борьбы – это тот необходимый минимум, который сотрудники полиции получают на занятиях по боевой и специальной подготовке. Отточка элементов ближнего боя должна помочь сотруднику полиции при задержании и обезвреживании правонарушителей.

Сотруднику полиции необходимо быть функционально и физически подготовленным, а значит каждый полицейский должен систематически заниматься физкультурой и спортом. Все мы прекрасно понимаем, что при таком темпе работы у сотрудников ОВД нет времени на это, что приводит к неспособности качественно применить физическую силу против правонарушителя.

Так, в сентябре 2018 г. сотрудника патрульно-постовой службы полиции Андрея Райского нашли

мертвым в служебном помещении на станции метро «Курская» г. Москвы. Причиной его смерти стало огнестрельное ранение в голову. По подозрению в совершении преступления задержали 42-летнего приезжего из Оренбурга Нурлана Муратова. Как считает следствие, Райский остановил Муратова для проверки документов и отвел его в служебное помещение. Там Муратов выхватил у полицейского табельный пистолет и застрелил его. Сотрудник не успел среагировать и применить приемы борьбы для собственной защиты.

Приведем еще один пример. У лейтенанта внутренней службы, занимающего должность инспектора по особо важным поручениям Департамента делопроизводства МВД России, в феврале 2018 г. произошел конфликт с подростками, который перерос в драку. Сотрудник не смог оказать физического сопротивления, получив травмы, был госпитализирован [4].

Следовательно, для более эффективного обеспечения виктимологической безопасности руководителям подразделений органов внутренних дел необходимо выделять своим сотрудникам больше времени в рамках служебной подготовки для совершенствования профессиональных знаний, умений и навыков, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Также необходимо систематически проверять такую готовность в том числе в рамках осуществления программ повышения квалификации.

Устранение приведенных выше детерминант, а также выполнение рассмотренных мер будут способствовать снижению виктимности сотрудников органов внутренних дел.

Литература

1. В Кызыле при задержании преступников погиб 27-летний участковый уполномоченный полиции Чаян Сенди-оол. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2018/10/04/v-kyzyle-pri-zaderzhanii-prestupnikov-pogib-28-letniy-uchastkovyy-upolnomochennyu-policii-chayan-sendi-ool.html> (дата обращения: 20.07.2020).
2. Гарманов В.М. Отдельные направления предупреждения виктимности сотрудников полиции // Виктимология. 2014. № 2 (2). С. 34-40.
3. Лопарев А.В., Знаменский Д.Ю. Конфликтология: учебник для академического бакалавриата. М.: Изд-во «Юрайт», 2017. 290 с.
4. На российских полицейских нападают все чаще. Оружие им только вредит. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/09/21/police/> (дата обращения: 20.07.2020).
5. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. Н. Новгород, 1998. 211 с.

УДК 343.972

Р.А. Семенюк, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: ruslanbarnaul@mail.ru

БОРЬБА С ДЕСТРУКТИВНЫМИ СЕКТАМИ В РОССИИ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье анализируются актуальные проблемы распространения и борьбы с деструктивными тоталитарными сектами, которые вводят людей в заблуждение и допускают насилие в отношении них. Общественная опасность деструктивных религиозных организаций заключается не только во введении в заблуждение своих адептов и причинении им вреда, но и в организации их руководителями совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Лидеры деструктивных религиозных организаций, культов и объединений стремятся осуществлять контроль над сознанием своих последователей в корыстных и иных противоправных целях, что порождает большой общественный резонанс и вызывает общее беспокойство.

Автор приходит к выводу о том, что главным смыслом работы деструктивной секты является получение прибыли, которая достигается за счёт мошеннического отъёма денег у граждан, ставших адептами деструктивного культа и пострадавших от своей ложной веры в личность, имеющую манию величия и называющую себя богом. Организация и развитие на территории России деструктивного сектантства является еще и оружием против нашего государства, которое угрожает или может угрожать основам конституционного строя Российской Федерации, общественной безопасности, правам и свободам российских граждан.

Эффективная борьба с такими псевдорелигиозными группами будет способствовать работе по предупреждению преступлений, совершаемых их последователями.

Ключевые слова: деструктивные секты, новые религиозные движения, борьба с сектантством.

R.A. Semeniuk, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ruslanbarnaul@mail.ru

FIGHTING DESTRUCTIVE SECTIONS IN RUSSIA AS CRIMINOLOGICAL PROBLEM

The article analyzes the current problems of the spread and fight against destructive totalitarian sects that mislead people and allow violence against them. The social danger of destructive religious organizations lies not only in misleading their adherents and causing harm to them, but also in the organization by their leaders to commit grave and especially grave crimes. Leaders of destructive religious organizations, cults and associations seek to exercise control over the consciousness of their followers for their own selfish and other illegal purposes, which generates a great public outcry and causes general concern.

The author comes to the conclusion that the main meaning of the work of a destructive sect is to make a profit, which is achieved by fraudulently taking money from citizens who have become adherents of a destructive cult and have suffered from their false belief in a person who has megalomania and calls himself God. The organization and development of destructive sectarianism on the territory of Russia is also a weapon against our state, which threatens or may threaten the foundations of the constitutional system of the Russian Federation, public security, the rights and freedoms of Russian citizens.

An effective fight against such pseudo-religious groups will contribute to the prevention of crimes committed by their followers.

Key words: destructive sects, new religious movements, the fight against sectarianism.

Религиозные отношения всегда были и остаются важной сферой жизнедеятельности человека. Их исследованием занимаются ученые из различных областей науки и практики, это и философы, социологи, психологи, религиоведы, юристы, журналисты и др. Практика деятельности религиозных течений в современной России показывает, что новые религиозные движения (далее – НРД) нередко допускают психологическое давление, которое подрывает способность человека принимать самостоятельные решения. Лидеры деструктивных религиозных организаций, культов и объединений стремятся осуществлять контроль над сознанием своих последователей в корыстных и иных противоправных целях, что порождает большой общественный резонанс и вызывает общее беспокойство.

В настоящей научной статье мы употребляем термин «секта», который часто используется при изучении НРД и носит негативный характер. Как правило, понятие «секта» используется для обозначения религиозной, политической, философской или иной группы, иногда отделившейся от основного религиозно принятого направления и противостоящей ему [15, с. 187].

Понятий «деструктивная секта» либо «деструктивный культ» множество. В настоящей статье под деструктивной сектой мы понимаем те группы и организации псевдорелигиозной направленности, которые причиняют физический, психологический, материальный и иной вред обществу и своим последователям, доводящий их до самоубийства (это так называемые «секты-убийцы»).

Практика деятельности различных религиозных и псевдорелигиозных культов показывает, что на фоне экономического кризиса количество деструктивных и тоталитарных сект резко возрастает, а их названия имеют завлекательный характер и вводят людей в заблуждение. Например, «Школа психологического самоанализа» под видом занятий проводит оккультные сеансы.

Как правило, с ростом деструктивных групп происходит обострение семейных, бытовых, материальных и иных проблем в жизнедеятельности человека.

Из средств массовой информации мы также узнаем, что служители деструктивных культов проводят психологическую обработку своей паствы, отнимая у людей деньги и жилье, лишая их права распоряжаться собственным телом и душой, а иногда и прямо толкая к смерти. И все же люди раз за разом попадают в секты. Еще бы, ведь сначала сектанты ведут себя как ваши лучшие друзья, а расплата начинается потом [9].

В научных публикациях также неоднократно отмечалось, что секты доводят людей до самоубийств, разрушают семьи, подрывают основы общества, поработаживают человека и т.п. [5, с. 62-80; 11].

Поэтому общественная опасность деструктивных религиозных организаций западной, восточной, оккультной, языческой и иной ориентации заключается не только во введении в заблуждение своих adeptов и причинении им вреда, но и в организации их руководителями совершения тяжких и особо тяжких преступлений. И это не только мошенничества и иные имущественные преступления, но и факты физического, психического и даже сексуального насилия, в т.ч. в отношении малолетних лиц, пытки, издевательства, всевозможная эксплуатация своих же провинившихся последователей. Таким образом, можно предположить, что такие религиозные организации могут перейти в статус организованных преступных групп.

Идеология всех культовых новообразований направлена на деструкцию национальной духовности, ее замену на собственную систему ценностей. В отличие от традиционных религий культовые новообразования противостоят интересам государства в пассивной или активной форме вплоть до использования своих adeptов в шпионских и террористических актах, причем они могут работать на спецслужбы других стран (например, на ЦРУ США). Следует подчеркнуть, что современные деструктивные тоталитарные секты – это не только хорошо организованные международные образования, но и мощные финансовые пирамиды, располагающие немалыми средствами, чтобы ангажировать журналистов, юристов, общественных деятелей и политиков для своей защиты [6, с. 23].

Неэффективность противодействия деструктивному сектантству привела к появлению разных личностей, именующих себя богами, что несет серьезную угрозу общественной безопасности. Например, в сентябре 2020 г. в Курагинском районе Красноярского края были задержаны основатели псевдорелигиозной организации «Города Солнца» – Сергей Тороп, Вадим Редькин и Владимир Ведерников. Тороп сначала называл себя голосом божьим, затем сыном божьим, сыном Девы Марии, а потом и вовсе стал идентифицировать себя с Иисусом Христом [3]. Количество adeptов «Города Солнца» составляет примерно 5 тыс. человек, наиболее приближенных и привилегированных – 350 человек, составляющих так называемую «единую семью».

По данным следствия в целях извлечения дохода от религиозной деятельности они привлекали денежные средства граждан, применяли к ним психологическое насилие. В результате некоторым последователям причинен тяжкий вред здоровью. Сейчас есть три уголовных дела против членов общины. Первое – связанное с хранением боеприпасов. Второе – воспрепятствование деятельности журналистов. Третье – создание некоммерческой органи-

зации, посягающей на личность и права граждан. Помощник Торопа – Ведерников – является главой местной школы «Истоки», она расположена в деревне Черемшанка. Именно в ней зимой 2020 г. проводились обыски, причиной которых были финансовые нарушения в общине (школа получает серьезные субсидии из местного бюджета).

Также можно вспомнить и псевдоправославную секту «Бога Кузи». По данным следствия в сентябре 2007 г. Андрей Попов занимался обманом граждан путём провозглашения себя иеромонахом, а затем «богом Кузей». В итоге подсудимые похитили денежные средства граждан в совокупном размере 7 млн 385 тыс. рублей. Однако уже в марте 2019 г. Попов был освобожден из исправительного учреждения [3].

Анализ результатов проведенного нами исследования показал, что главный смысл работы секты заключается в получении прибыли, которая достигается за счёт мошеннического отъёма денег у граждан. Например, у так называемого бога Кузи при аресте нашли 43 млн рублей и документы на десятки квартир, оформленных на его имя.

За последние два года в России были запрещены и ликвидированы на основании судебных решений 52 сектантские организации, действовавшие в 24 регионах. Однако даже эти ликвидации не остановили разгул сектантства, отчего проблема приобрела реальную угрозу. Причём удивительно, что любой, даже самый невероятный бред не только востребован, но и приносит продвигающим его в массы личностям фантастические прибыли.

Весной 2020 г. в Государственной Думе обсуждалась возможность взять деятельность сект под контроль путём их сертификации. Тогда депутаты озвучили такую цифру, что в сектах состоит до 800 тыс. граждан России. Наиболее активные секты имеют центры в США и спонсируются оттуда. Поэтому можно предположить, что организация и развитие на территории России деструктивного сектантства являются еще и оружием против нашего государства, которое угрожает или может угрожать основам конституционного строя Российской Федерации, общественной безопасности, правам и свободам российских граждан. Причём финансирование, как правило, идёт не напрямую, а через миссионерские проекты. Среди них, например, может быть изготовление учебных пособий для школ. Часто сектантская литература проникает в страну под видом помощи инвалидам. Такие пособия распространяются через почтовые ящики либо их раздают на улице.

Ведущий российский исследователь современного религиозного сектантства профессор Александр Дворкин рассказал в Совете Федерации о том, что до сих пор попытки государства бороться с ними были неудачными. Поскольку мешала несформирован-

ность и слабая информированность гражданского общества. Пострадавшие от деструктивных сект пытались выбраться из своего тупика в одиночку, стыдясь огласки и опасаясь насмешек. В результате размеры катастрофы, уровень опасности долгое время оставались за пределами информационного поля. В последние годы ситуация изменилась. Люди начали рассказывать свои истории, поскольку это поможет уберечь других от неверного шага. В качестве пострадавших на круглом столе убедительно выступили Лолита Милявская и жена участника группы «Иванушки Интернешнл» Лола Андреева. Мужа известной певицы, как поведала она, «зомбировали» в одном из столичных «тренинговых центров». История Лолы Андреевой началась вполне безобидно – девушка увлеклась психологией. Однако в результате сама стала объектом манипуляций и была вовлечена в секту.

В сентябре 2020 г. был проведен круглый стол в Совете Федерации Федерального Собрания России, в ходе которого рассмотрели тему повышения уровня законодательной защиты российских граждан от мошеннических действий деструктивных сект. Однако на следующий день после круглого стола собственник компании ВНИКО в Новочеркасске Владимир Надтока покончил с собой, выстрелив в голову из ружья. Он очень изменился после того, как посетил семинар одной из компаний, связанных с сайнтологами [8].

Специалисты определили своеобразный рейтинг организаций, активно работающих с деньгами населения и действующих на территории России. Кратко опишем некоторые из них:

1. Неопятидесятники (харизматики) – это самое распространённое движение в России, насчитывающее до 300 тыс. членов.

2. Саентология (сайнтология). На сегодняшний день это одна из самых мощных международных структур. По подсчётам экспертов общий доход организации – 3-5 млн долларов в день. Многие религиоведы классифицируют саентологию как архетипическую тоталитарную деструктивную секту. Количество последователей, по оценке независимых исследований и Церкви саентологии, колеблется от десятков тысяч до 10 миллионов. Бывшие сотрудники церкви саентологии обращают внимание на то, что культ путём шантажа побуждал тех делать аборт. Согласно судебным разбирательствам, культ повинен в разрушении семей за счёт практики «разрыва отношений».

3. Муниты (другие названия «Церковь объединения», «Церковь унификации»). Это международная империя, которая существует под массой разных имён. Организацию в 50-е гг. создал кореец Сан Мен Мун.

Доктор исторических наук, член-корреспондент АН СССР И.Р. Григулевич по поводу учения Муна

писал, что это эклектическое соединение элементов ортодоксального христианства (католицизм), пятидесятничества и иеговизма, сдобренное выдумками самого Муна. Всё это замешано на зоологическом (махровом) антикоммунизме и тоталитаризме фашистского толка [4, с. 83].

Доктор философских наук Е.Г. Балагушкин относит «Церковь объединения» к сектам, для которых свойственен религиозный радикализм с ультраправой милитаристской идеологией, основная цель которой борьба против мирового коммунизма, который понимается как «сатана», через развязывание третьей мировой войны, необходимость которой подкрепляется разработанной Муном доктриной в Божественном законе (каноне), основанной на модификации христианской эсхатологии о втором пришествии Христа, под которым понимается сам Мун [1, с. 14-16].

Известный российский психолог и общественный деятель доктор психологических наук, профессор Александр Асмолов, имевший тесные связи с «Церковью объединения» сегодня отмечает следующее: «Я достаточно знаю движение Муна, как они пытаются войти в школу и борются за умы детей. Это движение, по большому счёту, нацелено на манипуляцию сознанием, в том числе сознанием ребенка. И оно представляет серьезнейшую опасность для развития личности ребенка» [7].

4. «Звенящие кедры России», «Анастасия». Ее adeпты живут «экологическими» поселениями по всей России, в т.ч. и в Подмосковье. Главной героиней данной секты является живущая в сибирской тайге девушка со сверхъестественными способностями, Анастасия, которую никто не видел – ее представляет некто Пузаков под псевдонимом Мегрэ. Адепты продают свои квартиры, чтобы жить в «родовом поместье» и сажать кедры, в которых таится спасение России. Сам Владимир Мегрэ торгует «священным» кедровым маслом, амулетами и получает взносы за право жить в своей экологически чистой обители.

5. В марте 2020 г. в Санкт-Петербурге арестована глава секты «Орден Пути» 52-летняя Гайва Тихомирова. Ее жертвами стали десятки людей, которые отдали сотни тысяч евро за несуществующие «купола защиты» и прошли через извращенные ритуалы. Их заставляли пить кровь с алкоголем и наркотиками, распинали на крестах, закапывали живьем в землю и призывали избивать собственных детей. Сектанты теряли работу, семьи и влезали в долги на десятки миллионов рублей, а некоторые из них умирали при загадочных обстоятельствах.

Причинами ухода человека в секту и условиями, способствующими этому, могут быть огромное социальное неравенство между богатыми и нищенствующими; неадаптированность к резкой смене идеологической, социально-экономической обстановки

в стране; кредитная кабала; алкоголизм и наркомафия; уход от традиционных семейных ценностей и пропаганда гомосексуализма; навязанные болезни и создание ажиотажа вокруг птичьего, свиного и иного гриппа (пандемии); психологические проблемы, которыми чаще всего являются поиск острых ощущений, неуверенность, затруднение в самовыражении, одиночество, незащищенность, трудная жизненная ситуация, а также обещание исполнения всех желаний человека.

Пока выясняется истинная сущность сект, люди идут туда в надежде избавиться от психотравмирующей ситуации повседневного бытия, получить необходимую им перспективу, обрести смысл жизни, познать истину, уйти от одиночества [13, с. 83].

В настоящее время одним из основных субъектов борьбы с сектантством остается Русская православная церковь Московского патриархата (далее – РПЦ МП). Еще в 1994 г. Архиерейский собор РПЦ принял определение «О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме» [12]. РПЦ говорит о секантах как об иноверцах, послушниках Христа [10]. В главную задачу РПЦ входит пастырское попечение, духовная и психологическая поддержка людей, пострадавших от деятельности таких деструктивных псевдорелигиозных организаций, и их близких – родственников, знакомых, друзей, которые страдают вместе с ними. Также церковь принимает активное участие в профилактической деятельности, заключающейся в образовательной и воспитательной работе с детьми и молодежью, а также с их семьями, родителями и учителями [14, с. 80-84].

Другим субъектом борьбы с деструктивным сектантством является Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС), президентом которой является профессор А.Л. Дворкин. Сотрудники РАЦИРС считают, что лучший способ выйти из секты – это туда не попадать. Если бы в СМИ прошла информация о такой преступной секте и о последствиях пребывания в ней, то большая часть граждан не пострадала бы от нее. На официальном сайте члены ассоциации РАЦИРС опубликовали список выявленных ими организаций, сотрудничающих с тоталитарными сектами (55 организаций). Подобное информирование и просвещение населения являются одной из форм профилактической работы, заключающейся в повышении бдительности граждан и недопущении их вербовки в деструктивные секты.

На наш взгляд, основой борьбы с деструктивными сектами и культами являются следующие направления:

1) лишение их возможности вербовки новых адептов. Здесь следует показать общественности опасность таких контактов и их негативные последствия;

2) лишение или снижение возможностей у руководителей сект контроля над адептами, изъятие из сектантской группы и пресечение действий источника сектантского влияния, обеспечение безопасности, свободы слова освободившихся и их передвижения;

3) перекрытие каналов финансирования деструктивных сект;

4) оказание социальной, правовой, психологической и медицинской помощи пострадавшим от насилия, издевательств и пыток в сектах;

5) организация взаимодействия на местном и региональном уровнях различных религиозных конфессий с сотрудниками правоохранительных органов, медиками, психологами и другими необходимыми специалистами в целях недопущения влияния на граждан деструктивных, псевдорелигиозных, тоталитарных и иных противоправных культов и групп.

Также необходимо укреплять идеологию межнациональной и межконфессиональной толерантности. При этом следует своевременно реагировать и жестко пресекать ложную религиозную идеологию, под которой подразумевается деструктивный культ, разрушающий психику человека и ведущий к негативным последствиям вплоть до совершения им преступлений. По нашему мнению, любое толерантное отношение должно иметь свои пределы, оно не должно превращать в абсурд и насилие. Например, недопустима толерантность по отношению к насилию и жестокости, противоправному и иному антиобщественному поведению, к пропаганде мужеложства и растлению детей, к возвеличиванию одной религии и унижению другой.

Подводя итог, отметим, что общественная опасность деструктивных религиозных организаций заключается не только во введении в заблуждение своих адептов и причинении им вреда, но и в организации их руководителями совершения тяжких и особо тяжких преступлений. И это не только мошенниче-

ства и иные имущественные преступления, но и факты физического, психического и даже сексуального насилия, в т.ч. в отношении малолетних лиц, пытки, издевательства, всевозможная эксплуатация своих же провинившихся последователей. Таким образом, можно предположить, что такие религиозные организации могут перейти в статус организованных преступных групп.

Организация и развитие на территории России деструктивного сектантства являются еще и оружием против нашего государства, угрожающим или может угрожать основам конституционного строя Российской Федерации, общественной безопасности, правам и свободам российских граждан.

Главный смысл работы секты заключается в получении прибыли, которая достигается за счёт мошеннического отъёма денег у граждан, ставших адептами деструктивного культа и пострадавшими от своей ложной веры в личность, имеющую манию величия и называющую себя богом.

Основными формами воздействия на личность в деструктивных сектах являются следующие: завлекательный характер их названия (например, «Духовное обогащение» или «Международный фонд помощи и дружбы»), тотальный контроль над адептом, которого заставляют отдать все свое имущество, применение физического и психического насилия по отношению к провинившимся лицам, манипуляция и психологическая обработка личности, потребление наркотических средств, психотропных и иных одурманивающих веществ в процессе проведения обрядов.

Важна борьба не только с самим сектантством в целом, но и с антиобщественным поведением и преступными деяниями, совершаемыми их членами. С другой стороны, эффективная борьба с псевдорелигиозными группами будет способствовать работе по предупреждению преступлений, совершаемых последователями этих групп.

Литература

1. Балагушкин Е.Г. Критика нетрадиционных религий (истoki, сущность, влияние на молодёжь Запада). М.: Изд-во Московского университета, 1984.
2. «Бог Кузя» получил пять лет колонии за создание секты и мошенничество. URL: <https://www.interfax.ru/russia/621273> (дата обращения: 22.09.2020).
3. В Красноярском крае задержали главу «Города солнца» Виссариона // Комсомольская правда. 2020. 22 сент. URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/> (дата обращения: 22.09.2020).
4. Григулевич И.Р. Пороки «новой истины»: Очерки о культах и суевериях современного капиталистического мира. М.: Политиздат, 1983.
5. Зыгмонт А.И. Негативная антропология «сектанта» в современном российском антикультизме // Религиоведческие исследования. 2018. № 2 (18). С. 61-80.
6. Кондратьев Ф.В. Современные культовые новообразования («секты») как психолого-психиатрическая проблема. Белгород, 1999.
7. Крашаков А. Чем владеют секты // Аргументы и факты. 2004. № 32 (1241).

8. Ловцы умов // Наша версия. № 36 от 21.09.2020. URL: <https://versia.ru/zakonodатели-popytayutsya-ochistit-rossiyu-ot-sekt> (дата обращения: 22.09.2020).
9. Лютова В. Я жил в секте: признания пострадавших. URL: <https://fishki.net/2335896-ja-zhil-v-sekte-priznaniya-postradavshih.html> (дата обращения: 22.09.2020).
10. Москва – Третий Рим. Я – русский солдат! Катехизис православного воина. Архимандрит Никандр (Иванов). URL: <http://3rim.info/11605-ya-russkij-soldat-katexizis-pravoslavnogo-voina.html> (дата обращения: 22.09.2020).
11. Православие.ру. Секты являются полной противоположностью учению Церкви. URL: <https://www.pravoslavie.ru/79088.html> (дата обращения: 22.09.2020).
12. Русская православная церковь. Официальный сайт Московского патриархата. Определение «О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме». URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/530422.html> (дата обращения: 22.09.2020).
13. Савиченко И.А. Психологическое состояние личности, способствующее ее вовлечению в тоталитарные неокульты (секты) // Сибирский юридический вестник. 2006. № 3 (28). С. 82-86.
14. Чайкин В.Н. Противодействие деструктивным культам со стороны Русской православной церкви и реабилитация пострадавших // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 1 (13). С. 79-84.
15. Яблоков И.Н. Социология религии: теоретические аспекты. М.: МАКС ПРЕСС, 2014.

УДК 343.2

С.Е. Суверов

адъюнкт Омской академии МВД России

E-mail: s.suverovse95@mail.ru

ГЕНЕЗИС НОРМЫ О ПРИМИРЕНИИ С ПОТЕРПЕВШИМ КАК ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируется процесс появления в отечественном законодательстве нормы, предусматривающей примирение с потерпевшим в качестве основания освобождения лица от уголовной ответственности. Отмечается развитие в науке уголовного права института освобождения от уголовной ответственности, а также связанных с его реализацией принципов. Выделяются особенности реализации отдельных положений о примирении в уголовном судопроизводстве РСФСР. Прослеживается путь принятия действующего Уголовного кодекса РФ в части появления в нем нормы о примирении с потерпевшим. Рассматривается зарубежный опыт примирительных процедур по уголовным делам. Предлагается авторское мнение о влиянии на уголовный закон России правовых положений института примирения с потерпевшим, установленных в зарубежных законодательных системах.

Ключевые слова: уголовная ответственность, освобождение от уголовной ответственности, примирение с потерпевшим, медиация, транзакция, Уголовный кодекс, модели примирительных процедур, альтернативные проекты.

S.E. Suverov

postgraduate student of Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia

E-mail: s.suverovse95@mail.ru

GENESIS OF THE REGULATION ON SETTLEMENT WITH THE INJURED PARTY AS THE BASIS OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the process of the appearance in the domestic legislation of a regulation providing for settlement with the injured party as a ground for exemption from criminal liability. The development of the institution of exemption from criminal liability in criminal law, as well as the principles associated with its implementation, is noted. The features of the implementation of certain provisions on reconciliation in the criminal process of the RSFSR are highlighted. The way of the adoption of the current Criminal Code of the Russian Federation is traced in terms of the appearance of a rule on reconciliation with the victim in it. The foreign experience of settlement procedures in criminal cases is considered. The author's opinion is proposed on the influence of the legal provisions of the institution of reconciliation with the victim, established in foreign legislative systems on the criminal law of Russia.

Key words: criminal liability, exemption from criminal liability, settlement with the injured party, mediation, transaction, models of settlement procedures, alternative projects.

Правовая политика современных государств в области уголовного права существенно отличается от проводимой ими еще около века назад. Одним из наиболее существенных различий между ними является активное внедрение в настоящее время в уголовное законодательство большинства государств мира положений, направленных на реализацию принципа «экономии репрессий».

Исследователями по-разному понимается содержание вышеуказанного принципа путем смещения акцентов на те или иные отличительные черты [12, с. 4; 13; 25, с. 8]. Не затрагивая сущности данной категории, отметим лишь то, что проявление указанной политики нашло свое объективное выражение в нормативном закреплении мер наказаний, альтернативных лишению свободы, уменьшению количества пенитенциарных учреждений, а также лиц, в них содержащихся, внедрении идеи «условности» наказания.

Причины такого рода изменений правовой политики государств ранее были предметом изучения и подробно излагались на страницах научных работ. Нами же понимается, что обозначенные события были следствием невозможности дальнейшего использования арсенала правовых инструментов, предлагаемых представителями классической школы уголовного права, для предотвращения роста преступности [7, с. 14].

Начавшаяся в последующем трансформация уголовно-правовой сферы привела к появлению и законодательному закреплению иных уголовно-правовых институтов, одним из которых стал институт уголовной ответственности [8, с. 43].

В соответствии с тем, что указанные изменения происходили на рубеже XIX-XX вв., а свое бурное развитие возымали в XX в., в законодательстве РСФСР, а затем и СССР нашли свое отражение некоторые из них.

Впервые в Основах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г., а впоследствии и в Уголовном кодексе (далее – УК) РСФСР 1960 г. уголовная ответственность употреблялась в значении существенно ином, чем уголовное наказание [9, с. 21]. Кроме того, вышеуказанными правовыми актами впервые было введено понятие «освобождение от уголовной ответственности», что обусловило закрепление данного правового института [17, с. 6].

В свою очередь, появление оснований, освобождающих от уголовной ответственности, привело к необходимости пересмотреть содержание принципа неотвратимости наказания. Результатом данного процесса стало предложение о переходе к принципу неотвратимости уголовной ответственности [14, с. 263]. Дальнейшее развитие оснований освобождения от уголовной ответственности, связанное с предоставлением возможности применять к лицу,

совершившему преступление, вместо мер уголовной ответственности иные меры (административной ответственности, воспитательного и общественного воздействия), привело к утверждению принципа неотвратимости уголовно-правового принуждения [7, с. 95].

Отметим, что в обозначенных Основах уголовного законодательства отсутствовало интересующее нас основание освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, но предлагались иные [10].

Вместе с тем рассматриваемый институт освобождения от уголовной ответственности также не был закреплен и в каком-либо из УК РСФСР, однако определенные его положения нашли свое отражение в Уголовно-процессуальных кодексах (далее – УПК) РСФСР как 1922 и 1923 гг., так и 1960 г., в нормах которых устанавливались конкретные преступления, возбуждаемые только лишь по жалобе потерпевшего и подлежащие прекращению вследствие примирения последнего с лицом, совершившим преступление.

В последующем существенные социально-политические изменения, начавшиеся в нашем государстве, повлекли за собой отказ от ранее доминирующих позиций в различных отраслях права. С целью выработки новой концепции развития уголовного законодательства группой отечественных ученых-правоведов в 1987 г. была разработана и предложена на обсуждение научному сообществу теоретическая модель Общей части Уголовного кодекса [11, с. 93].

В данной модели УК предусматривалось несколько видов освобождения от уголовной ответственности с применением иных мер воздействия (главы 16 и 22). К мерам, заменяющим уголовную ответственность, относились: 1) принудительные меры воспитательного характера, применяемые к несовершеннолетним комиссией по делам несовершеннолетних (ст. 109); 2) принудительные меры общественного воздействия, применяемые товарищеским судом (ст. 84); 3) передача лица на поруки в связи с отсрочкой вынесения приговора (ст. 85) [18, с. 260-261, 272].

Примечательно, что в комментарии одного из авторов обозначенной модели указывалось, что для обогащения советского уголовного права необходимо обратиться к сравнительному правоведению, изучая при этом не только правовые институты в иных социалистических государствах, но также и в развитых капиталистических [5, с. 3-4]. Несмотря на данный тезис, при написании модельного кодекса в нем не было предложено закрепить примирение с потерпевшим в качестве основания освобождения от уголовной ответственности или наказания, хотя указанные положения содержались в законодательстве ряда развитых зарубежных государств. Вероятно,

это было связано с тем, что существенной правовой основы для реализации обозначенных предложений еще не было создано, поскольку государство все еще действовало в прежней конституционной парадигме, отношение к роли личности в уголовных правоотношениях пока еще не было принципиально пересмотрено.

В дальнейшем в период с 1991 г. по 1996 г. происходила активная работа, направленная на реформирование уголовного законодательства, в т.ч. путем предложения проектов нового УК РФ. Проекты будущего уголовного закона разрабатывались как представителями государственной власти, так и различными авторскими коллективами ученых, а также в учебных и научных учреждениях [1; 4, с. 55; 16, с. 28-31; 20].

Несмотря на существенные споры между представителями различных проектов о содержании УК, ими не затрагивался вопрос о закреплении в нем освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим [4, с. 57; 14].

И лишь в одном из последних проектов УК РФ, подготовленном совместно несколькими авторскими коллективами и представленном в 1994 г., впервые было предложено установить рассматриваемую норму. Она располагалась в ст. 78 и имела следующее содержание: «Лицо, совершившее преступление небольшой тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред» [19, с. 44]. Совокупность условий, необходимых для реализации данного основания, практически полностью соответствовала итоговой редакции УК РФ, принятой в 1996 г., за тем лишь исключением, что в первоначальном варианте отсутствовало требование о необходимости совершения преступления впервые, т.е. возможность его применения была более широкой.

Важным является тот факт, что еще до окончательного принятия и введения в действие на территории России нового УК в условиях развития межгосударственных отношений с членами Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. был согласован Модельный УК [6]. Так, ст. 75 данного Модельного УК, именуемая как «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим», имеет содержание, которое практически дословно воспроизводится ст. 78 проекта Общей части УК, рассмотренного ранее.

Проанализировав путь становления нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, стоит отметить, что существенные вопросы вызывает факт её появления в одном из последних проектов УК, поскольку ранее возможность её закреплению не выносилась на об-

суждение общественности, не предлагалась иными законопроектами. Это повышает интерес к вопросу о том, что же послужило причиной решения об установлении такого основания освобождения от уголовной ответственности, а также на правовой опыт каких государств опиралась Россия, если указанная норма была ею заимствована.

О существенном влиянии зарубежного законодательства на принятие УК РФ 1996 г. имеется определенное мнение в научной среде. В том числе одним из разработчиков УК 1996 г. профессором А.Н. Игнатовым отмечалось, что при его подготовке учитывался апробированный положительный опыт стран Западной Европы, в частности Германии и Франции [21, с. 4].

Указанное мнение подтверждается тезисом о том, что институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим был заимствован отечественным законодателем из зарубежного уголовного права, поскольку в обозначенных государствах он показал и доказал свою состоятельность, эффективность и экономическую выгоду [22, с. 392].

На момент обсуждения и принятия окончательной редакции УК РФ 1996 г. в зарубежных государствах отсутствовала общепринятая модель осуществления процессов по урегулированию уголовно-правовых конфликтов, результатом которых мог стать отказ от уголовного преследования виновного лица и вынесения ему обвинительного приговора судом. Способы разрешения указанных конфликтов именовались «альтернативными мерами», а их правовая основа была закреплена как в уголовном, так и в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных государств, а также в иных нормативно-правовых актах. Кроме того, следствием реализации данных мер были различные правовые последствия для лица, совершившего преступление (освобождение от наказания; обстоятельство, смягчающее наказание).

Полагаем, что возможно объединить в наиболее общем виде указанные модели различных зарубежных государств в две группы [26, с. 59]. К первой группе можно отнести так называемые «нидерландско-бельгийские», которые представляют собой транзакцию. Сущность указанных моделей заключается в том, что лицо, совершившее преступление, уплачивая денежный штраф в пользу государства, размер которого устанавливается правоохранительными органами, а также признавая в полном объеме вину в инкриминируемом ему деянии, может быть освобождено прокуратурой или полицией от уголовного преследования. Также существенным условием для реализации транзакции является размер наказания за совершенное лицом преступление, который в соответствии с законодательством Бельгии не дол-

жен превышать пяти лет лишения свободы, а в соответствии с законодательством Нидерландов – шести лет лишения свободы [2, с. 156].

Анализируя вышеобозначенную модель примирительных процедур, стоит отметить, что основными субъектами её реализации являются, с одной стороны, правоохранительные органы, осуществляющие уголовное преследование, а с другой – лицо, совершившее преступление. Учет мнения потерпевшего лица имеет второстепенное значение, а сам факт примирения с потерпевшим не является основанием для освобождения лица от уголовной ответственности. На основании вышеизложенного полагаем, что указанная модель, скорее всего, не являлась ориентиром для отечественного законодателя в рамках рассматриваемой нами нормы.

Во вторую группу «альтернативных мер» входит институт медиации. Отличие обозначенных моделей от предложенных ранее заключается в том, что основными субъектами в осуществлении примирения являются, с одной стороны, потерпевший, а с другой – лицо, совершившее преступление, но при этом в данном процессе действуют и иные органы, выполняющие функции посредников, которые разъясняют сторонам условия и последствия примирения. Кроме того, в качестве условий для реализации освобождения виновного лица им должны быть совершены определенные действия (возмещение ущерба, прохождение курса лечения, выполнение общественно полезных работ и пр.).

В настоящее время в зарубежных странах имеются различные варианты медиации, однако простая форма ее производства является наиболее схожей с отечественным видом освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, поскольку предполагает в качестве обязательного условия возмещение виновным лицом причиненного потерпевшему ущерба. Ярким примером обозначенного вида медиации является положение ст. 41 УПК Франции 1958 г., поскольку в законодательной системе данного государства правовая норма, закрепляющая основание и порядок примирительной процедуры, регулируется процессуальным, а не материальным законом [2, с. 187].

Наиболее существенное свое развитие медиация получила в Федеративной Республики Германия (далее – ФРГ), уголовным и уголовно-процессуальным законодательством которой были закреплены и действуют до настоящего времени соответствующие правовые нормы. Так, в УПК ФРГ еще с 1974 г. действует норма, установленная в § 153а, в соответствии с которой органы прокуратуры наделены правом на временный отказ от выдвижения публичного обвинения с одновременным возложением на лицо, совершившее преступление, обязанностей и указаний, при

выполнении которых оно может быть освобождено от уголовной ответственности, в их числе имеется достижение договоренности с потерпевшим (договоренность преступник-жертва) и возмещение в полном объеме или частично последствий преступного деяния [23, с. 22].

Помимо этого, УК ФРГ 28 октября 1994 г. был дополнен § 46а, который предусматривает, что суд может смягчить наказание или, если санкция за инкриминируемое лицу преступление не превышает одного года лишения свободы либо денежный штраф в размере до 360 дневных ставок, полностью отказаться от назначения наказания при выполнении лицом, совершившим преступление, определенных обязанностей в отношении потерпевшего и при примирении с ним [21, с. 407].

Такая отличительная черта медиации, как привлечение к процессу осуществления примирительных процедур посредника, незаинтересованного в исходе уголовного дела, но склоняющего стороны к принятию консенсуса, находит свое отражение в уголовном процессе ФРГ, в котором в роли посредников выступают органы, не имеющие прямого отношения к уголовной юстиции: руководство общин, муниципалитетов, религиозных объединений, различные филантропические учреждения, которые по роду своей деятельности участвуют в решении социальных вопросов в городе или конкретной местности [23, с. 21-22]. К посредникам предъявляется требование о наличии квалифицированного психолого-педагогического уровня подготовки, который они получают путем прохождения специализированных курсов в образовательных организациях ФРГ [3, с. 120]. Кроме того, вовлечение посредников в начало осуществления процедуры медиации может быть инициировано судом или органом прокуратуры при согласии на это потерпевшего и лица, обвиняемого в совершении преступления, на основании § 155а УПК ФРГ. В последующем результат примирительных процедур доводится медиатором до суда или органа прокуратуры, поскольку он может повлиять на назначение виновному лицу наказания [24, с. 828-829].

Именно в законодательстве ФРГ нормы о примирении с потерпевшим регулируются не только УПК, как, например, во Франции, но и уголовным законом, что имеет существенное сходство с отечественным УК.

Таким образом, по нашему мнению, наиболее близкой по своему содержанию моделью осуществления примирительных процедур между потерпевшим и лицом, совершившим преступление, используемой в зарубежных государствах, с нормой ст. 76 УК РФ 1996 г. является медиация. Особенно последовательно она нашла свое применение в ФРГ, именно поэтому опыт данного государства мог быть исполь-

зован отечественными правоведами при разработке положений собственного УК.

В то же время очевидно, что уголовный процесс осуществления примирительных процедур в правовой системе России не включает в себя активной роли каких-либо посредников, которыми могут являться как правоохранительные органы, так и иные общественные объединения, что является существенным отличием от модели, используемой в ФРГ.

В случае подтверждения принятого уголовно-правового курса, направленного на развитие в отечественной законодательной системе правовых институтов, альтернативных наказанию, строящихся на компенсационно-примирительных основах, видится логичным продолжить закрепление иных правовых норм, которые также при определенных условиях могут быть взяты за основу из обозначенных нами законодательств зарубежных стран, необходимых

для полноценного становления института медиации, поскольку в настоящем своем виде он далек от совершенства и не может в полной мере эффективно функционировать.

Итак, следует отметить, что правовыми системами Германии и Франции была осуществлена рецепция римского права, в т.ч. права публичного, к которому относится уголовное и уголовно-процессуальное. Данные государства в настоящее время обладают наиболее развитыми правовыми системами среди представителей романо-германской правовой семьи, к которым также относится и Россия. Этим, на наш взгляд, также может объясняться возможность заимствования отечественным законодателем правовых норм о примирении с потерпевшим из обозначенных государств, поскольку они являются наиболее близкими по своей юридической природе и особенностям правового регулирования.

Литература

1. За что и как будут судить в России: новый уголовный закон (Проект) // Специальный выпуск журнала «Закон» (приложение к газете «Известия»). 1992. № 12.
2. Зубкова В.И., Кузнецова Н.Ф., Крылова Н.Е. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2: Учение о наказании: учебник для вузов. М.: Зерцало-М, 2002. 464 с.
3. Кравчук Л.С., Бочарникова Л.Н., Землякова Т.А. О применении медиации в уголовных делах (из опыта правоприменительной практики Федеративной Республики Германия). Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль, 2015. Т. 7. № 7. Ч. 2. С. 118-121.
4. Крылова Н.Е., Кузнецова Н.Ф., Тяжкова И.М. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении: учебник для вузов. М.: Зерцало-М, 2002. 624 с.
5. Кудрявцев В.Н. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М.: Юр. Норма; Инфра-М, 2016. 30 с.
6. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ // Правоведение. 1996. № 1. С. 91-150.
7. Нечепуренко А.А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации: опыт комплексного исследования: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2008. 284 с.
8. Нечепуренко А.А. Снятие неопределенности понятия уголовной ответственности на основе анализа форм ее реализации // Онтология и аксиология права: тезисы докладов и сообщений девятой международной научной конференции (25-26 октября 2019 г.) / отв. за вып. канд. филос. наук, доцент Д.В. Попов. Омск: Омская академия МВД России, 2019.
9. Нечепуренко А.А. Уголовная ответственность: эволюция понятия и перспективы законодательного регулирования: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2014. 176 с.
10. Основы уголовного законодательства ССР и союзных республик // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1.
11. Панченко П.Н. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1989. № 1. С. 93-95.
12. Плиско Р.К. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. 251 с.
13. Плиско Р.К. Особенности регламентации института примирения с потерпевшим в уголовном законодательстве зарубежных стран // Правовая реальность в фокусе юридической науки и университетского просвещения: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. С. 276-278.
14. Сабитов Т.Р. Принцип неотвратимости наказания и его трансформация в уголовно-правовой науке и законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 261-269.
15. Сборник по итогам обсуждения проекта Общей части УК «Проблемы уголовной ответственности и её дифференциация». Ярославль, 1993.

16. Совершенствование и эффективность применения республиканского законодательства в борьбе с преступностью. Часть 2: Уголовный кодекс РСФСР (проект): межвузовский сборник научных трудов. Омск: Высшая школа милиции МВД РСФСР, 1991.
17. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности / С.Г. Келина; отв. ред. А.А. Пионтковский. М.: Наука, 1974. 232 с.
18. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Г.З. Анашкин, С.В. Бородин, И.М. Гальперин, Н.И. Загородников; отв. ред. С.Г. Келина, В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1987. 276 с.
19. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть: проект / И.М. Гальперин, А.Н. Игнатов, А.О. Иванов, С.Г. Келина и др. М., 1994. 58 с.
20. Уголовный кодекс Российской Федерации: проект // Юридический вестник. 1992. № 20.
21. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учебное пособие / под ред. и с предисл. И.Д. Козочкина. М.: Омега-Л, Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, 2003. 576 с.
22. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. А.Н. Тарбагаева. М.: Проспект, 2012. 448 с.
23. Усс А.В. Примирие вместо наказания (как течение в правоприменительной практике) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1990. № 6. С. 20-26.
24. Филатова У.Б., Архипкина А.С., Некрасов С.Ю., Архипкин И.В. Медиация в уголовном процессе: анализ правового регулирования в Федеративной Республике Германия // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 824-832.
25. Ценёва В.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: дис. ... канд. юрид. наук. Кемерово, 2002. 228 с.
26. Якобашвили Г.М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 145 с.

УДК 343.9

П.Д. Фризен, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: frizenpd@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЮ КРАЖ И УГОНОВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В РОССИИ

В представленной статье исследуются вопросы, связанные с детерминированием современных посягательств на автомобили и иные транспортные средства. В частности, рассматриваются экономические, политические, социальные, виктимологические, организационные и иные факторы, способствующие совершению указанных преступлений. При этом особое внимание уделено средствам массовой информации, которые нередко способствуют формированию криминогенного мировоззрения у населения, что приводит к совершению преступлений различного характера, в т.ч. хищению транспортного средства. В ходе изучения проблемы автор приходит к выводу о том, что только на основе комплексного подхода к анализу детерминантов краж и угонов транспортных средств необходимо строить программу предупреждения данного вида преступности.

Ключевые слова: современная преступность, профилактика, кражи и угоны транспорта, факторы, предупреждение преступности.

P.D. Frizen, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: frizenpd@mail.ru

CURRENT FACTORS CONTRIBUTING TO AUTO THEFT AND JOYRIDING IN RUSSIA

This article examines issues related to the determination the modern encroachment on the cars and other vehicles. In particular, economic, political, social, victimological, organizational and other factors contributing to the commission of these crimes are considered. Special attention is paid to the mass media, which often contribute to the formation of a criminogenic worldview among the population, which leads to the commission of various crimes by this person, including theft of a vehicle. In the course of studying the problem, the author comes to the conclusion that only on the basis of an integrated approach to the analysis of the determinants of auto theft and joyriding, it is necessary to build a program for the prevention of this type of crime.

Key words: modern crime, prevention, auto theft and joyriding, factors, crime prevention.

В настоящее время в науке криминологии проблема детерминации преступности имеет одно из главных значений как в теории, так и в практическом аспекте.

Эффективная реализация мер по предупреждению какого-либо вида преступлений возможна лишь при детальном уяснении, изучении и дальнейшем устранении причины и условий возникновения и существования данного явления. Именно при анализе факторов, способствующих совершению преступлений, и возникает методика борьбы с противоправными негативными проявлениями.

К экономическим факторам, способствующим совершению хищений автотранспортных средств, можно отнести следующие негативные обстоятельства: высокий уровень инфляции; рост цен практически на всю продукцию и оказание услуг; отсутствие рабочих мест с оптимальными условиями работы и заработной платы; отсутствие реальной помощи государства представителям малого бизнеса; неспособность прибыли от легального способа заработка и от возможных доходов преступным путем; неэффективная поддержка государством малообеспеченных семей; отсутствие у малообеспеченных людей возможностей получить полноценное профессиональное образование; отсутствие вакантных должностей для выпускников высших и средних профессиональных учебных заведений; огромная разница в благосостоянии богатых и бедных слоев населения, минимальное количество представителей среднего класса.

Высокий уровень инфляции обуславливает постепенное обесценивание государственной валюты, что приводит к росту численности населения с доходами, которые не способны обеспечить их минимальные потребности. Помимо этого, инфляция приводит к финансовому кризису как в масштабах государства, так и в масштабах отдельно взятого человека. В результате постоянного роста инфляции население вынуждено пользоваться услугами кредитования. В дальнейшем у кредитополучателя теряется возможность выплатить ежемесячный взнос по кредиторской задолженности, что нередко приводит к тому, что у человека возникает умысел совершить противоправное деяние в корыстных целях. Помимо этого, у человека формируется криминальное мировоззрение, возможны стрессовые психические расстройства, что может привести к эмоциональной разрядке в виде преступлений хулиганской направленности, в число данных преступлений входят и угоны автотранспорта, совершаемые в хулиганских целях.

Рост цен на продукты питания, предметы первой необходимости, одежду, образовательные услуги, возрастание стоимости квартир либо цены за аренду

жилища приводят к тому, что у человека не остается денежных средств, необходимых ему для нормального проживания и выполнения своих функциональных обязанностей. Все перечисленное может стать причиной противоправного поведения человека, а также формирования у него окружения из представителей криминальной среды. С представителями криминальной среды данный человек может в соучастии совершить какое-либо преступление, в т.ч. и хищение транспортного средства группой лиц по предварительному сговору [2, с. 13-15].

Многие лица, совершившие хищение транспортного средства, признаются, что встали на путь совершения преступлений по причине того, что отсутствует возможность получения достойного легального заработка. Многие на момент совершения преступления были женаты, помимо этого, они являлись отцами одного и более детей, в связи с чем были вынуждены преступным путем получать денежные средства, необходимые для содержания своей семьи. В ходе совершения преступлений корыстной направленности они становились членами преступных групп, лидеры которых были способны и на совершение краж и угонов транспортных средств, по этой причине потенциальный преступник автоматически становился соучастником при совершении противоправного завладения автотранспортом.

Отсутствие финансовой поддержки малообеспеченных слоев населения приводит к тому, что возникает огромная разница между богатыми и бедными в уровне благосостояния. Помимо этого, в семьях с незначительным уровнем дохода отсутствует возможность полноценного воспитания детей в духе соблюдения законов, стремления к знаниям и развитию, т.к. эти дети лишены самого необходимого для проживания. Такие дети, как правило, уже с малого возраста совершают противоправные деяния, со временем становятся участниками преступных групп, состоящих из несовершеннолетних. Если своевременно не внести корректировки в мировоззрение подростка, то постепенно у него сформируется криминогенное восприятие мира, данное восприятие практически невозможно изменить с течением продолжительного периода [8, с. 72-75].

К социальным факторам, способствующим совершению хищения транспортного средства, можно отнести следующие: скрытая пропаганда алкоголя и наркотических средств; слишком большое количество материалов в средствах массовой информации, содержащих сцены насилия, пропаганды потребительского образа жизни; отсутствие работы с населением с целью повышения культурного уровня; отсутствие работы по пропаганде законопослушного образа жизни, спорта, стремления к знаниям и развитию; нежелание населения работать, фанатичная

потребность в получении удовольствия различными способами, в т.ч. и противоправными.

Огромное значение в повышении нравственно-психологического, образовательного, правового, физического уровня населения имеют средства массовой информации. В современном мире средства массовой информации в большинстве государств имеют обратное предназначение – это и скрытая пропаганда беспорядочной половой жизни, употребления одурманивающих средств и веществ, отдыха, заключающегося в посещении увеселительных заведений, либо в просмотре телевизионных передач, которые негативно влияют на духовное здоровье человека. Особое влияние средства массовой информации оказывают на подрастающее поколение, которое еще не способно в достаточной степени оценивать происходящее в окружающей среде, в связи с этим несовершеннолетние формируют идеал своего поведения, отталкиваясь от стандартов, которые они ежедневно видят в телевизионных передачах развлекательного характера либо на сайтах, содержащих материалы, запрещенные для просмотра несовершеннолетними.

Помимо средств массовой информации, негативно сказывается на образе жизни россиян и установившееся отрицательное отношение к представителям государственной власти. В современных условиях крайне малое количество лиц содействует органам внутренних дел на добровольной основе. Основная часть населения относится к представителям правоохранительных органов с недоверием, а также нередко случаи враждебного отношения к представителям указанных органов государственной власти [7, с. 24-26].

В связи с вышеизложенными обстоятельствами у человека нередко формируется криминогенное мировоззрение, что приводит к совершению этим лицом преступлений различного характера, в т.ч. возможно совершение хищения транспортного средства [4, с. 10-11].

К политическим факторам, способствующим совершению краж и угонов автотранспорта, можно отнести следующие обстоятельства: политическая нестабильность; отсутствие законодательно закрепленных и реализуемых на практике программ по предупреждению краж и угонов автотранспорта; отсутствие программ по работе с молодежью; проблемы в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном законодательстве, позволяющие избежать уголовной ответственности за совершение преступления.

Политическая нестабильность заключается в том, что человек в современном мире не может быть уверен в завтрашнем дне, т.к. законодательство постоянно меняется. Невозможно планировать мероприятия на будущее, т.к. все может измениться по

независящим от человека обстоятельствам. Данное состояние может вызвать у человека стресс, что провоцирует на совершение рискованных действий, в большинстве случаев связанных с нарушением закона [3, с. 167-169].

Предупреждение краж и угонов транспортных средств в Российской Федерации в основном сводится к тому, что за безопасность своего автомобиля в основном несет ответственность сам владелец. Конкретных, законодательно закрепленных и реализуемых на практике мер по борьбе с хищениями автотранспорта на сегодняшний день в нормативно-правовых актах нет. В связи с этим возникает теоретическая полемика по данной проблеме, но реальных действий по предупреждению хищений транспортных средств не производится, что и становится основной причиной большого количества зарегистрированных преступлений.

Помимо программ по предупреждению краж и угонов автотранспорта, в Российской Федерации отсутствуют и программы по работе с молодежью, а ведь именно лица молодого возраста наиболее часто становятся преступниками. У представителей молодежи на сегодняшний день отсутствуют какие-либо обязательные для посещения спортивные, научные, творческие, трудовые организации, что приводит к тому, что молодежь предоставлена сама себе, в связи с чем среди представителей данной возрастной категории появляются любители проводить свободное время в развлечениях различного рода. Систематическое проведение времени в увеселительных заведениях приводит к тому, что у человека начинает проявляться процесс деградации,

Пробелы в законодательстве позволяют преступнику избегать уголовного наказания, что приводит к повторным совершениям преступления, т.к. у преступника, хотя бы один раз избежавшего наказания за совершение преступления, формируется убеждение в том, что можно и дальше совершать преступления различного вида безнаказанно [5, с. 112-114].

Анализ политических факторов, способствующих совершению краж и угонов автотранспорта, позволяет сформировать комплекс предупредительных мер, исполнение которых способно предупредить данные виды преступлений.

Виктимологические факторы, способствующие совершению краж и угонов автотранспорта, включают в себя особенности поведения потенциальных потерпевших от угонов автотранспорта. Данные факторы также необходимо устанавливать для эффективного формирования комплекса предупредительных мер, которые должны быть направлены на информирование потенциальных жертв о способах совершения краж и угонов, а также о методах предотвращения преступлений.

Виктимологические факторы включают в себя следующие особенности: плохая противоугонная защищенность автомобиля; низкий уровень внимательности потерпевшего; излишняя доверчивость потерпевшего; отсутствие заинтересованности потерпевшего в наказании виновных лиц при обнаружении похищенного автомобиля [6, с. 380].

Плохая защищенность автомобиля является следствием того, что у потерпевшего создается мнимое впечатление о низкой вероятности совершения в отношении него противоправного посягательства на его собственность. Также у потенциальных потерпевших от краж и угонов автотранспорта бытует ложное убеждение о том, что противоугонные системы не являются эффективным средством от совершения неправомерного завладения автомобилем. Ложным оно является потому, что многие кражи и угоны совершаются в состоянии алкогольного опьянения, а также несовершеннолетними лицами, что свидетельствует о низком уровне профессионализма в совершении данного вида преступлений. Данная категория лиц не сможет бесследно обойти простейшие противоугонные системы и будет своевременно замечена и задержана во время совершения преступного посягательства.

Невнимательность потенциальных потерпевших заключается в том, что нередко они теряют ключи от своего автомобиля либо забывают их в общественных местах, после чего преступник без труда проникает в автомобиль и незаконно им завладевает. Также немало краж и угонов совершается вблизи магазинов, т.к. потерпевший, выходя из автомобиля, не закрывает его и не вынимает ключ из системы зажигания. Таким образом, пока отсутствует законный владелец автомобиля, преступник с легкостью похищает оставленный без присмотра автомобиль.

Излишняя доверчивость потерпевшего заключается в том, что многие из них оставляют ключи от автомобиля малознакомым лицам, могут доверять управление своим автомобилем лицам, которых знают непродолжительное время.

Нередки случаи, когда потерпевший пишет заявление о прекращении дальнейшего разбирательства в связи с тем, что его автомобиль обнаружен и возвращен ему сотрудниками полиции либо самими угонщиками. После этого уголовное судопроизводство прекращается и преступники остаются безнаказанными, что провоцирует повторные совершения хищений автотранспорта.

Организационно-управленческие факторы. В 90% случаев преступники, совершающие кражи и

угоны транспортных средств, являются рецидивистами, что негативно сказывается на борьбе с ними. Каждый преступник, причастный к краже или угону транспортных средств, совершил до этого еще по 2-3 угона и по 3-4 хищения транспортного средства. Благодаря этому у преступников возникает ощущение безнаказанности, что привлекает потенциальных преступников. В свою очередь, это также говорит о плохо развитой системе предупреждения правоохранительными органами данных видов преступлений, а также о чрезмерной гуманности общества, которая зачастую оправдывает поступки преступников. Говоря о системе предупреждения и деятельности правоохранительных органов в части краж и угонов транспортных средств, можно сказать об ее отсталости и устарелости. В частности, раскрытие преступлений в указанной сфере остается на низком уровне, а именно только около 20-30% указанных преступлений направляются в суд. Если говорить об уровне рецидива, который соответствует 90%, то необходимо кардинально изменять или обновлять систему предупреждения в данной области. В обоснование изложенного можно привести пример.

Ранее неоднократно судимый гражданин В., открыв с помощью ножа замок передней левой двери, сел на водительское сиденье принадлежащего С. автомобиля, который завел, соединив провода замка зажигания. Затем умышленно, неправомерно, без цели хищения, завладев данным автомобилем, стал совершать на нем поездки по улицам г. Барнаула вплоть до его (В.) задержания сотрудниками ОБ ДПС УМВД России по г. Барнаулу. В ходе допроса гражданин В. сразу признался, что угоняет транспортное средство не в первый раз и имеет судимость за совершение преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ [1].

Таким образом, имея четкое представление о детерминантах преступности, связанной с кражами и угонами транспортных средств, обладая высокопрофессиональными умениями и навыками, сотрудники органов внутренних дел смогут организовать эффективную борьбу с преступными деяниями данной категории, обеспечить их своевременное и качественное предупреждение, а также совершенствовать работу по их раскрытию и расследованию силами оперативно-следственных подразделений полиции.

Перечисленные в настоящей статье факторы необходимо анализировать в совокупности, т.к. они являются взаимосвязанными и на основе полученных выводов необходимо строить программу предупреждения краж и угонов автотранспортных средств.

Литература

1. Архив Ленинского районного суда г. Барнаула 2017. Д. № 1-103/17.

2. Ботвин И.В. Некоторые вопросы виновного вменения в ходе реализации уголовной ответственности за преступления против собственности, совершаемые путем обмана или злоупотребления доверием // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы пятнадцатой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. Ч. 2. С. 13-15.
3. Ботвин И.В. Предупреждение преступности лиц, не имеющих постоянного источника дохода (на примере Алтайского края) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2017. № 2 (33). С. 167-169.
4. Ботвин И.В. Проблемы реализации принципа вины при квалификации хищений // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы шестнадцатой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2018. Ч. 2. С. 10-11.
5. Ким Е.Р. Криминологическая характеристика и предупреждение краж и угонов автомобилей и иных транспортных средств (по материалам Дальневосточного региона): дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014.
6. Малкина-Пых И.Г. Виктимология: психология поведения жертвы. М.: Эксмо, 2010.
7. Узденов А. Основные направления совершенствования регламентации уголовной ответственности за угон транспортных средств // Российский следователь. 2015. № 24. С. 24-26.
8. Хрусталева Р.О. Особенности предупреждения краж и угонов автотранспорта // Криминологический взгляд. 2013. № 3. С. 72-75.

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

УДК 343.13

Л.Ю. Аксенова, канд. юрид. наук, доцент

Омская академия МВД России

E-mail: aksenova.leila@mail.ru

УСТАНОВЛЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВ В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

В работе рассматриваются отдельные обстоятельства, подлежащие установлению по фактам мошенничества в сфере кредитования. Судебно-следственная практика по мошенничествам в сфере кредитования и теоретические разработки по установлению и доказыванию отдельных обстоятельств, имеющих ключевое значение при принятии решения о возбуждении уголовного дела и в ходе дальнейшего расследования, не всегда совпадают. Среди наиболее спорных вопросов в данном сегменте остаются проблемы определения и доказывания предмета кредита, содержания заведомо ложных и недостоверных сведений, содержания понятий «заемщик» и «кредитор», установление изначального умысла на хищение кредитных денежных средств.

Ключевые слова: расследование мошенничества в сфере кредитования, обстоятельства, подлежащие установлению, кредит, кредитный договор, заемщик.

L. Yu. Aksenova, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: aksenova.leila@mail.ru

ESTABLISHING INDIVIDUAL CIRCUMSTANCES IN THE INVESTIGATION OF CREDIT FRAUD

The article considers certain circumstances to be established for fraud in the field of lending. Judicial and investigative practice on fraud in the field of credit and theoretical developments on the establishment and proof of certain circumstances that are of key importance when making a decision to initiate a criminal case and in the course of further investigation do not always coincide. Among the most controversial issues in this segment are the problems of determining and proving the subject of the loan, the content of false and unreliable information, the content of the concepts «borrower» and «lender», the establishment of the original intent to steal credit funds.

Key words: investigation of fraud in the field of credit, circumstances to be established, credit, loan agreement, borrower.

В современной России активно развивается и совершенствуется кредитно-банковская система. Именно она в настоящее время наиболее уязвима для криминальных посягательств. Руководствуясь получением прибыли, банки и иные кредитные организации активно предлагают населению различные программы кредитования. Ввиду большого объема кредитных предложений и высокой конкуренции кредиторы снижают требования к выдаче кредитов. Такая ситуация не может не привлекать мошенников. Внешне кредитный договор с участием мошенников в качестве законопослушных граждан всегда выглядит как легитимные гражданско-правовые отношения. А соответственно, из-за обозначенных действий сторон существуют и сложности в определении обстоятельств, подлежащих установлению.

По делам о мошенничестве в сфере кредитования необходимо установить полный объем признаков исследуемого хищения.

1. Установление способа преступления, в т.ч. и его формы. С криминалистических позиций особенности установления способа подробно изложены в исследованиях О.В. Кругликовой [5, с. 19-38]. В разъяснениях высших судебных органов четко сформулированы понятия «обман» и «злоупотребление доверием». В качестве способа в уголовно-правовом смысле законодатель определяет наличие лишь его активной формы. Между тем обман и злоупотребление доверием могут выражаться и в пассивной форме [3, с. 36-40] в виде умолчания истинных фактов, направленных на введение владельца имущества в заблуждение, или в смешанной форме, состоящей в сообщении заемщиком как ложных, так и достоверных сведений. В ряде случаев заемщику выгодно представление достоверных сведений для принятия положительного решения по кредитному договору.

2. Установление условий кредитования, содержания представленных заемщиком ложных и (или) недостоверных сведений, наличие которых кредитор рассматривает в качестве условия для предоставления кредита. А также установление всего объема документов, в которых указанные сведения содержались.

Вопрос о наполняемости понятий «заведомо ложные» и «недостоверные сведения», об определении их самостоятельности либо неделимости является спорным и не разрешенным в настоящий момент. Согласно разъяснениям ФНС России положений ст. 14.25 КоАП РФ аналогичные термины употребляются в различных значениях. Так, под недостоверными сведениями понимается наличие неточностей, искажений в содержании представленных для государственной регистрации документов. Применительно к данному способу в разъяснениях указывается на

неосторожное правонарушение. А представление заведомо ложных сведений означает однозначную осведомленность лица о ложности, недостоверности представляемых им сведений, а соответственно, такое правонарушение характеризуется прямым умыслом [11]. Указанные толкования для уголовного судопроизводства могут быть применены лишь в части понимания сущности терминов, т.к. невозможно применить подобные толкования к ст. 159.1 УК РФ как к деянию, которое может совершаться по неосторожности. Как справедливо отмечает А.В. Шеслер, ложные и недостоверные сведения, о которых речь идет в ст. 159.1 УК РФ, – понятия неделимые и фактически означают одно и то же, и их деление лишь усложняет и утяжеляет диспозицию нормы [20, с. 67-71].

Ложные либо недостоверные сведения (например, об уровне своей кредитоплатежеспособности, финансовом состоянии, ликвидности обеспечения кредита и др.) могут содержаться в различных представленных кредитору заемщиком документах. Исследование судебно-следственной практики показывает, что практически по всем уголовным делам данной категории изымается кредитное досье заемщика, а именно договор кредитования; согласие клиента на взаимодействие с бюро кредитных условий; заявление о заранее данном акцепте на исполнение распоряжений банка предъявляемых по кредитному договору; согласие на взаимодействие с третьими лицами; анкета-заявление; финансовый резерв; выписка по счету; справка о доходах физического лица [15].

Представители юридических лиц для создания видимости финансовой устойчивости заемщика совершают фальсификацию оборотно-сальдовых ведомостей, различных счетов, расчетно-кассовых документов и другой документации первичного бухгалтерского учета. Могут использоваться номинальные организации, которые не осуществляют никакой предпринимательской деятельности.

Подлежит разрешению вопрос и о юридической оценке действий заемщика, сообщившего о себе и своем финансовом состоянии достоверные сведения, однако имевшего умысел на хищение кредитных средств. Н.Ю. Скрипченко в этой части допускает расширительное толкование рассматриваемого способа, включающего молчаливый обман, относящийся к намерениям по исполнению обязательств кредитного договора. Заемщик, соглашаясь с условиями договора, но не имея желания выполнять принятые обязательства, тем самым представляет кредитору заведомо ложные сведения [18, с. 53-58]. В качестве таковых сведений в описанном случае следует признавать «недостоверные сведения о своих намерениях». В настоящее время в судебно-следственной практике такое деяние охватывается действием ст. 159 УК РФ.

3. Умысел в качестве обстоятельства, подлежащего установлению, является ключевым при решении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности за исследуемое деяние. Лицо осознанно предоставляет кредитору ложные или недостоверные сведения, на основании которых принимается положительное решение о выдаче кредита. Умысел может быть установлен: наличием имеющихся у лица иных кредитных обязательств; исследованием всей финансовой деятельности лица (финансовые операции, покупки, переводы и на какую сумму); соотношением затраченных сумм с полученными кредитными средствами; соотношением расходов с полученными доходами; правильностью отчислений в бюджет необходимых платежей и сборов. Положение Банка России № 590-П [9] позволяет банку в целях анализа финансового положения заемщика дополнительно пользоваться информацией: бюро кредитных историй и (или) Центрального каталога кредитных историй, иных официальных общедоступных информационных ресурсов (официальных сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет) Верховного Суда Российской Федерации, Федеральной службы судебных приставов, Федеральной налоговой службы, Пенсионного фонда Российской Федерации, Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, Единого федерального реестра сведений о банкротстве, Федеральной нотариальной палаты.

Следует критически относиться к показаниям обвиняемого. Отдельные, например, обосновывают невозврат кредитных средств гражданско-правовыми отношениями. В подтверждение своей позиции ими могут выдвигаться и аргументы, связанные с частичным погашением долга. Так, например, для сокрытия мошенничества в сфере кредитования, согласно разработанному плану, с целью придания вида гражданско-правовых отношений неуставленным следствием лицом, действовавшим в группе лиц по предварительному сговору, денежные средства общей суммой <данные изъятые> рублей внесены на расчетный счет №, которые были списаны банком в счет платежей согласно графику кредитного договора [16].

4. Подлежит установлению вопрос использования заемщиком тех или иных поддельных документов, самостоятельно или с помощью другого лица они были изготовлены. Данное обстоятельство в дальнейшем повлияет и на юридическую оценку содеянного. Согласно пункту 6 Постановления № 48 [12] хищение лицом с помощью подделанного им же официального документа образует дополнительную квалификацию по ст. 327 УК РФ. В случае использования мошенником изготовленного другим лицом

поддельного официального документа дополнительной квалификации не требуется.

5. Крайне важным обстоятельством является факт установления, от чьего имени запрашивался кредит (использовался ли чужой паспорт, выступало ли лицо от чужого имени, от имени несуществующего лица по подложным документам либо для получения кредита использовались другие лица, которые не были осведомлены о его преступных намерениях). Данное обстоятельство полностью влияет на решение вопроса о возбуждении уголовного дела по исследуемому деянию либо по ст. 159 УК РФ. Исследование судебно-следственной практики показало, что встречаются негативные факты привлечения к уголовной ответственности по ст. 159.1 УК РФ лиц, использующих не принадлежащие им паспорта.

Так, например, Л. совместно с неуставленным лицом с целью хищения кредитных средств предоставил банку поддельный паспорт гражданина РФ с вклеенной в паспорте фотографией иного лица, заполнил анкету-заявление на получение кредита и получил кредитные средства. Тем не менее органами предварительного следствия и судом Л. обвиняется в совершении мошенничества в сфере кредитования, т.е. хищении денежных средств заемщиком путем предоставления банку заведомо ложных и недостоверных сведений, совершенном группой лиц по предварительному сговору [14].

6. Способ запрашивания и получения кредитных средств. Это обстоятельство важно для установления объективной стороны, а также момента окончания деяния, механизма следообразования. Если запрошенные кредитные средства получены наличным путем, тогда момент окончания хищения определяется моментом получения средств в кассе кредитной организации, когда лицо имеет реальную возможность средствами пользоваться и распоряжаться. Безналичные денежные средства, в т.ч. электронные денежные средства, считаются похищенными с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца.

В отдельных случаях получение кредита возможно в отсутствие контакта заемщика с кредитором, а значит может полностью исключать наличие идеальных следов. Например, в ходе телефонного разговора с оператором кредитора может быть заполнено заявление-анкета, состояться процедура идентификации, быть оформлена кредитная карта, тем самым быть заключен кредитный договор. Получение кредита возможно через онлайн-приложение кредитной организации. Условием заключения такого договора являются регистрация на официальном сайте кредитной организации, получение учетной записи и пароля к ней (личного кабинета), являющейся аналогом собственноручной подписи

клиента – аутентификацией клиента и последующим предоставлением персональных данных, фиксируемых собственноручно в анкете-заявке, в кредитном договоре, предоставление копий паспортных данных, достоверность которых подтверждается электронной подписью с использованием СМС-кода. Подлежат установлению факт обращения (запрашивания) и, соответственно, зачисления кредитных средств, а также оставленные в связи с этими действиями следы.

7. Подлежит установлению запрошенный заемщиком вид кредита. На сегодняшний день в России доступны следующие кредиты – согласно ст. 819-821.1 ГК РФ кредит, ст. 822 ГК РФ товарный кредит, ст. 823 ГК РФ коммерческий кредит.

Договор товарного кредита отличается от кредитного договора, «во-первых, предметом (предметом договора могут быть вещи, определенные родовыми признаками), во-вторых, субъектным составом сторон (в качестве кредитора в кредитном договоре выступают банки и иные кредитные организации, в то время как товарный кредит может быть предоставлен любым лицом) и, в-третьих, тем, что товарный кредит в некоторых случаях может быть безвозмездным» [4, с. 154-155].

Под коммерческим кредитом, исходя из смысла ст. 823 ГК РФ, понимается «кредитование одного предприятия другим в виде аванса, предварительной оплаты, отсрочки и рассрочки оплаты товаров, работ или услуг. В отличие от предоставления займа коммерческое кредитование производится не по самостоятельному договору, а во исполнение обязательств по реализации товаров, выполнению работ или оказанию услуг. Коммерческий кредит может быть предоставлен покупателем продавцу в виде аванса или предварительной оплаты товаров либо, наоборот, продавцом покупателю путем предоставления отсрочки (рассрочки) оплаты приобретаемых товаров. Гражданским законодательством не предусматривается в качестве обязательного условия коммерческого кредита уплата заемщиком процентов» [2, с. 26-32].

Статья 3 Федерального закона № 353-ФЗ определяет потребительский кредит как денежные средства, предоставленные кредитором заемщику на основании кредитного договора, в т.ч. с использованием электронных средств платежа, в целях, не связанных с предпринимательской деятельностью [10], который также можно отнести к разновидности банковского кредита. Особым видом банковского кредита по праву считается образовательный кредит, который предоставляется банком или иной кредитной организацией гражданам, поступившим в организации, осуществляющие образовательную деятельность, для обучения [13].

В расширенном понимании к кредиту также относят [18, с. 53-58], согласно ст. 665-670 ГК РФ, финансовую аренду (лизинг), ст. 807-818 ГК РФ – заем, ст. 814 ГК РФ – целевой заем, ст. 824 ГК РФ – финансирование под уступку денежного требования (факторинг). Существуют также иные виды кредитов, например, в соответствии со ст. 93.2 БК РФ существуют бюджетные кредиты и согласно ст. 66 НК РФ – инвестиционный налоговый кредит. Кредиты, регулируемые иными нормами права, относятся к предмету преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ.

Заметим, что сфера действия ст. 159.1 УК РФ ограничена исключительно денежным кредитованием. Соответственно, гражданско-правовые отношения, связанные с выдачей товарного кредита и их охрана, не распространяются на данный состав. В данном утверждении единодушны практически все ученые. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что наиболее часто к уголовной ответственности по исследуемой статье привлекаются лица, получившие потребительский кредит или банковский кредит.

8. Следует установить, обратилось ли лицо за получением кредита, займа или ссуды. Диспозиция ст. 159.1 УК РФ прямо говорит о заключении кредитного договора. В соответствии со ст. 819, 820 ГК РФ, ст. 13 ФЗ «О банках и банковской деятельности» кредитование – это лицензированная деятельность банков и иных кредитных организаций (иных кредиторов) на условиях срочности и возмездности.

Регламентируемая федеральным законом № 151-ФЗ [8] деятельность кредитных потребительских кооперативов, микрофинансовых организаций, страховых организаций не подразумевает получение специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации, их отношения с гражданами являются отношениями займа. Отношения займа (ст. 807 ГК РФ) к кредитным не относятся. Указанные хозяйствующие субъекты не могут выступать в качестве «иной кредитной организации», и передаваемые ими в качестве займа денежные средства предметом данного деяния не являются.

В литературе встречаются мнения об отождествлении займа и кредита. В качестве аргумента высказывается обязательность на момент преступления выступать в качестве заемщика по отношению к кредитору (необязательно банку), т.е. наличие между заемщиком и кредитором заключенного договора (займа или кредита) [17, с. 7-20]. Другие утверждают, что договор займа, к которому относится и кредитный договор, считается заключенным с момента передачи денежных средств или вещей [19, с. 70-73].

Суды в отдельных случаях привлекают по ст. 159.1 УК РФ лиц, похитивших заемные денежные средства. Верховный Суд Российской Феде-

рации фактически же отграничил договор займа и кредитный договор, указав, что кредитором может являться только банк или иная кредитная организация, которая обладает правом заключения кредитного договора.

9. Устанавливается предмет хищения и размер ущерба. В исследуемой норме предметом хищения являются исключительно денежные средства. Согласно ст. 140 ГК РФ платежи могут быть осуществлены в форме безналичных или наличных расчетов. Отдельные авторы не поддерживали возможность отнесения к предмету посягательства по данному виду мошенничества электронных денежных средств [7, с. 42-46]. Пленум Верховного Суда РФ, разъясняя судебную практику по делам о мошенничестве, обозначил предмет этого преступления, а именно «безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства» (п. 5), «действия заемщика, состоящие в получении наличных и безналичных денежных средств (п. 13)» [12].

Устанавливая размер ущерба, следует разрешить, превышает ли стоимость похищенного две тысячи пятьсот рублей, иначе это хищение признается мелким и подлежит отнесению к ст. 7.27 КоАП РФ. Размер хищения важен и для установления квалифицирующих признаков по ч. 3 и ч. 4 ст. 159.1 УК РФ.

Кредит состоит из двух частей: собственно одобренная кредитором (полученная заемщиком) сумма денежных средств и проценты по кредитному договору. Поскольку преступный умысел мошенника направлен непосредственно на хищение запрашиваемых денежных средств, а не на проценты, то и предметом мошенничества кредит в целом не является. По недополученным процентам ущерб кредитору причиняется в виде упущенной выгоды. Однако с криминалистических позиций следует установить в том числе и сумму процентов по кредитному договору.

Также следует установить, в чью пользу были получены и обращены кредитные денежные средства. В частности, исходя из разъяснений высших судебных органов, похищенные денежные средства могут быть обращены «в свою пользу или в пользу третьих лиц».

10. Установить личность виновного (всех виновных) и сведения о нем (них). Нормой предусмотрено наличие специального субъекта – заемщика.

Из разъяснений высших судебных органов заемщиком может быть лицо: 1) обратившееся к кредитору с намерением получить кредит в виде денежных средств; 2) получающее кредит в виде денежных средств; 3) получившее кредит в виде денежных средств.

Несовершенство конструкции нормы сказывается на установлении и привлечении всех причастных

к данному виду хищения лиц к уголовной ответственности. Интересными представляются вопросы признания в качестве заемщика лица, которое обратилось к кредитору, но по каким-либо причинам не заключило кредитный договор. Например, на стадии проверки кредитной заявки и предоставления потенциальным заемщиком пакета необходимых документов будет установлен факт сообщения заведомо ложных и недостоверных сведений, и как следствие – отказ в одобрении кредита. Обратившееся лицо статус заемщика не приобрело, соответственно, вопрос о привлечении его к уголовной ответственности по данному составу полностью исключен.

11. Установить всех участников деяния. Данный вид мошенничества признается совершенным группой лиц по предварительному сговору в случае обладания статусом специального субъекта (заемщика) каждым членом группы. Ситуация привлечения виновных по признакам «совершенное группой лиц по предварительному сговору», «организованной группой» возможна, если все вместе они выступают созаемщиками.

Заемщик с целью облегчения совершения деяния, оказания информационной поддержки, предоставления поддельных документов, оказания иных услуг довольно часто вступает в преступный сговор с третьими лицами за вознаграждение. Нередко кредитные денежные средства фактически похищаются третьими лицами, которые обманом путем используют лиц в качестве заемщиков. В этом случае обману подвергаются потенциальный заемщик (прямой обман) и будущий кредитор (обман опосредованный). В случае наступления такой ситуации возникает ряд трудностей с установлением фактического похитителя и возможности привлечения его к уголовной ответственности.

Неустановленные лица, объединенные единым преступным умыслом незаконного обогащения и обращения в свою пользу денежных средств кредитора, приискали для совершения мошенничества лицо, испытывающее материальные трудности. Выбранное лицо, соучастники преступления использовали в качестве номинального заемщика при хищении денежных средств, принадлежащих Банку ВТБ. Соучастники преступления изготовили пакет подложных документов, содержащих недостоверную информацию о наличии трудоустройства и заработной платы заемщика, которые впоследствии С. использовал для оформления кредитного договора и получения денежных средств. С. после получения кредитных средств большую их часть передал неизвестным, оставив себе часть в качестве вознаграждения. С. был осужден судом по ч. 2 ст. 159.1 УК РФ – мошенничество в сфере кредитования, совершенное группой лиц по предварительному сговору, несмотря

на то, что соучастники деяния заемщиками не являлись [16].

Еще одним сложным вопросом является вопрос, связанный с возможностью привлечения лица посредством «института представительства». В случае если представитель заключает сделки от имени представляемого лица, то, соответственно, заемщиком автоматически признается представляемое лицо [1, с. 66-72]. В связи с многочисленными сложностями использования термина «заемщик» в литературе предлагается исключить из исследуемой нормы данное понятие, принимая во внимание вышеуказанный аргумент.

12. Обстоятельства, способствующие совершению данного вида мошенничества. Хищению кредитных средств мошенническим путем способствуют: соревнование банков в сфере кредитования,

отсутствие строгих проверочных процедур, слабая квалификация работников банка, короткие сроки принятия решений по заявке, в отдельных случаях сговор работников банков с мошенниками. Судебно-следственная практика констатирует, что «упрощенная система кредитования повлекла увеличение количества потребительских кредитов и, как следствие, активность в этом сегменте мошенников» [6, с. 4].

В обязательном порядке на первоначальном этапе расследования подлежат установлению следующие объективные и субъективные признаки состава преступления – предмет кредита, факт предоставления заведомо ложных и недостоверных сведений, наличие специального субъекта «заемщик» и в качестве потерпевшего «банк или иной кредитор», наличие изначального умысла на хищение кредитных денежных средств.

Литература

1. Акинина Н.Ю., Анисимов В.Ф., Чесноков М.В. Мошенничество в сфере кредитования: значение гражданского законодательства в толковании уголовно-правовой нормы // Банковское право. 2018. № 4. С. 66-72.
2. Гладких В.И. Некоторые вопросы квалификации и применения нормы об ответственности за незаконное получение кредита // Российский следователь. 2015. № 3. С. 26-32.
3. Домовец С.С. О некоторых способах мошенничества в сфере кредитования // Российский судья. 2018. № 8. С. 36-40.
4. Квалификация преступлений в сфере экономики: курс лекций / под общ. ред. проф. В.И. Гладких. М., 2014.
5. Кругликова О.В., Кузнецова С.М. Криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты производства предварительной проверки по сообщениям о мошенничествах: монография. Барнаул, 2016.
6. Кругликова О.В. Методика выявления и расследования мошенничеств, совершенных в сфере потребительского кредитования. Барнаул, 2011.
7. Нудель С.Л. Особенности квалификации мошенничества в сфере кредитования // Российский следователь. 2015. № 7. С. 42-46.
8. О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности [Электронный ресурс]: положение Банка России от 28 июня 2017 г. № 590-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. О потребительском кредите (займе) [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27 декабря 2013 г. № 353-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. О применении дисквалификации в качестве санкции за нарушение законодательства государственной регистрации [Электронный ресурс]: письмо Федеральной налоговой службы России от 13 сентября 2005 г. № ЧД-6-09/761@. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Постановление Центрального районного суда г. Волгограда о прекращении уголовного дела № 1-472/2019. URL: <http://судебныерешения.рф/47285062/extended> (дата обращения: 02.02.2020).
15. Приговор № 1-328/2018 от 4 июля 2018 г. по делу № 1-328/2018. Советский районный суд г. Красноярска (Красноярский край). URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 02.09.2020).
16. Приговор Приокского районного суда г. Нижнего Новгорода по делу № 1-38/2020 от 10.01.2020. URL: <http://судебныерешения.рф/47610479/extended> (дата обращения: 02.09.2020).

17. Семенчук В.В., Швец А.В. Проблемы квалификации мошенничества в кредитной сфере в свете последних изменений в уголовном законодательстве // Юридический мир. 2013. № 6. С. 7-20.
18. Скрипченко Н.Ю. Теоретические и практические аспекты квалификации мошенничества в сфере кредитования // Банковское право. 2017. № 5. С. 53-58.
19. Урда М., Шевелева С. Проблемы применения ст. 159.1 УК РФ // Уголовное право. 2013. № 6. С. 70-73.
20. Шеслер А.В. Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл // Уголовное право. 2013. № 2. С. 67-71.

УДК 343.131

Н.В. Арсенова, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: androsenkon@mail.ru;

Э.Х. Пашиева, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: P_elmira@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

В статье рассматриваются отдельные проблемы, возникающие в досудебном производстве, когда в качестве участника уголовного судопроизводства выступает иностранный гражданин. Поднятые авторами проблемы организационного и процессуального характера обусловлены определенными факторами, к которым, в частности, относится языковой барьер, личностные характеристики иностранца (национально-этнические, социальные и психологические). В этой связи назрела необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства в целях обеспечения полноценной реализации прав и законных интересов иностранных граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, с учетом положений международного законодательства, Конституции Российской Федерации. Авторами предлагается внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации с целью разрешения выявленных проблем правоприменения, а также даются рекомендации по организации расследования уголовных дел с участием иностранных граждан.

Ключевые слова: язык уголовного судопроизводства, иностранный гражданин, досудебное производство, переводчик, запрос о правовой помощи.

N.V. Arsenova, Candidate of Juridical Sciences

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: androsenkon@mail.ru;

E.Kh. Pashayeva, Candidate of Juridical Sciences

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: P_elmira@mail.ru

SOME PROBLEMS OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS INVOLVING FOREIGN CITIZENS

The article examines certain problems that arise in pre-trial proceedings when a foreign citizen acts as a participant in criminal proceedings. The problems of an organizational and procedural nature raised by the authors are due to certain factors, which, in particular, include the language barrier, personal characteristics of a foreigner (ethnically-national, social and psychological). In this regard, there is a need to improve the criminal procedural legislation in order to ensure the full realization of the rights and legitimate interests of foreign citizens involved in the sphere of criminal proceedings, taking into account the provisions of international legislation, the Constitution of the Russian Federation. The authors propose to amend the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in order to resolve the identified problems of law enforcement, and provides recommendations on organizing the investigation of criminal cases with the participation of foreign citizens.

Key words: language of the criminal proceedings, foreign citizen, pre-trial proceedings, interpreter, request for legal assistance.

Интеграция России в мировое сообщество, появление права свободно перемещаться и выбирать место жительства в соответствии с наилучшими условиями для жизни, а также возможность выбора работы независимо от национальной принадлежности и изначального государства проживания предопределили возможность нахождения на территории России иностранных граждан.

Иностранные граждане, так или иначе вступая в уголовно-процессуальные отношения, наделяются процессуальным статусом участника уголовного судопроизводства. Причем иностранный гражданин может выступать в качестве участника как со стороны обвинения (потерпевший), так и со стороны защиты (подозреваемый, обвиняемый). Кроме того, уголовно-процессуальное законодательство не содержит запрета для участия иностранца в качестве иных участников уголовного судопроизводства – специалиста, переводчика, законного представителя, адвоката [8, с. 919-923].

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) регламентирует отдельные особенности производства с участием иностранных граждан. Вместе с тем рассматриваемые положения законодательства не всегда толкуются и применяются единообразно, отдельные вопросы и вовсе не регламентированы. Все это негативно сказывается не только на процессе правоприменения, но и на обеспечении прав и законных интересов участников судопроизводства, что порождает ряд вопросов теоретического и практического характера.

Первая проблема, с которой сталкивается субъект уголовно-процессуальной юрисдикции в ходе производства по уголовному делу с участием иностранных граждан, – это незнание иностранным гражданином языка, на котором осуществляется отечественное уголовное судопроизводство.

Причем ч. 1 ст. 169 УПК РФ предписывает обязательное участие переводчика именно при производстве следственных действий с участием лица, не владеющего либо недостаточно владеющего языком, на котором ведется производство по уголовному делу. Одновременно УПК РФ предусматривает право на подачу лицом заявления о совершенном в отношении него преступлении либо о явке с повинной на языке, которым оно владеет. Это право вытекает из принципа языка уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 18 УПК РФ). Вместе с тем отечественный уголовно-процессуальный закон не содержит каких-либо нормативных требований об участии переводчика в рамках доследственной проверки с участием лиц, не владеющих языком, на котором осуществляется уголовное судопроизводство. Регламентируя права участников стадии возбуждения уголовного дела (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ), законодатель также не упоминает о праве лиц пользоваться услугами переводчика.

Анализ судебно-следственной практики свидетельствует о том, что привлекать переводчика при проверке сообщения о преступлении все же необходимо. Так, составление протокола явки с повинной в отсутствие переводчика, когда лицо не владеет языком уголовного судопроизводства, влечет признание полученного доказательства недопустимым [2]. Непривлечение переводчика в подобной ситуации суд расценивает как нарушение права лица на защиту.

Сомнение в том, что участник проверки сообщения о преступлении владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, может возникнуть впоследствии после подачи заявления. В таком случае, если есть основания полагать, что лицо в целом таковым языком владеет, в достаточной мере понимало смысл сделанного заявления, могло его прочитать или собственноручно написало протокол явки с повинной и иные материалы проверки сообщения о преступлении, то они могут быть признаны допустимыми доказательствами [5]. Учитывая, что судебная практика в данном вопросе может складываться неоднозначно, в случае наличия обоснованных сомнений необходимо пригласить переводчика [3, с. 17]. Это в полной мере относится ко всем процессуальным действиям, проводимым на стадии возбуждения уголовного дела с участием иностранных граждан и иных лиц, не владеющих (недостаточно владеющих) языком уголовного судопроизводства.

В этой связи нам представляется необходимым дополнить ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ правом участников стадии возбуждения уголовного дела пользоваться услугами переводчика. Также необходимо дополнить часть 3 ст. 59 УПК РФ правом переводчика знакомиться не только с протоколом следственных действий, в которых он принимает участие, но вообще со всеми процессуальными документами, в оформлении которых участвует переводчик.

В системе анализируемых вопросов нельзя обойти проблему, связанную с реализацией иностранными гражданами своих прав в случае их задержания по подозрению в совершении преступления. В таких ситуациях гражданину Российской Федерации, иностранному гражданину, а равно с ним лицу без гражданства действующим уголовно-процессуальным законодательством (в ч. 3 ст. 46, ч. 1 ст. 96 УПК РФ) гарантировано право на один телефонный разговор, что в целом согласуется с принципами международного права. В частности, пункт 1 принципа 16 «Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме» определяет, что «вскоре после ареста¹ либо каждого перевода в заключение лицо имеет право обратиться

¹ Слово «арест» означает акт задержания лица по подозрению в совершении какого-либо правонарушения или по решению какого-либо органа.

в компетентный орган с просьбой уведомить членов его семьи или других соответствующих лиц по его выбору о его аресте, задержании или заключении или же о переводе и о месте, в котором оно содержится» [6].

Обращает на себя внимание достаточно тонкий технический инструментарий, который законодатель использует в ч. 3 ст. 46 и ч. 1 ст. 96 УПК РФ посредством формулировки «один телефонный разговор», тем самым позволяя снять возможные проблемы на пути к преодолению причин, по которым осуществляемый абонентом звонок попросту может не состояться. В этом отношении российский законодатель занял верный курс, регулируя данный вопрос с точки зрения состоявшегося разговора. Однако определенную сложность в восприятии анализируемого положения вызывает содержащаяся в ч. 3 ст. 46 и ч. 1 ст. 96 УПК РФ оговорка о том, что телефонный разговор должен состояться не иначе как «на русском языке в присутствии дознавателя, следователя». Осмысление данного нормативного предписания приводит к выводу о том, что оно не согласуется с основными положениями Конституции РФ. Так, в ч. 1 ст. 19 Конституции закреплено: «Все равны перед законом и судом», а ч. 2 определяет, что «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения..., а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности».

Что же происходит в действительности? В силу невладения русским языком иностранный гражданин фактически лишается возможности реализовать свое право на телефонный звонок на ином языке, которым он владеет. По сути, то же самое произойдет и в том случае, если близкие родственники либо близкие лица задержанного иностранного гражданина или лица без гражданства не владеют языком, на котором в нашей стране ведется уголовное судопроизводство, они не смогут надлежащим образом быть уведомлены о факте его задержания. Очевидно, что складывающаяся ситуация диктует необходимость привлекать к участию переводчика, тем более что согласно ч. 2 ст. 18 УПК РФ участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим русским языком, должно быть разъяснено право в установленных законом случаях бесплатно пользоваться помощью переводчика. Однако здесь стоит оговориться, что ни один из перечисленных в упомянутом положении случаев (ч. 2 ст. 18 УПК РФ) не подразумевает участие переводчика с момента задержания иностранца или при реализации им права на телефонный разговор в целях уведомления о факте задержания. Квалифицированно законодатель

умалчивает о такой возможности и в ст. 169 УПК РФ, ограничиваясь ссылкой на случаи, перечисленные в ч. 2 ст. 18 УПК РФ, и предусматривая участие переводчика лишь при производстве следственных действий. Таким образом, анализируемые положения в системной взаимосвязи приводят к попиранию конституционных норм-принципов, установленных ст. 19 Конституции РФ, гарантирующих равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от каких-либо условий, а в равной степени нарушают гарантированное ст. 26 Конституции РФ право каждого на пользование родным языком и на выбор языка общения. В современных реалиях отсутствие знаний русского языка существенно ущемляет права задержанных иностранных граждан наряду с теми, кто таковыми знаниями владеет, а значит находится в более выгодном положении. Данные обстоятельства обуславливают необходимость внесения изменений в ч. 3 ст. 46 УПК РФ, которую предлагается изложить в следующей редакции: «В случае, предусмотренном п. 2 ч. 1 настоящей статьи, подозреваемому предоставляется право на один телефонный разговор на родном языке в присутствии переводчика, дознавателя, следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения, а дознаватель, следователь должен исполнить обязанности по уведомлению о задержании в соответствии со ст. 96 настоящего Кодекса».

Очевидно, что обозначенные нами предложения в условиях процессуального цейтнота невольно актуализируют проблему практики уголовного судопроизводства, связанную с дополнительными сложностями в организации поиска переводчика, что неизбежно повлечет за собой лишние временные затраты, а также организационно-технические трудности. Однако одно несомненно, что такой порядок будет соответствовать правовым гарантиям, установленным Конституцией РФ.

Незнание иностранным гражданином языка уголовного судопроизводства влечет также определенные сложности при производстве следственных действий с его участием.

В научной литературе высказывается точка зрения, что возможна и даже желательна ситуация, когда следственное действие (в частности, допрос) проводится следователем на иностранном языке, на котором желает давать показания иностранный гражданин, если следователь владеет этим языком [7, с. 30]. Одновременно сторонники данной позиции рекомендуют составлять на данном же языке и протокол допроса, а впоследствии с помощью приглашенного переводчика следует перевести протокол на язык судопроизводства и приобщить независимый перевод к делу.

Мы категорически не согласны с данной позицией, допускающей некий режим двойного статуса участника уголовного процесса. Более того, увлекшись моделированием возможной ситуации допроса в отсутствие переводчика, авторы упустили из вида важное законодательное предписание (п. 2 ч. 1 ст. 61 УПК РФ), которым исключается участие в уголовном деле одного и того же лица в качестве следователя и переводчика. Соответственно, не может являться основанием непривлечения переводчика к участию в следственном действии то обстоятельство, что следователь в достаточной степени владеет иностранным языком, на котором желает давать показания иностранец. Не спасет ситуацию рекомендация, связанная с приглашением переводчика после проведения допроса для организации осуществления независимого перевода. Думается, что такая процедура лишь обусловит дополнительные сложности, влияющие на оценку полноты и достоверности перевода. Недопустимо также составление протокола на иностранном языке, поскольку языком уголовного судопроизводства является исключительно русский язык либо государственный язык республик, входящих в состав Российской Федерации (ст. 18 УПК РФ).

Вместе с тем полагаем, знание следователем языка, которым владеет допрашиваемое лицо, может быть использовано в тактических целях для организации и планирования следственного действия. Так, по мнению Р.Ш. Богаткиной, в такой ситуации значительно упрощается общение с допрашиваемым, знание следователем иностранного языка способствует установлению психологического контакта, доверительных отношений [1]. Кроме того, свободное владение следователем иностранным языком поможет убедиться в компетентности переводчика либо, наоборот, способствует формированию убеждения о наличии оснований для отвода переводчика в связи с его некомпетентностью (ч. 2 ст. 69 УПК РФ).

Еще одним актуальным вопросом досудебного производства с участием иностранных граждан является обеспечение реализации прав иностранных граждан, наделенных в рамках производства по уголовному делу статусом потерпевшего (ст. 42 УПК РФ).

УПК РФ наделяет потерпевшего как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения определенными правами в ходе уголовного судопроизводства. Наличие прав у потерпевшего влечет обязанность следователя по принятию мер для их реализации. В случае, когда потерпевший, являющийся иностранным гражданином, в ходе досудебного производства убывает в страну, гражданином которой он является, на следователя возлагаются дополнительные обязанности по обеспечению его прав по уголовному делу.

С целью предоставления потерпевшему всех необходимых возможностей для защиты его интересов закон наделяет его правом знакомиться с отдельными материалами уголовного дела в ходе предварительного расследования (постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о назначении экспертизы, заключение эксперта и др.). Кроме того, потерпевший имеет право знать о предъявленном обвинении; знакомиться с поступившими по уголовному делу жалобами и представлениями, а также с ходом и результатами рассмотрения и разрешения поступивших жалоб (ст. 123-127 УПК РФ); знать о продлении срока предварительного следствия, прекращении уголовного дела, приостановлении производства по уголовному делу, окончании расследования (ч. 8 ст. 162, ч. 2 ст. 215, ч. 1 ст. 209, ч. 4 ст. 213 УПК РФ). По окончании предварительного расследования потерпевший имеет право знакомиться со всеми материалами уголовного дела.

Право на ознакомление потерпевшего, являющегося иностранным гражданином и убитого в стране проживания, с отдельными материалами уголовного дела может быть реализовано путем направления копий процессуальных документов потерпевшему по месту его жительства (нахождения).

В соответствии с ч. 2 ст. 215 УПК РФ следователь обязан уведомить потерпевшего об окончании предварительного следствия и разъяснить ему право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела и порядок его реализации, поскольку материалы уголовного дела будут ему предъявлены только в случае заявления им соответствующего ходатайства.

В случае, когда потерпевший отдален от места производства предварительного расследования, соответствующее уведомление следует ему своевременно направить почтовой связью, чтобы он мог воспользоваться правом на ознакомление с материалами уголовного дела.

Выполнение следователем указанных действий и наличие в материалах уголовных дел уведомлений с исходящим номером будут являться подтверждением того, что следователь сделал все возможное для реализации потерпевшим своих прав, особенно в тех ситуациях, когда потерпевший занимает пассивную позицию.

Таким образом, деятельность следователя по реализации прав потерпевшего, являющегося иностранным гражданином и убитым в стране проживания, в ходе расследования уголовного дела будет обеспечиваться надлежащим исполнением следующих обязанностей: признать при наличии достаточных оснований лицо, пострадавшее от преступления, потерпевшим по делу; разъяснить потерпевшему его права и обязанности; своевременно уведомлять потерпевшего о месте, дате и времени проведения про-

цессуальных действий с его участием; своевременно уведомлять потерпевшего о ходе и результатах предварительного расследования; предоставлять потерпевшему все необходимые возможности для реализации его прав.

Потерпевший, находящийся за пределами территории РФ, при необходимости производства процессуальных действий может быть вызван следователем на территорию РФ через ведомства, указанные в ч. 3 ст. 453 УПК РФ, однако следует учитывать, что для этого требуется согласие самого потерпевшего. В запросе о вызове указывается, в каком объеме вызываемому лицу будут возмещены расходы на проезд и проживание на территории России.

Если потерпевший, находящийся на территории иностранного государства, отказывается явиться по вызову лица, производящего расследование, следователь должен направить соответствующее международное поручение. К составлению поручения следует отнестись очень внимательно и поставить все необходимые вопросы, т.к. в случае, если какой-то вопрос в поручении не задан, то и ответ на него не будет дан.

Процедура направления запросов может занять много времени, поэтому в соответствии с Федераль-

ным законом «О ратификации Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам» допускается направление запроса по телексу, факсу, электронной почте или другому подобному виду связи, после чего запрос подтверждается письменным оригиналом [4].

Очевидно, что обозначенные нами отдельные проблемы не исчерпывают круг всех теоретических и практических проблем, возникающих в сфере уголовного судопроизводства с участием иностранных граждан. В каком бы процессуальном статусе не вступал в производство по уголовному делу иностранный гражданин, в отношении него в системной взаимосвязи должны действовать предусмотренные международными актами, Конституцией РФ и действующим уголовно-процессуальным законодательством процессуальные гарантии, необходимые для обеспечения полноценной реализации его прав и законных интересов.

Авторы выражают надежду, что поднятые в научной статье проблемы и сформулированные предложения невольно актуализируют проблему практики досудебного производства с участием иностранных граждан и дадут повод для дальнейшей научной дискуссии.

Литература

1. Богаткина Р.Ш. Уголовно-процессуальные особенности производства отдельных следственных действий с участием иностранных граждан и лиц без гражданства // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2 (24). С. 79-82.
2. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 18 апреля 2011 г. № 4-О11-57 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Козловский П.В. Использование в доказывании объяснений и протоколов явок с повинной, полученных в стадии возбуждения уголовного дела (методические рекомендации) // Законодательство и практика. 2012. № 2. С. 15-18.
4. О ратификации Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам [Электронный ресурс]: федеральный закон от 06.06.2019 № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Приговор Калининского районного суда № 1-737/2016 от 27 декабря 2016 г. по делу № 1-737/2016 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru>.
6. Свод принципов для защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме: утвержден резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 43/173 от 9 декабря 1988 г. // Правовые основы деятельности системы МВД России: сборник нормативных документов. М.: ИНФРА-М, 1996. Т. 2. 752 с.
7. Тарнаков О.Г., Джелали Т.И., Мирошниченко А.Ю. Организация взаимодействия следователей органов внутренних дел с правоохранительными органами зарубежных стран: методические рекомендации. Ростов-на-Дону: ФГОУ ВО РЮИ МВД России, 2019. 81 с.
8. Шестакова Т.Д. К вопросу об алгоритме действий следователя при производстве по уголовному делу с иностранным элементом // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 919-923.

УДК 343.137

Ю.В. Дерисhev, доктор юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
Сибирский юридический университет

E-mail: derishev.omsk@mail.ru;

В.С. Мокляк

аспирант Сибирского юридического университета

E-mail: moklyak_vadim@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОГО УЧАСТИЯ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Статья посвящена исследованию одной из проблем правового статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. В 2007 году в УПК РФ были внесены изменения, согласно которым лицу, в отношении которого ведется производство в порядке главы 51 УПК РФ, должно быть предоставлено право лично осуществлять принадлежащие ему и предусмотренные ст. 46 и 47 УПК РФ процессуальные права, если его психическое состояние позволяет ему осуществлять такие права. В ходе исследования авторами поддерживается гипотеза о возможном расширении сферы судебного контроля на производство о применении принудительных мер медицинского характера, в частности на решение вопроса о возможности (невозможности) участия больного в следственных действиях. Указанный тезис аргументирован, с одной стороны, необходимостью создания дополнительных процессуальных гарантий, с другой – исключением возможного произвола со стороны органов расследования.

Ключевые слова: особые производства в уголовном процессе, лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, следственные действия, процессуальные гарантии, судебный контроль.

Yu.V. Derishev, Doctor of Juridical Sciences, professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation

Siberian Law University

E-mail: derishev.omsk@mail.ru;

V.S. Moklyak

postgraduate student of Siberian Law University

E-mail: moklyak_vadim@mail.ru

PROBLEMS OF PERSONAL PARTICIPATION OF THE PERSON IN RELATION TO WHOM PROCEEDINGS ON THE APPLICATION OF COMPULSORY MEDICAL MEASURES ARE BEING CONDUCTED

This article is concerned with one of the problems of legal status of the person in relation to whom proceedings on the application of compulsory medical measures are being conducted. In 2007 the Constitutional Court of the Russian Federation adjudged such subject as a plenipotentiary participant in criminal case, who should be guaranteed with procedural rights without any restrictions. Therefore, relevant changes were implemented to the Russian Federation Code of Criminal Procedure, according to which, person under procedure as provided for in Clause 51 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure, should be provided with the right to exercise procedural rights provided for in Clause 46 and 47 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure, if his mental health lets him to exercise such rights.

At the same time, these legislative innovations have further aggravated the law-enforcement problem of the access (denial of access) of this person to active participation in the criminal process. The questions about the subject and the grounds for making a decision on the possibility or impossibility of a person to participate in the production of investigative and other procedural actions remain essential.

Key words: special proceedings in criminal proceedings, a person in relation to whom proceedings on the application of compulsory medical measures are being conducted, investigative actions, procedural guarantees, judicial control.

Общеизвестно, что регулятивная роль уголовного процесса, наряду с определением порядка производства по уголовному делу, заключается в точном определении правового статуса субъектов уголовно-процессуальных отношений, т.е. в установлении пределов их *должного и возможного поведения*.

По определению В.П. Божьева, субъект уголовного судопроизводства – это лицо, наделенное процессуальными правами и процессуальными обязанностями, вступающее в уголовно-процессуальные отношения с другими субъектами при реализации своих прав и исполнении обязанностей [5, с. 36-37]. Иными словами, субъект – это носитель прав и обязанностей, реализуемых в уголовном судопроизводстве. При этом полнота и точность определения понятия субъекта права является необходимой предпосылкой для реализации установленных в законе правил поведения [2, с. 595]. Необходимо к этому добавить и потребность в четком определении его процессуальных возможностей по защите своих прав и законных интересов в конкретной уголовно-процессуальной ситуации. При этом, как абсолютно справедливо отметил В.С. Шадрин, не права человека должны подгоняться под нужды расследования преступлений, уголовного процесса в целом, а, наоборот, уголовный процесс должен максимально соотноситься с правами человека [18, с. 18].

Кроме того, еще в 60-х гг. XX в. профессор М.С. Строгович общетеоретически определял субъективное право каждого как выраженные в норме и закрепленные в ней права: возможность пользования определенным социальным благом; полномочия совершать определенные действия и требовать соответствующие действия от других; свобода поведения, поступков в границах, установленных нормой права [17, с. 168]. Применительно к уголовному процессу это возможность лица полноправно участвовать и защищать свои законные интересы во всех процессуальных производствах.

Необходимо отметить, что в последние годы наблюдается повышенный научный интерес к проблемам производства о применении к лицу принудительных мер медицинского характера. Объясняется это тем, что данный особый порядок уголовного судопроизводства сопряжен с рядом принципиальных правоприменительных трудностей, возникающих при реализации субъективных прав и процессуальных возможностей лица, вовлеченного в процедуры уголовного процесса, но признанного невменяемым на момент совершения запрещенного уголовным законом деяния, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение.

По мнению М.Е. Смирновой, «основные особенности данного вида уголовного судопроизводства, а именно: обязательное производство судебно-психиатрической экспертизы, обязательное участие адвоката, законного представителя, специфический предмет доказывания – продиктованы необходимостью защиты прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, так как в правоприменительной практике наличие психического расстройства у лица нередко приводит к умалению или даже полному отрицанию его прав и законных интересов» [16, с. 57].

В связи с этим наиболее очевидной и актуальной остается проблема *личного участия лица* в производстве дела о применении принудительных мер медицинского характера и, в частности, в осуществлении следственных действий. При этом отдельные авторы считают, что личное участие лица, имеющего психические расстройства, в следственных действиях необходимо для обеспечения его прав и законных интересов [1, с. 8], т.е. выступает обязательной гарантией реализации его процессуальных возможностей.

Вместе с тем действующий УПК РФ не только не дает легального определения рассматриваемого лица и его правового статуса, не содержит он и самостоятельных норм, должным образом регламентирующих специфику порядка проведения следственных действий с участием лиц, страдающих психическими отклонениями, лишь декларируя данную возможность.

По справедливому замечанию О.В. Левченко и Е.В. Мищенко, «основная проблема касается отсутствия механизма реализации процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера». При этом, по мнению авторов, данное лицо обладает общим правовым статусом, как и любой гражданин Российской Федерации, и специальным правовым статусом в связи с наличием у него психического расстройства [11, с. 91-92].

Вместе с тем остаются принципиальные правоприменительные вопросы: как определить момент реального допуска невменяемого лица к процедурам уголовного судопроизводства; все ли они допустимы для него по состоянию психического здоровья; кто должен определять возможность и время допуска лица к производству. Это и породило серьезную научную дискуссию.

Так, Б.Б. Булатов (младший) считает, что лицо, в отношении которого осуществляется производство дела о применении принудительных мер медицинского характера, может быть вовлечено в производство любого следственного действия, если этому не препятствует его заболевание [3, с. 101].

Другие авторы допускают отдельные ограничения. Так, А.В. Сальников считает, что лица, страдающие психическими расстройствами, могут участвовать только в тех следственных действиях, которые не предполагают необходимость логически мыслить. К следственным действиям, предполагающим мыслительный процесс, автор относит допрос, проверку показаний на месте, следственный эксперимент, очную ставку [15, с. 12]. Аналогичную позицию занял А.И. Галаган, который утверждает, что психическое состояние лица, совершившего деяние, позволяет производство с его участием тех следственных действий, при выполнении которых не требуется активное проявление эмоциональных и волевых качеств такого лица, его разумных поступков [6, с. 29].

Исследуя данную проблему, П.С. Элькинд утверждала, что душевнобольной может быть допрошен, а также привлечен к производству отдельных следственных действий, если это возможно по состоянию его здоровья [20, с. 52-53], а Е.Е. Горленко также полагает, что невменяемые лица могут быть допрошены, а также привлечены для производства очных ставок [8, с. 29]. С этим нельзя не согласиться, учитывая, что очная ставка – это разновидность допроса, но одновременно и ранее допрошенных лиц.

Действительно, наличие психического недуга еще не свидетельствует о невозможности лица защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве. Как отмечает С.Н. Шишков, глубокое психическое расстройство в момент совершения общественно опасного деяния в силу ряда причин (кратковременность болезни, чередование болезненных приступов с ремиссиями т.п.) может уже через несколько дней значительно смягчиться или исчезнуть вовсе, так что невменяемое лицо, оказывается способным участвовать в производстве по делу. Соответственно, уголовно-процессуальная недееспособность может быть явлением непостоянным [19, с. 14].

Проведение следственных действий с участием лиц, имеющих отклонение в психическом здоровье, безусловно, окажет позитивное воздействие на поиск истины и обеспечит реализацию положений ст. 73 УПК РФ в плане всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела.

Вместе с тем безупречность и непрерываемость господствующей долгие годы правоприменительной позиции, исключающей уголовно-процессуальную недееспособность в случае объективного обнаружения у лица психического расстройства, были серьезно подорваны Постановлением Конституционного Суда РФ № 13-П от 20 ноября 2007 г., которое положило начало серьезной ревизии сложившихся представлений относительно личного участия данного лица в уголовном судопроизводстве.

Действительно, Конституционный Суд РФ в указанном постановлении признал лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, полноправным субъектом уголовно-процессуальных отношений, который может самостоятельно реализовывать принадлежащие ему процессуальные возможности [1].

При этом орган конституционного контроля обратил внимание на то, что лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, так же как подозреваемый и обвиняемый по уголовному делу, по существу, участвует в совершении деяния, запрещенного уголовным законом. Учитывая, что такое лицо является полноправным участником процесса, имеющим самостоятельный интерес в сфере уголовного судопроизводства, ему должны обеспечиваться равные с другими лицами, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, процессуальные права.

Кроме того, согласно предписаниям Конституционного Суда РФ основным фактором, определяющим предоставление лицу, в отношении которого ведется производство о применении мер медицинского характера, возможности самостоятельно отстаивать свои интересы посредством реализации процессуальных прав, является степень его психического состояния [1].

Вместе с тем данная позиция высшего органа конституционного контроля поставила отечественного законодателя перед сложнейшей проблемой, т.к. было достаточно очевидно, что реализация правовых возможностей личного участия лица, признанного душевнобольным, в уголовном судопроизводстве столкнется с большими правоприменительными сложностями. Скорее всего, этим и был вызван «зазор» в три долгих года между рассматриваемым постановлением и принятием Федерального закона от 29.11.2010 № 323-ФЗ, который внес соответствующие изменения в ст. 437 УПК РФ, регулирующие участие лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера [12].

Согласно ч. 1 откорректированной статьи УПК РФ лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, должно быть предоставлено право *лично осуществлять принадлежащие ему и предусмотренные ст. 46 и 47 УПК РФ процессуальные права, если его психическое состояние позволяет ему осуществлять такие права*. При этом учитываются заключение экспертов, участвующих в производстве судебно-психиатрической экспертизы, и при необходимости медицинское заключение медицинской организации,

оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Осознавая ограниченность личного участия лица в уголовно-процессуальном производстве, законодатель предложил широкие процессуальные возможности его законному представителю, который выступает своеобразным «дублером» основного субъекта. Так, законный представитель лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, привлекается к участию в уголовном деле на основании постановления следователя либо суда. При отсутствии близкого родственника законным представителем может быть признан орган опеки и попечительства.

Впечатляют *права законного представителя*, перечисленные в ч. 2 ст. 437 УПК РФ. Наряду с правом знать, в совершении какого деяния, запрещенного уголовным законом, уличается представляемое им лицо, законный представитель имеет возможность заявлять ходатайства и отводы; представлять доказательства; участвовать с разрешения следователя в следственных действиях, производимых по его ходатайству или ходатайству его защитника; знакомиться с протоколами следственных действий, в которых он принимал участие, и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в них записей; по окончании предварительного расследования знакомиться со всеми материалами уголовного дела, выписывать из него любые сведения и в любом объеме, в т.ч. с использованием технических средств, получать копию постановления о прекращении уголовного дела или направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера; участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела; обжаловать действия (бездействие) и решения следователя, прокурора и суда; получать копии обжалуемых решений; знать о принесенных по уголовному делу жалобах и представлениях и подавать на них возражения; участвовать в заседании судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций.

Вместе с тем *de jure* установлен постулат: лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, должно также реализовать свое право личного участия и в производстве всех следственных действий по уголовному делу при условии, что его психическое состояние не препятствует реализации им своих прав и позволяет адекватно воспринимать характер совершаемых с ним действий.

Действительно, лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, нередко по своему психическому состоянию *de facto* не может участвовать в производстве по уголовному делу ввиду того, что

нормальное функционирование его психики обременено временным расстройством. По этому поводу Европейский Суд по правам человека в одном из своих решений указал, что рассмотрение дела судом в отсутствие лица допустимо лишь при наличии особых обстоятельств, например имеют место признаки социально опасного поведения (агрессии) либо физическое или психическое состояние не позволяет ему предстать перед судом [9]. При этом агрессивное поведение сопровождается многими психическими заболеваниями и проявляется во враждебности, угрозах и нападениях, что неизбежно создает не только препятствие для нормальной деятельности органов предварительного следствия и суда, но и угрозу для окружающих. В связи с этим возникает ряд принципиальных вопросов: какой субъект уголовного судопроизводства, в рамках какой процедуры и на каких основаниях принимает процессуальное решение о допуске к участию или невозможности участия лица, страдающего психическим расстройством, в производстве по уголовному делу. Иными словами, каким образом определяется момент начала и окончания активного вовлечения лица в уголовное судопроизводство?

Большинство теоретических суждений исследователей данной проблемы так или иначе связаны с позицией по данному вопросу эксперта-психиатра, т.е. вопрос о личном участии лица, страдающего психическим заболеванием, в следственных действиях во многом зависит от выводов, сформулированных экспертом в судебно-психиатрическом исследовании или обследовании лица. Резюмируя изложенное, следует отметить, что решение данного вопроса находится в полной компетенции экспертных органов.

Так, А.И. Говрунова и В.Н. Курченко считают, что вопрос о возможности лично участвовать в следственных действиях и в судебном заседании должен ставиться на разрешение судебно-психиатрической экспертизы [7, с. 27; 10, с. 28]. Аналогично рассуждает М.Ш. Буфетова, отмечая, что вопрос об участии больного должен быть разрешен экспертами посредством психолого-психиатрического освидетельствования [4, с. 15].

Вместе с тем полагаем, что данная позиция, придавая особый статус заключению эксперта, практически игнорируют значимость усмотрения органов предварительного расследования или суда при решении указанного вопроса. Вполне очевидно, что вопрос участия душевнобольного в процессуальных действиях содержит в себе два аспекта: медицинский и юридический (правовой). *Медицинский аспект* связан со специальными познаниями в области психиатрии и медицины и состоит в констатации на основе проведенных исследований экспертом-психиатром способности больного осознавать информацию, за-

трагивающую его права и законные интересы, осознавать сущность и значение своего процессуального положения, а также руководить своими действиями при участии в производстве по уголовному делу, отдавать отчет его результатам. В свою очередь, *юридическая составляющая* состоит в принятии на основе фактических данных (материалов дела) законного и обоснованного процессуального решения о возможности (невозможности) личного участия лица, совершившего запрещённое уголовным законом деяние, в следственных (иных процессуальных) действиях. Именно данный вопрос с учетом традиционных правил господствующей теории доказывания подлежит детальному анализу и разрешению должностным лицом.

Безусловно, назначение и проведение судебно-психиатрической экспертизы по делам о применении к лицу принудительных мер медицинского характера являются неотъемлемой принадлежностью и особенностью данного вида уголовно-процессуальной деятельности. При этом следует иметь в виду, что заключение экспертизы не может иметь заранее установленной силы. Данное суждение полностью корреспондирует с правовой позицией Конституционного Суда, обозначенной в вышеизложенном постановлении от 20 ноября 2007 г. № 13-П. С учетом указанного полагаем, что, исследуя вопрос о допуске больных к участию в процессуальных действиях, следует применять общее правило оценки доказательств, в соответствии с которым все сведения оцениваются по внутреннему убеждению правоприменителя без предубежденности в выборе доказательств для использования в доказывании. При этом следователь (судья), принимающий решение о возможности (невозможности) участия лица в производстве, должен *лично убедиться*, что психически больной субъект по состоянию своего здоровья может (не может) вовлекаться в производство следственных действий, оценив при этом все имеющиеся доказательства, а также влияние его заболевания на восприятие окружающей обстановки и информации.

По сложившемуся в практике правоприменения порядку, который поддержан традиционной уголовно-процессуальной наукой, решение о возможности (невозможности) участия душевнобольного в силу своего психического заболевания должно принимать исключительно лицо, в производстве которого находится дело, т.е. следователь. Представляется, что на формирование такого суждения и практики повлияло положение ст. 404 УПК РСФСР, которое обязывало следователя составить протокол в случае невозможности участия лица в производстве следственного действия в силу своего психического состояния. Стоит заметить, что в нормах действующего УПК РФ данное положение отсутствует.

Следует признать, что порой органы предварительного следствия не вполне обоснованно лишают рассматриваемого субъекта возможности лично реализовывать принадлежащие и предусмотренные ст. 46-47 УПК РФ процессуальные права. При этом, как правило, следователь обосновывает свое решение, опираясь на результаты судебно-психиатрического исследования, которое *проводилось ранее*, что значительно влияет на объективность оценки реального состояния лица на момент вовлечения его в проведение следственного или иного процессуального действия. Вполне очевидно, что в этой ситуации и при любых иных попытках ограничить права и свободы лиц с отклонением психики роль прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля достаточно высока. Особенно в тех случаях, когда возникает правовой спор между сторонами о возможности (невозможности) личного участия привлекаемого к производству лица.

В связи с этим решение вышеобозначенных проблем, как представляется, лежит в том числе в сфере расширения возможностей *судебного контроля* в уголовном досудебном производстве. При этом допускаем, что в наиболее конфликтных правовых ситуациях вопрос о возможности (невозможности) участия лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, в производстве следственных действий должен быть предметом *специального судебного заседания* с обязательным участием защитника, законного представителя, следователя, прокурора, эксперта (врача-психиатра). На то есть еще ряд существенных аргументов.

1. Решение о невозможности участия больного в производстве по уголовному делу влечет за собой игнорирование не только основополагающих начал уголовного судопроизводства, но и ряда международных документов, регулирующих защиту прав человека и достоинства лиц с психическими недостатками. Так, в статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. в ее истолковании Европейский Суд по правам человека закрепляет право «обвиняемых», страдающих психическими расстройствами, на справедливое судебное разбирательство, необходимым элементом которого является гарантированная законом возможность личного и эффективного участия в судебном разбирательстве [12]. Таким образом, учитывая, что вопрос личного участия лежит в сфере реализации (нереализации) существенных прав, гарантированных данным лицам Конституцией Российской Федерации и нормами международного права, будет обоснованно и справедливо, а также логично в правовом смысле рассматривать и решать его в судебном порядке.

2. Применение особого порядка по делам данной категории обусловлено необходимостью предусмотреть дополнительные гарантии защиты прав лиц, имеющих психические недостатки и не способных вследствие этого руководить своими действиями и до конца осознавать их характер. Представляется, что рассмотрение вопроса об ограничении участия душевнобольного на досудебной стадии в рамках судебного заседания будет дополнительной процессуальной гарантией защиты прав лиц, совершивших запрещённое уголовным законом деяние в состоянии невменяемости либо которых душевное расстройство настигло в ходе уголовного судопроизводства.

3. Согласно предложенной законодателем классификации участников процесса, следователь относится к группе участников *со стороны обвинения*, которая не всегда заинтересована и мотивирована в личном участии душевнобольного на досудебном этапе уголовного судопроизводства. «Интересы» предварительного следствия порой с этим расходятся, т.е. следователь не может оставаться предельно беспристрастным при решении вопроса о допуске лица к уголовному судопроизводству. Данное обстоятельство чаще всего лежит в основе правового спора между сторонами, в связи с чем возникает объективная потребность в его разрешении с участием независимого арбитра, которым может выступить суд.

В рамках судебного заседания судья имеет объективную возможность в совокупности оценить

представленные сторонами доказательства о возможности (невозможности) участия больного в производстве по делу. При этом, как представляется, данное решение следует принимать в рамках процедур, предусмотренных главой 16 УПК РФ, регулирующих возможность обжалования действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

В связи с этим считаем целесообразным дополнить ст. 437 УПК РФ частью 4 следующего содержания:

4. При отказе лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, лично осуществлять принадлежащие ему и предусмотренные статьями 46 и 47 настоящего Кодекса процессуальные права следователь выносит постановление, которое может быть обжаловано законным представителем и (или) защитником данного лица в порядке ст. 123-125 УПК РФ.

Подводя итог настоящему исследованию, можно констатировать, что рассмотрение и разрешение вопроса об ограничении личного участия лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера посредством судебного контроля, безусловно, будут являться дополнительной процессуальной гарантией защиты прав и интересов этого лица, а также объективности и эффективности уголовного судопроизводства.

Литература

1. Бажукова Ж.А. Гарантии прав лица, в отношении которого осуществляется уголовное судопроизводство о применении принудительных мер медицинского характера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 23 с.
2. Божьев В.П. и др. Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002. 704 с.
3. Булатов Б.Б. Процессуальное положение лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 224 с.
4. Буфетова М.Ш. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. 23 с.
5. Вопросы общей части уголовного процесса. По законодательству СССР и других социалистических государств: учебное пособие / В.П. Божьев, Н.Е. Павлов. М., 1986. 80 с.
6. Галаган А.И. Особенность расследования органами внутренних дел общественно опасных деяний лиц, признаваемых невменяемыми. Киев, 1986. 84 с.
7. Говрунова А.И. Процессуальные права и законные интересы лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Общество и право. 2010. № 2 (29). С. 212-215.
8. Горленко Е.Е. Вопрос о возможности проведения следственных действий с участием лиц с психическими недостатками и о допустимости доказательств, полученных в результате таких следственных действий // Следователь. 2001. № 6. С. 29-32.
9. Дело «Романов (Romanov) против Российской Федерации» (жалоба № 63993/00) [Электронный ресурс]: постановление Европейского Суда по правам человека от 20 октября 2010 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Курченко В.Н. Применение принудительных мер медицинского характера. По результатам обобщения судебной практики Свердловской области // Уголовный процесс. 2008. № 7. С. 26-34.

11. Левченко О.В., Мищенко Е.В. Проблема правового статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Вестник ПАГС. 2012. URL: <http://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 10.04.2020).
12. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. О защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]: Конвенция от 4 ноября 2005 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2007 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Сальников А.В. Доказательственное значение следственных действий с участием лиц, страдающих психическими заболеваниями // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 3 (78). С. 9-14.
16. Смирнова М.Е. К вопросу о правовом регулировании процессуальных прав лиц, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Сибирский юридический вестник. 2010. № 1 (48). С. 57-61.
17. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966. 252 с.
18. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000. 230 с.
19. Шишков С.Н. Психические расстройства как обстоятельства, подлежащие доказыванию. Суд и нарушение закона. М.: Юрид. лит., 1982. 58 с.
20. Элькинд П.С. Расследование и судебное рассмотрение дел о невменяемых. М.: Госюриздат, 1959. 172 с.

УДК 343.985.5:343.72

С.В. Екимцев

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

E-mail: oruinst-ordowd@yandex.ru

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОШЕННИЧЕСТВА И ЕГО ВИДОВ

В настоящей статье рассматривается один из наиболее распространенных и проблемных для раскрытия составов имущественных преступлений, которым является мошенничество. Кроме этого, квалифицированные виды мошенничества обладают высоким уровнем латентности. Дана характеристика субъектов преступлений, чаще всего которыми выступают физические лица, достигшие возраста наступления уголовной ответственности, обладающие высокими умственными способностями и развитыми ораторскими навыками. Дается характеристика наиболее распространенным схемам мошеннических действий.

Рассмотрена оперативно-разыскная характеристика мошенничества, способы его совершения, которыми являются: завладение имуществом собственника или приобретение права на чужое имущество, основанное на обмане собственника имущества различными способами или на злоупотреблении доверием. Также дана характеристика потерпевших. Обращено внимание на такой элемент состава преступления, как время, которое влияет на тактику деятельности сотрудников органов внутренних дел по документированию мошенничества.

Ключевые слова: оперативно-разыскная характеристика, мошенничество, преступная схема, субъект преступления, способ мошенничества.

S.V. Ekimcev

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: oruinst-ordowd@yandex.ru

OPERATIONAL SEARCH CHARACTERISTIC OF FRAUD AND ITS KINDS

This article examines one of the most common and most problematic for the disclosure of the composition of property crimes today, which is fraud. In addition, qualified types of fraud have a high level of latency. The characteristics of the subjects of crimes are given, most often they are individuals who have reached the age of criminal responsibility, who have high mental abilities and developed oratorical skills. The characteristics of the most common schemes of fraudulent actions with the disclosure of the actions of persons committing crimes are given. The operational-search characteristics of fraud, the methods of its commission, which are: the seizure of the property of the owner or the acquisition of the right to someone else's property, based on deceiving the owner of the property in various ways or on the abuse of trust, is considered. The characteristics of the victims are also given. Attention is drawn to such an element of the corpus delicti as time, which affects the tactics of the activities of employees of the internal affairs bodies to document fraud.

Key words: operational search characteristics, fraud, criminal scheme, subject of crime, method of fraud.

Одним из наиболее распространенных на сегодняшний день составов имущественных преступлений является мошенничество. На практике данный состав преступления является одним из наиболее проблемных для раскрытия сотрудниками оперативных подразделений, поскольку именно мошенничество характеризуется наличием большого количества способов совершения, количество которых увеличивается ежегодно.

Следует заметить, что в настоящее время мошенничество, особенно его квалифицированные виды, обладает крайне высоким уровнем латентности. Огромное число фактов мошеннической деятельности остается за пределами статистических данных ввиду множества факторов. Например, такими факторами может являться убежденность потерпевшего в невозможности установления виновных лиц. Наибольшей латентностью на сегодняшний день обладает относительно новый вид мошенничества – в сфере букмекерской деятельности. Ставки на спорт стали неотъемлемой частью жизни большого числа представителей молодежи. Некоторые из них имеют возможность зарабатывать на этой деятельности, не занимаясь никаким иным видом работы. Желание быстрого и легкого заработка зачастую играет против потерпевшего. Гонимая за выигрышами, такая группа становится жертвами мошенничества. Организованные группы создают поддельные страницы в социальных сетях, некоторое время занимаются их пиаром, а потом предлагают доверчивым лицам покупку «100-процентных ставок», которые гарантированно позволят увеличить банк покупателя в несколько десятков раз за условную сумму в среднем 3-5 тысяч рублей. Лица несут материальный ущерб, передавая деньги мошенникам, а также осуществляя букмекерские операции по предполагаемым гарантированным событиям ставок.

Субъектами преступлений чаще всего выступают физические лица, достигшие возраста наступления уголовной ответственности, обладающие высокими умственными способностями и развитыми ораторскими навыками: для вхождения в доверие к жертвам преступления необходимо уметь грамотно строить речь, быть уверенным в разработанности схемы совершения преступления. Как правило, таким преступлениям всегда предшествует тщательная проработка и использование элементов маскировки, хотя иногда лицо действует в почти незапланированных условиях, например при возникновении умысла на совершение хищения у товарища или друга, который возникает случайно в процессе какой-либо совместной деятельности. В этой связи нередкими являются случаи совершения мошенничества в составе организованной группы либо группы лиц по предварительному сговору: совершение преступления в соста-

ве группировки с психологической точки зрения размывает рамки ответственности, делая одного частью группы; а с тактической точки зрения позволяет распределить ряд обязанностей, еще больше облегчив совершение преступления [1, с. 12-18].

В современной литературе в зависимости от роли субъектов в реализации преступных схем мошенничества выделяют следующих участников преступных групп:

- инициаторы преступной схемы – лица, у которых возник преступный замысел на создание и реализацию преступных схем обмана и завладения чужим имуществом и т.д. Они, как правило, являются основным центром распределения в организованной группе, прорабатывают отдельные детали, осуществляют разработку запасных планов, вариантов сокрытия факта совершения преступления и т.п. При этом такие лица зачастую в реализации своих планов принимают самое малое участие, координируя действия других действующих лиц;

- основные исполнители – лица, которые участвуют в непосредственном исполнении преступного замысла. При этом именно эти люди выполняют основную роль, вступая в контакт с потерпевшим и организуя процесс «обведения потерпевшего вокруг пальца». В зависимости от схемы такие лица выполняют роли продавцов, директоров, представителей и т.п. Именно эти лица чаще всего опознаются потерпевшим, ввиду чего ими предпринимаются меры для сокрытия личности, маскировки;

- второстепенные исполнители – лица, которые также занимаются реализацией преступного замысла, но в качестве лиц «второго плана». Чаще всего они лишь на мгновения контактируют с потерпевшим, но иногда их также удается опознать. Такие лица выполняют в преступной схеме роль водителей, ассистентов, грузчиков и т.п.

- «зиц-председатели» – участники преступных схем, которые стали активно привлекаться к противоправной деятельности в начале нулевых годов XXI в. Нужно заметить, что данные лица в большинстве случаев являются соучастниками преступления номинально. Это лица, имеющие нестабильный социальный статус (бомжи, алкоголики, наркоманы), дают злоумышленникам лишь свои «личности» за определенную плату, необходимую на удовлетворение элементарных нужд (выпить, поесть, поспать и т.д.). Взамен на плату данные личности вступают в преступные схемы в качестве руководителей подставных фирм, организаций и обществ, своим участием облегчая возможность «заметания» следов организаторами и исполнителями мошеннических схем [3].

При раскрытии указанных преступлений особое внимание необходимо обращать на такой элемент состава преступления, как время. Данный элемент рас-

крывается через несколько основных составляющих, таких как:

- время первой встречи потерпевшего и лиц, совершающих мошеннические действия: на этом этапе происходит знакомство с потерпевшим, установка его психологических особенностей, первые шаги по привлечению внимания потерпевшего. В составе группы воздействовать на потерпевшего гораздо проще за счет создания искусственных условий, разыгрывания определенных жизненных сцен. В рамках мошенничества с использованием служебного положения знакомство происходит либо по инициативе потерпевшего, приходящего к должностному лицу, либо вообще не происходит и осуществляется дистанционно;

- время заключения основных договоренностей: в данный период происходит окончательное получение доверия потерпевшего, он посвящается в нужные элементы осуществления схемы, оговариваются отдельные детали: сроки, суммы, доставка, гарантии и т.д.;

- время получения мошенниками материальной выгоды, услуг и т.д.: в это время происходит непосредственная передача предмета преступления преступным элементам и последующее сокрытие следов совершения преступлений. В отношении крупных и особо крупных сумм мошенничества чаще всего передача происходит посредством электронных платежей, меньшие суммы передаются наличными. Естественно, что и действия по сокрытию следов в разных случаях будут различаться. Зачастую деньги вкладываются в бизнес либо частями заносятся на счета и выводятся за пределы государства. В случаях, когда деятельность группы была недостаточно спланирована, злоумышленники распределяют вырученные ценности и самостоятельно решают вопрос о их дальнейшей судьбе. При использовании безналичного расчета деньги посредством совершения операций выводятся за рубеж либо вкладываются в фиктивные предприятия. При раскрытии таких преступлений также следует обращать внимание на то, что мошенники, воздействуя на несовершеннолетних и пожилых, зачастую стремятся осуществлять все контакты с жертвами в обход взрослых членов семьи: в моменты их отсутствия дома либо удаленно – через телефоны, социальные сети и т.д.

Что касается места совершения преступления, то необходимо понимать, что они будут также подразделяться на несколько групп, в зависимости от фаз времени совершения: место встречи (знакомства), место установления договоренностей, место передачи материальных ценностей. Зачастую данные места могут совпадать (например, при проведении периодических встреч в баре или парке), но иногда в целях обеспечения дополнительной безопасности мошен-

ники могут назначать различные места для встреч, исключая возможность запоминания моментов их частых встреч посторонними лицами (барменами, дворниками, официантами, соседями).

В настоящее время прослеживается однозначный список условий, которые способствуют совершению квалифицированного мошенничества в отношении отдельных категорий граждан [2]:

1. Необходимость потерпевшему получить определенные объекты материального мира (комплектующие, материалы и т.д.), которые он не имеет возможности получить из иных источников, кроме мошенников.

2. Необходимость потерпевшего к скорейшей продаже определенных объектов, например, ввиду их качества или срока годности.

3. Необходимость потерпевшему увеличить количество имеющихся средств в короткие сроки за счет вложения части капитала.

4. Определенные регионально-территориальные условия отдельных местностей – ценовой уровень, безработица и т.д.

Как отмечалось выше, существует множество различных способов совершения мошенничества, поэтому мы предлагаем классифицировать их на несколько групп:

1) способы мошеннического завладения имуществом собственника;

2) способы мошеннического приобретения права на чужое имущество;

3) способы, основанные на обмане собственника имущества;

4) способы, основанные на злоупотреблении доверием собственника имущества.

Считаем необходимым обозначить наиболее распространенные на сегодняшний день способы совершения мошенничества:

1. Продажа товарной «пустышки» – нередкими являются случаи, когда под видом реального товара мошенники продают пустые коробки либо дешевые предметы, замаскированные под более дорогие. Нередкими в следственной практике являются случаи, когда под видом коньяка продается смешанная водка с чаем, под видом Apple iPhone – пустые коробки либо дешевые китайские аналоги, которые крайне сложно изначально отличить от оригинала и т.д. [1].

2. «Фармазонство» – продажа жертвам преступления изделий из дешевых материалов под видом ювелирных украшений по соответствующей цене. Как правило, такие украшения создаются в несколько этапов. Сырье обрабатывается, из него изготавливаются детали будущего изделия (металл маскируется под золото или серебро, разноцветное стекло или дешевые кристаллические породы – под драгоценные камни и т.д.).

3. «Ломка» – обмен более мелких купюр на более крупные при покупках, при обмене валюты и т.д. Сюда же относятся мошеннические действия при покупках, когда за счет моторики рук и определенных приемов отвлечения внимания мошенникам удается обмануть продавцов, получив лишние купюры в качестве сдачи.

4. «Подкидка» или «Кукла» – в людном месте на пути следования граждан подбрасывается определенная сумма денег, например, в кошельке. Прохожий подбирает кошелек, рассматривает, появляется первый исполнитель мошеннической схемы и предлагает разделить найденное, что и происходит. В момент распределения денежных средств появляется «хозяин» кошелька и «сотрудник полиции», который предлагает один из 2 вариантов: подкупить самого сотрудника либо отправиться в отдел полиции и оформить соответствующие документы.

5. Шулерство – распространенный метод мошенничества при участии в азартных играх. Чаще всего за стол к заранее собранной команде добавляется будущий потерпевший. Ему дается возможность выиграть небольшую сумму «для затравки», после чего посредством обмана и командной игры всех остальных игроков жертву обыгрывают раз за разом, не давая возможности отыграться. Пользуясь азартными пристрастиями граждан, мошенники могут получать огромные средства, часть из которых зачастую записывается в долги.

6. Букмекерские ставки на спорт – характеристика схемы мошенничества дана выше.

7. Телефонное мошенничество – чаще всего такой способ практикуется мошенниками-одиночками, но существуют и крупные организации, занимающиеся данным «бизнесом». Существует 2 варианта: рассылка сообщений от родственников с просьбой перечислить определенную сумму срочно без объяснений; просьбой переслать реквизиты банковской карты со всеми кодами доступа, с последующим выводом средств с карты через приложения, не требующие подтверждения через мобильный банк. В связи с распространением коронавируса и режимом самоизоляции стал распространяться новый способ мошенничества – гражданам на телефоны делается массовая рассылка сообщений с текстом: «Через GPS сигнал по местоположению было установлено, что вы нарушили режим самоизоляции. В срок не позднее 14 дней просим оплатить штраф на номер, в противном случае в отношении вас будет возбуждено уголовное дело (или дело об административном правонарушении)».

8. «Лжеработодатели», «лжетурфирмы» – суть способа заключается в создании фирм-однодневок, которые максимально рекламируются в течение короткого промежутка времени, привлекают своими

выгодными условиями, а потом, получив максимальную сумму денег, бесследно исчезают.

9. Использование нейролингвистического программирования и гипноза – до конца не исследованное направление, которое многие из ученых называют лженаукой. Однако следственной практике известны случаи, когда после разговоров с группой лиц продавцы отдавали машины, ювелирные украшения и другие дорогостоящие товары по цене в 10, а иногда и в 100 раз дешевле рыночной и догадывались об этом лишь постфактум – когда оказывались у кассы, а мошенники уходили достаточно далеко, чтобы их не могли преследовать.

10. Экстрасенсорика – еще один спорный способ совершения мошенничества. Такие противоправные действия считаются недоказуемыми в криминалистической методике ввиду того, что зачастую факт мошенничества тщательно маскируется под оказание экстрасенсорных услуг, качество и наличие которых в принципе проверить никто не может. Особое внимание на этот вопрос обратили только в 2018 г., когда журналистом Борисом Соболевым было проведено тщательное расследование, в ходе которого удалось заполучить документальное подтверждение того, что сами экстрасенсорные фирмы не считают себя наделенными чем-то сверхъестественным, а просто играют на человеческих эмоциях. С этической точки зрения журналистское расследование вызвало шквал эмоций, однако с уголовно-правовой точки зрения это все еще не является деликтом.

11. Преступления, связанные с созданием финансовых пирамид, совершаются преступными группами с четким планом действий и разделением ролей между соучастниками. Криминальные действия в большинстве случаев носят межрегиональный характер.

Для реализации преступного замысла организаторами используются:

а) методики трансового наведения на принятие решения, выгодного мошенникам;

б) соответствующее оформление мест проведения и музыкальное сопровождение «бизнес-семинаров»;

в) использование психотропных средств, подмешиваемых в предлагаемые к употреблению напитки и т.д.

Организаторы мошенничеств в большинстве случаев становятся объектами оперативного внимания только после обращений в органы внутренних дел потерпевших от их деятельности.

Приведем в качестве примера деятельность так называемого информационного семинара. Как правило, семинары проводятся не менее двух раз в неделю. Граждане собираются путем распространения от имени «клуба» пригласительных билетов.

Руководители лично встречают приглашенных и предлагают ознакомиться с красочными рекламными проспектами «клуба».

Руководитель организации представляется, например, маркетинг-директором фактически не существующего 21-го филиала международного клуба социальных новаций «Спейс». Со ссылкой на «клубные правила», которых не существует, так же как и самого «клуба», заявляет, что наделен правом принимать от граждан денежные «взносы» и с выгодой для присутствующих распределять их.

По ходу семинара участникам раздают изготовленные типографским способом бланки конфиденциальных соглашений с «клубом», заявления и подтверждения о приеме в «клуб», которые создают у присутствующих иллюзию вступления в общественную организацию. По мере заполнения эти бланки с целью сокрытия следов преступления у граждан изымают.

По окончании семинара организаторы проводят с каждым из присутствующих персональные беседы, в ходе которых подтверждаются полномочия «маркетинг-директора».

Заведомо зная, что у многих граждан нет с собой крупной суммы, предлагается использовать для бы-

строго «заработка» заемные средства, после чего у доверчивых граждан принимаются любые денежные суммы под видом «залогов».

После очередных эпизодов продолжаемого хищения члены организованной преступной группы собирают потерпевших на «подготовительные семинары» и обучают их, как, демонстрируя бурную поддержку «клубной деятельности» и притворную радость от якобы достигнутых «в клубе» успехов, а фактически вводя в заблуждение, вовлекать туда своих знакомых. На многочисленные требования осознавших обман граждан о возврате денег организаторы отвечают, что это не предусмотрено «клубными правилами» и единственной возможностью возврата денежных средств остается приглашение «в клуб» все новых и новых лиц.

Таким образом, нами была рассмотрена оперативно-разыскная характеристика мошенничества и его видов. Данные составы преступлений имеют свои особенности при раскрытии, основная – наличие большого количества способов совершения – каждый день появляются и используются все новые и новые, что значительно затрудняет работу сотрудников оперативных подразделений и предопределяет весь ход предстоящей деятельности по раскрытию преступления.

Литература

1. Арутюнян Д.А., Рябова К.В. О современных тенденциях оптимизации досудебного производства в целях обеспечения доступа граждан к правосудию // Научный портал МВД России. 2016. № 1. С. 12-18.
2. Жданов А.Ю., Космодемьянская Е.Е., Суров О.А. Методики расследования корыстных и корыстно-насильственных преступлений: учебное пособие. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2010. 188 с.
3. Пупцева А.В. Особенности раскрытия и расследования преступлений против собственности: учебное пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2016. 80 с.

УДК 343.13

Е.С. Кудряшова

Нижегородская академия МВД России

E-mail: uvd95@yandex.ru

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ СМЕНЫ ПРИОРИТЕТОВ В ОЦЕНКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ

Статья посвящена одной из значимых проблем современного досудебного производства – повышению качества и эффективности органов предварительного расследования, в частности дознания. На примере анализа изменений в ведомственных нормативных правовых актах, касающихся системы оценки оперативно-служебной деятельности органов дознания, автором сделаны выводы о прямом воздействии принимаемых законодательных актов на реформирование критериев и показателей этой оценки. В настоящее время возникла потребность в смене приоритетов с количественных показателей на качественные. По мнению автора, важным шагом в решении этой проблемы станет оперативное разрешение дела органом дознания с принятием решения о его прекращении по нереабилитирующим основаниям на стадии предварительного расследования. Для этого предлагается наделить дополнительным полномочием начальника органа дознания и изменить внутриведомственные критерии оценки деятельности дознания.

Ключевые слова: оценка деятельности, органы дознания, прекращение уголовного дела, нереабилитирующие основания, начальник органа дознания.

E.S. Kudryashova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: uvd95@yandex.ru

FEASIBILITY OF CHANGING PRIORITIES IN THE EVALUATION OF THE ACTIVITIES OF INQUIRY BODIES

The article is devoted to one of the significant problems of modern pre-trial production – improving the quality and efficiency of preliminary investigation bodies, in particular, the inquiry. By the example of the analysis of changes in departmental regulatory legal acts, concerning the system of assessment of operative and service activity of bodies of inquiry, the author has drawn conclusions about the direct influence of adopted legislative acts on the reform of criteria and indicators of this assessment. At present, there is a need to change priorities from quantitative to qualitative indicators. According to the author, an important step in solving this problem will be the prompt resolution of the case by the body of inquiry, with the decision to terminate the case on nonrehabilitative grounds at the stage of preliminary investigation. To this end, it is proposed to give additional authority to the head of the body of inquiry and to change the intra-departmental criteria for evaluating the activity of the inquiry.

Key words: activity evaluation, bodies of inquiry, termination of criminal case, non-rehabilitative grounds, head of the body of inquiry.

С принятием нового УПК РФ 2001 г. назрела необходимость в изменении критериев оценки оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел. Разработанный и введенный в действие приказ МВД России от 23.11.2002 № 1150 [3] предполагал решение задач, связанных с повышением доверия граждан к сотрудникам правоохранительных органов, обеспечением гарантированной защиты прав и законных интересов граждан и организаций.

Суть изменений сводилась к смене приоритетов в оценке деятельности с нарастания количественных показателей в сторону улучшения качественных компонентов. Интегративные свойства каждого элемента в совокупности составляли целостную систему – оценку деятельности. Качественная составляющая выражалась уровнем удовлетворенности граждан всей работой правоохранительной системы и вкладом отдельного сотрудника в общий результат, готовностью граждан оказать содействие и поддержку правоохранителям.

Согласно этому приказу показателями законности в деятельности органов дознания стали: число прекращенных уголовных дел, оконченных дел с превышением сроков (свыше 15 суток), отмененных прокурором постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, а также число реабилитированных лиц по прекращенным уголовным делам.

Последующие нововведения, установленные ведомственными нормативными актами, исключали из системы оценки органов дознания показатели о количестве прекращенных уголовных дел и отмененных прокурором постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела [4].

Дальнейшие тенденции в механизме формирования оценки деятельности были направлены в сторону обращения к вневедомственным источникам социологической информации: уверенность граждан в защищенности своих интересов и удовлетворенность граждан теми мерами, которые предпринимались ОВД по их заявлениям и сообщениям о правонарушениях [1].

В то же время к имеющимся внутриведомственным критериям оценки органов дознания «Результат», «Качество», «Законность» добавился показатель «Профилактическая деятельность»: количество внесенных представлений по уголовным делам в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ; доля административных протоколов по ст. 17.7 КоАП РФ, составленных в случае невыполнения должностными лицами организаций представлений органов дознания.

Изменения в УПК РФ, связанные с введением дознания в сокращенной форме, а также реализация государственной программы РФ «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности

(2013-2020 годы)», обусловили и смену приоритетов в оценке деятельности [6].

В своем диссертационном исследовании мы провели анализ коррективов показателей деятельности органов предварительного расследования, внесенных новой версией этой программы [2, с. 106-111]. Кратко их суть заключается в следующем. Для решения задач по повышению качества и эффективности предварительного расследования необходимо было обратить пристальное внимание на такие показатели, как: число лиц, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности (отрицательный); удельный вес уголовных дел, возвращенных прокурорами для дополнительного расследования и (или) для пересоставления обвинительного заключения (акта, постановления) в числе направленных прокурору (отрицательный); удельный вес возмещенного ущерба от фактически причиненного по оконченным уголовным делам (положительный). Ежегодный отчет по реализации программы представлен на официальном сайте МВД России. В течение нескольких последующих лет результаты оказались иными: не только не достигали плановых показателей, которые должны были ежегодно улучшаться, но стали свидетельствовать об изменениях в худшую сторону.

Ежегодное недостижение плановых показателей и ожидаемый прогноз несоответствия намеченным данным послужили основанием для внесения изменений в новую версию программы, принятых постановлением Правительства РФ от 30.03.2018 № 366-13 [5]: плановые показатели по удельному весу возмещенного вреда от фактически причиненного органами предварительного расследования снижены в 2 раза для органов предварительного следствия, в 2,5-3 раза – для подразделений дознания, сведения о возвращенных из прокуратуры уголовных делах вообще отсутствовали.

Действующая в настоящее время оценка (положительная или отрицательная) подразделений дознания («Рейтинг») представлена неизменными критериями «Результат», «Качество» и «Законность», к которым добавлен новый компонент «Ущерб». Поскольку руководство МВД России рассматривает производство дознания в сокращенной форме как важное направление оперативно-служебной деятельности, выделен один из показателей критерия «Результат» – «удельный вес уголовных дел, направленных в суд в сокращенной форме, от общего числа направленных в суд». Разумеется, положительная оценка по этому показателю должна в перспективе улучшаться.

Мы согласны с мнением О.А. Поповой о том, что желание получить положительную оценку деятельности предопределяет позицию руководителей, а вслед за ними и исполнителей, реализующих производство по уголовным делам, на выполнение дей-

ствий, имеющих высокий вес для статистики. В результате сложилась ситуация, при которой статистические показатели являются первичными, а деятельность, для анализа которой она служит, вторична [7].

В стадии предварительного расследования становится очевидно, достаточно ли собрано доказательств, подтверждающих виновность лица в совершении конкретного преступления. Очень часто возникают ситуации при производстве дознания, при которых подозреваемый (обвиняемый) примирился с потерпевшим, признал свою вину, возместил вред, причиненный им вследствие совершения им преступного деяния и т.п. Таким образом, значительное число уголовных дел может подлежать прекращению по нереабилитирующему основанию. Однако правоприменительная практика сложилась таким образом, что уголовные дела частного или частно-публичного обвинения (и тем более публичного обвинения) при достаточных доказательствах, подтверждающих обвинение лица, дознавателем направляются в суд, а не прекращаются производством. Причина – стремление управомоченных должностных лиц органов предварительного расследования достичь положительной оценки своего подразделения, т.к. в противном случае к ним могут быть применены меры реагирования в рамках ведомственного контроля, в т.ч. и меры дисциплинарного воздействия.

Считаем следует внести изменения в ведомственные нормативные акты, в силу которых в целях улучшения отчетности не нужно будет дознавателям направлять такие уголовные дела в суд, а станет возможно прекращать их на стадии предварительного расследования. В ведомственной системе оценки положительным индикатором должен считаться показатель удельного веса уголовных дел, прекращенных производством в связи с признанием подозреваемым (обвиняемым) своей вины и полным возмещением причиненного вреда, деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим в связи с заглаживанием ущерба, от общего количества окончанных дел.

Оптимальным вариантом для окончания дознания независимо от его формы является принятие решения об освобождении от уголовной ответственности подозреваемого (обвиняемого), впервые со-

вершившего преступление небольшой или средней тяжести, в связи с возмещением ущерба или иным заглаживанием причиненного вреда, а также в связи с применением иного нереабилитирующего основания освобождения от уголовной ответственности, в т.ч. основание, закрепленное в ст. 25¹ УПК РФ.

Поэтому предлагаем внести изменения в УПК РФ в части, касающейся наделения руководителя органа дознания процессуальным полномочием прекращения уголовных дел. Мы считаем, что начальник органа дознания вместо утверждения обвинительного акта (постановления) вправе прекратить уголовное дело, если установлен факт возмещения ущерба в полном объеме или примирения сторон.

В основу прекращения должно быть положено не только признание вины подозреваемым (обвиняемым), но и возмещение причиненного ущерба. Уточним дополнительно, что наше предложение касается подозреваемых, обвиняемых, впервые совершивших преступление небольшой или средней тяжести; при получении письменного согласия потерпевшего и (или) его представителя; при разъяснении правовых последствий прекращения уголовного дела лицу, совершившему преступление.

Предлагаемое нами нововведение обуславливается следующими моментами. Во-первых, дознание как упрощенная форма предварительного расследования изначально рассматривалось в качестве альтернативы полноформатному предварительному следствию, как способ реализации уголовной ответственности, включая применение мер юридической ответственности. Во-вторых, возникла потребность общества в смене приоритетов деятельности органа дознания (повышение качества и эффективности дознания, введение категории «судебный штраф» и т.п.), поэтому прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию должно быть признано приоритетным способом разрешения бесспорного уголовного дела. В-третьих, благодаря оперативному разрешению уголовного дела на стадии предварительного расследования при оптимальном выборе средств и методов – следственных и иных процессуальных действий – могут быть быстрым образом достигнута цель и решены задачи уголовного судопроизводства.

Литература

1. Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности и органов предварительного расследования [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 19.01.2010 № 25 (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Кудряшова Е.С. Обеспечение качества дознания в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. 262 с.
3. О введении в действие систем оценки деятельности органов внутренних дел, отдельных подразделений криминальной милиции и милиции общественной безопасности, органов предварительного расследования

[Электронный ресурс]: приказ МВД России от 23 ноября 2002 г. № 1150 (прекратил действие). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об организации и проведении инспектирования и контрольных проверок деятельности органов внутренних дел [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 5 октября 2005 г. № 815 (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» (с изм. от 28.03.2019) [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345 (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Попова О.А. Оценка эффективности деятельности правоохранительных органов и качество расследования преступлений // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 75-78.

УДК 343.13

А.А. Лукьянова

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: lok_doc@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ЕСПЧ

Статья посвящена проблемам реализации права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе с учетом правовых позиций Европейского Суда по правам человека. Автором проанализирована существующая практика имплементации решений Европейского Суда по правам человека в национальную правовую систему, а также содержание отдельных обозначенных правоприменительных актов, касающихся существа гарантированного ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод права. Делается вывод о необходимости привести в соответствие ст. 1 УПК РФ и ст. 15, 79 Конституции РФ, а также необходимости нормативного урегулирования требования и порядка фиксации любых действий по ограничению права на свободу и личную неприкосновенность в ходе уголовного судопроизводства независимо от стадии и процессуального положения лица.

Ключевые слова: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Европейский Суд по правам человека, право на свободу и личную неприкосновенность, уголовный процесс.

A.A. Lukyanova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: lok_doc@mail.ru

PROBLEMS OF REALIZATION OF THE RIGHT TO LIBERTY AND SECURITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS: LEGAL POSITIONS OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

The article is devoted to the problems of the realization of the right to liberty and security of person in criminal proceedings, taking into account the legal positions of the European Court of Human Rights. The author analyzed the existing practice of the implementation of decisions of the European Court of Human Rights in the national legal system, as well as the content of certain designated law enforcement acts related to the essence of the guaranteed by Art. 5 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of Law. It is concluded that it is necessary to bring in accordance with Art. 1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Art. 15, 79 of the Constitution of the Russian Federation, as well as the need for regulatory regulation of the requirement and procedure for fixing any actions to limit the right to liberty and security of person in the course of criminal proceedings, regardless of the stage and procedural position of the person.

Key words: European Convention of Human Rights, European Court of Human Rights, right to liberty and security, criminal proceedings.

Со вступлением в силу в 2002 г. УПК РФ часть норм международного права вошла в систему уголовно-процессуального законодательства. Наряду со ст. 15 Конституции РФ, признавшей приоритет международного договора Российской Федерации над внутригосударственным правом, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ содержанием ст. 1 УПК РФ были отнесены к числу законов, определяющих порядок уголовного судопроизводства.

Если понятие «общепризнанные нормы и принципы» является относительным, т.е. без указания источника их закрепления, то понятие «международные договоры РФ» является более конкретным и подразумевает международные соглашения, заключенные Российской Федерацией с иностранными государствами либо международными организациями, а также договоры, в которых Российская Федерация выступает как правопреемник СССР [8].

Заметим, что международное право в области прав человека имеет явную гуманистическую и правозащитную тенденцию. Признавая необходимость придерживаться общепризнанных стандартов, Россия провозгласила права человека наиболее приоритетными и значимыми ценностями и уверенно следует по пути построения гражданского общества, когда личность во взаимоотношениях с государством наделяется все большей значимостью. Конституционные права, в основу которых среди прочего положен международный опыт, обладают всеобщим характером, универсальны по отношению ко всем отраслям права. К числу основных прав личности, закрепленных в Конституции РФ и конкретизированных в отраслевом уголовно-процессуальном законодательстве, относится право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ и ст. 10 УПК РФ).

Одним из основных источников международного права, вошедших в отечественную правовую систему, положения которого регулируют правоотношения в сфере реализации права на свободу и личную неприкосновенность, является Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1959 г. (далее – Конвенция), закрепившая в ст. 5 право каждого на свободу и личную неприкосновенность, а также предусмотревшая единственно допустимые случаи лишения данного права, а именно: законное задержание и законное заключение под стражу. В целом Конвенция, не раскрывая сущности, лишь декларировала искомое право, а также конкретизировала виды правоотношений, в рамках которых лицо может быть лишено указанного права либо ограничено в возможности его использования.

В большинстве своем из-за специфичной практики применения Конвенция остается одним из самых дискуссионных международных соглашений Рос-

сийской Федерации. Ратификация Россией 30 марта 1998 г. Конвенции обязала наше государство привести законодательство в соответствие с европейскими стандартами, признать *ipso facto* обязательную юрисдикцию Европейского Суда по правам человека (European Court of Human Rights, далее – ЕСПЧ) [9], в частности по всем вопросам, относящимся к толкованию и применению норм Конвенции.

Согласно официальной статистике ЕСПЧ, Российская Федерация на протяжении многих лет занимает лидирующее положение среди государств – ответчиков по делам с выявленными нарушениями ст. 5 Конвенции (в 2011 г. в отношении РФ выявлено 68 нарушений ст. 5, в 2012 г. – 64, в 2013 г. – 63, в 2014 г. – 56, в 2015 г. – 58, в 2016-2017 гг. – 322, в 2018 г. – 46, в 2019 г. – 90, а всего за период с 1959 по 2019 гг. – 1121). Нарушение права на свободу и личную неприкосновенность является главенствующим и по сравнению с нарушениями других статей Конвенции по делам с участием Российской Федерации (в 2011 г. – 56,2% из числа всех постановлений, по которым выявлено хотя бы одно нарушение, в 2012 г. – 52,5%, в 2013 г. – 52,9%, в 2014 г. – 45,9%, в 2015 г. – 53,2%, в 2016-2017 гг. – 44,09%, в 2019 г. – 48,4%, а всего за период с 1959 по 2019 гг. – 43,9%) [3]. Проанализировав указанную статистическую информацию, полагаем, что обеспечение права на свободу и личную неприкосновенность, по мнению ЕСПЧ, является одной из уязвимых сфер российской правовой системы.

В силу изложенного представляется, что наибольший интерес имеет вопрос определения не только места самой Конвенции в системе правового регулирования уголовно-процессуальных правоотношений, но и решений правозащитных органов (ЕСПЧ), которые содержат в себе интерпретации отдельных положений Конвенции, иными словами, раскрывают содержание закрепленного в указанном международном договоре права каждого на свободу и личную неприкосновенность через установленные факты правонарушений.

Как отмечалось выше, в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ в случае конфликта между законами РФ и нормами международного договора первенство принадлежит международному праву. Однако следует оговориться, что международные правозащитные органы, которые выносят решения – акты правоприменения, руководствуясь нормами международного права, таким образом толкуют указанные нормы и создают прецеденты. Обоснованно возникают два вопроса: обязательны ли такие акты для национальной правовой системы? Могут ли они являться источником уголовно-процессуального права?

Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 10.10.2005 № 5 разъяснил, что в системной

взаимосвязи с положениями Венской конвенции о праве международных договоров от 23.05.1969 в части толкования (учет последующей практики применения договора наряду с его контекстом) судам РФ необходимо учитывать практику Европейского Суда в вопросах толкования и применения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней. Вместе с тем нормы действующего законодательства не оговаривают, следует ли использовать решения указанного органа правосудия непосредственно в качестве источника права.

По мнению Я.С. Кожеурова, юридически обязательными для Российской Федерации являются решения ЕСПЧ по делам с участием России, что касается решений по делам против других государств, то они должны учитываться [4]. Справедливо на этот счет мнение Н.В. Витрука, он не отвергает включение Конвенции в правовую систему РФ, в т.ч. в правовой интерпретации ЕСПЧ, однако не в понимании правоприменительного акта, констатирующего факт нарушения права, а в части, содержащейся в решении ЕСПЧ правовой позиции [1]. По мнению В.Д. Зорькина, правовые позиции ЕСПЧ, излагаемые им при толковании Конвенции и Протоколов к ней, признаются Российской Федерацией как имеющие обязательный характер [2].

Принцип верховенства Конституции РФ был дополнительно подтвержден в постановлении Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 № 27-П. При рассмотрении жалобы К.А. Маркина суд установил, что постановления ЕСПЧ подлежат реализации, если их положения не противоречат Конституции РФ и позициям Конституционного Суда РФ [11]. Аналогичное мнение изложено и в Постановлении от 14.07.2015 № 21-П, в котором суд, рассматривая вопрос об имплементации решений ЕСПЧ, содержащих оценки национального законодательства, пришел к выводу, что такие постановления подлежат реализации в рамках российской правовой системы только при условии признания высшей юридической силы Конституции РФ [12].

Указанные выводы послужили поводом для внесения изменений в декабре 2015 г. в ФКЗ от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» [5]. Полномочия органа конституционного правосудия были дополнены «разрешением вопросов о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека». При этом в ст. 104.3 указанного ФКЗ, регламентирующей пределы проверки при рассмотрении дел, установлена необходимость проверки судом возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека в соответствии с Конституцией РФ [7]. К довершению всего в 2020 г. и ст. 79 Конституции РФ была дополнена импера-

тивным положением, согласно которому решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

Таким образом, при условии соблюдения принципа верховенства Конституции РФ решения ЕСПЧ и содержащиеся в них правовые позиции относительно толкования сущности права на свободу и личную неприкосновенность играют не второстепенную роль в урегулировании уголовно-процессуальных правоотношений. В связи с этим следует обратиться к содержанию отдельных правоприменительных актов, в частности, касающихся существования гарантированного ст. 5 Конвенции права и фактов, признанных ЕСПЧ нарушением искомого права.

Рассматривая жалобы о нарушении права, гарантированного ст. 5 Конвенции, ЕСПЧ прежде всего говорит о физической свободе личности [13], а для определения факта ограничения (лишения) права руководствуется правилом оценки конкретной ситуации, учитывая такие критерии, как характер, продолжительность, последствия и условия исполнения принудительной меры. «Лишение свободы и ограничение свободы отличаются друг от друга лишь степенью или интенсивностью, а не природой и сущностью», – так звучит позиция суда по делу «Амюур против Франции» [10, 15]. Лишение свободы допустимо лишь в случаях, во-первых, предусмотренных национальным законодательством, и во-вторых, *в соответствии с законом установленной процедурой* (курсив авт. – А.Л.).

Анализируя положения ч. 1 ст. 5 Конвенции, аргументированным представляется вывод о том, что под допустимыми способами лишения свободы следует понимать указанные в Конвенции только *законное задержание* или *законное заключение под стражу* (курсив авт. – А.Л.). Однако согласно п. 2 раздела I Руководства Европейского Суда по применению ст. 5 Конвенции лишение свободы не ограничивается классическими случаями заключения под стражу, а может принимать множество других форм [14, 25]. Таким образом, признаками лишения физической свободы могут обладать и принудительные действия должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность (например, при производстве обыска, осмотра места происшествия, допросе или получении объяснения, когда присутствие того или иного участника следственного или процессуального действия происходит против воли самого лица).

Изучение практики Европейского Суда позволяет определить основные нарушения гарантированного ст. 5 Конвенции права, допускаемые органами власти, наиболее существенным из которых является отсут-

ствие юридической фиксации начального момента или в целом факта лишения (ограничения) свободы – «недокументированное лишение свободы» (курсив авт. – А.Л.). В качестве примера уместно привести дело «Алексей Борисов против», когда заявитель настаивал на факте незаконного лишения (ограничения) права на свободу и личную неприкосновенность задолго до формального уголовно-процессуального задержания. По материалам дела 20.04.2004 в квартире А. Борисова сотрудниками правоохранительных органов был произведен обыск, в ходе которого заявитель оказал сопротивление и пытался сбежать, вследствие чего в целях усмирения к нему была применена сила и надеты наручники.

Впоследствии А. Борисов выбросился из окна, пытаясь сбежать, был госпитализирован и находился под охраной. Протокол задержания был составлен лишь 23.04.2004. Принимая во внимание правовую позицию, занятую по делу «Гудзарди против Италии»¹, и заявление А. Борисова о том, что он был лишен свободы с момента начала производства обыска, когда не мог свободно передвигаться, суд пришел к выводу о наличии не соответствующего п. 1 ст. 5 Конвенции факта ограничения свободы заявителя в период с 20 по 23 апреля, которое не являлось законным [18].

По делу «Овакимян против России» суд пришел к выводу о незаконном лишении (ограничении) свободы заявителя, протокол задержания которого был составлен в 20:55 07.09.2007. Верховным Судом РФ указанный факт был признан, а именно: в период с 15:00 до 20:55 (в т.ч. в 19:00 в период написания явки с повинной в отсутствие адвоката) в нарушение ст. 5 Конвенции и требований национального законодательства задержание заявителя не было надлежащим образом зафиксировано [23].

Любое лишение свободы должно быть надлежащим образом зарегистрировано, статус лица своевременно юридически оформлен. Отсутствие же протокола задержания (способа лишения свободы

в контексте ст. 5 Конвенции) должно само по себе рассматриваться как самое серьезное нарушение, поскольку негласное задержание лиц является полным отрицанием важных основополагающих гарантий, содержащихся в ст. 5 Конвенции, и представляет собой самое серьезное нарушение этого положения [22].

Отсутствие регистрации таких данных, как день, время и место задержания, имя задержанного, причины задержания и имя лица, осуществившего задержание, должно рассматриваться как несоответствие требованию законности и самой цели ст. 5 Конвенции [16, 17, 20, 24]. Отсутствие же любого подтверждения или документа в отношении лишения свободы лица может привести к потенциальной уязвимости лица не только в отношении произвольного вмешательства в его право на свободу, но также в отношении жестокого обращения [19, 21].

Исходя из вышеизложенного, учитывая значение в урегулировании уголовно-процессуальных правоотношений не только положений Европейской конвенции, но и решений ЕСПЧ, содержащих правовые позиции относительно толкования сущности права на свободу и личную неприкосновенность, определения допустимого и неоправданного ограничения искомого права, полагаем необходимым привести в соответствие нормы ст. 1 УПК РФ и ст. 15, 79 Конституции РФ, признав решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, не противоречащими Конституции РФ, составной частью российского законодательства, регулирующего уголовное судопроизводство. Кроме того, с целью обеспечения защиты личности и недопущения фактов «недокументированного лишения свободы» обоснованным видится вывод о необходимости нормативного урегулирования (путем дополнения ст. 10 УПК РФ) требования и порядка фиксации любых действий по ограничению права на свободу и личную неприкосновенность в ходе уголовного судопроизводства независимо от стадии и процессуального положения лица.

Литература

1. Витрук Н.В. О некоторых особенностях использования решений Европейского Суда по правам человека в практике Конституционного суда РФ и иных судов // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы: мат-лы VIII международного форума по конституционному правосудию. М.: Институт права и публичной политики, 2006. С. 183-192.

2. Зорькин В.Д. Конституционный суд России в европейском правовом поле // Журнал российского права. 2005. № 3. С. 7-8.

¹ Для определения того, находился ли человек в состоянии «лишения своей свободы» в соответствии с п. 1 ст. 5 Конвенции, нужно исходить из его конкретной ситуации и принимать во внимание совокупность таких критериев, как род, продолжительность, последствия и способ применения указанной меры. Между лишением и ограничением свободы разница заключается только в степени и интенсивности, а не в природе или сути.

3. Информация с официального сайта Европейского суда. URL: http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=reports&c=#n1347956587550_pointer.
4. Кожеуров Я.С. О Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Журнал международного частного права. 2004. № 1 (43).
5. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» [Электронный ресурс]: федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти [Электронный ресурс]: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О Конституционном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О международных договорах Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 № 27-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Постановление ЕСПЧ от 08.06.1976 по делу «Энгель и другие против Нидерландов». URL: <http://www.echr.coe.int>.
14. Постановление ЕСПЧ от 06.11.1980 по делу «Гудзарди против Италии». URL: <http://www.echr.coe.int>.
15. Постановление ЕСПЧ от 25.06.1996 по делу «Амюур против Франции». URL: <http://www.echr.coe.int>.
16. Постановление ЕСПЧ от 04.11.2010 по делу «Александр Соколов против России». URL: <http://www.echr.coe.int>.
17. Постановление ЕСПЧ от 18.09.2014 по делу «Рахимбердыев против России». URL: <http://www.echr.coe.int>.
18. Постановление ЕСПЧ от 16.07.2016 по делу «Алексей Борисов против России». URL: <http://www.echr.coe.int>.
19. Постановление ЕСПЧ от 08.10.2015 по делу «Фартушин против России». URL: <http://www.echr.coe.int>.
20. Постановление ЕСПЧ от 14.06.2016 по делу «Бирюлев и Шишкин против России». URL: <http://www.echr.coe.int>.
21. Постановление ЕСПЧ от 11.10.2016 по делу «Леонид Петров против России». URL: <http://www.echr.coe.int>.
22. Постановление ЕСПЧ от 14.02.2017 по делу «Денисенко против России». URL: <http://www.echr.coe.int>.
23. Постановление ЕСПЧ от 21.02.2017 по делу «Овакимян против России». URL: <http://www.echr.coe.int>.
24. Постановление ЕСПЧ от 26.06.2018 по делу «Фортальнов и другие против России». URL: <http://www.echr.coe.int>.
25. Руководство ЕСПЧ по применению ст. 5 Конвенции: Право на личную свободу и неприкосновенность. URL: <http://www.echr.coe.int>.

УДК 343.13:343.85

Р.А. Макаров

адъюнкт Омской академии МВД России

E-mail: rmakaroff84@mail.ru;

А.А. Кузнецов, канд. юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Омская академия МВД России

E-mail: omakrim55@mail.ru

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРОФИЛАКТИКА ХИЩЕНИЙ С БАНКОВСКИХ КАРТ, СОВЕРШАЕМЫХ ДИСТАНЦИОННО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ

Способы хищений с банковских карт, совершенных дистанционно с использованием средств сотовой связи, постоянно трансформируются, что способствует росту преступлений. Профилактическая деятельность следователя зачастую ограничивается внесением представлений, и это в современных реалиях не отвечает требованиям результативности предупредительных мер. Ключевая роль в организации профилактической работы отведена следователям, которые должны выступать инициаторами и координаторами профилактической работы. Своевременное выявление причин и условий, способствовавших совершению преступлений, определяет эффективность профилактической деятельности. В работе предлагаются меры реагирования следователя для выяснения и последующего устранения обстоятельств, способствующих совершению преступлений.

Ключевые слова: следователь, профилактика, предупреждение преступлений, хищение с использованием средств сотовой связи, мошенничество.

R.A. Makarov

postgraduate student of Omsk Academy of the Ministry of the Interior
of Russia

E-mail: rmakaroff84@mail.ru;

A.A. Kuznetsov, Candidate of Juridical Sciences, professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: omakrim55@mail.ru

INVESTIGATIVE PREVENTION OF REMOTE THEFT AND FRAUD CAUTION FULFILLED THROUGH THE MOBILE AND ELECTRONIC BANK CARDS

The methods of theft from bank cards, committed remotely using cellular means, are constantly transformed, leading to an increase of crimes. The investigator's preventive activities are often limited to making representations that don't meet the requirements of the preventive measures effectiveness in modern realities. Investigators, who are the initiators and coordinators of preventive work, have a key role to play in the organization of preventive work. The timely identification of the causes and conditions that contributed to the commission of crimes determines the effectiveness of prevention activities. The investigator's response measures to clarify and subsequently eliminate the circumstances conducive to the commission of crimes are offered in the article.

Key words: investigator, prevention, crime prevention, theft using cellular means, fraud.

Следственная профилактика является неотъемлемой частью предварительного следствия, а ее эффективность – это гарант стабильной криминогенной обстановки в стране и обществе. Рост хищений с расчетных счетов банковских карт (далее – банковских карт), совершенных дистанционно с использованием средств сотовой связи, свидетельствует о том, что меры, предпринимаемые органами предварительного следствия, недостаточны. Следственная профилактика наряду с экспертно-криминалистической входит в структуру криминалистической профилактики [9, с. 139]. Одним из первых советских ученых-криминалистов, затронувших в своих трудах вопросы профилактики, был В.И. Громов, который рассматривал предупреждение преступлений как одно из направлений деятельности органов следствия и дознания в плане решения задачи создания общества, в котором не будет совершаться преступлений [4, с. 6]. В свою очередь, Г.Н. Александров подчеркивал, что криминалистика не может быть полноценной наукой, если она не будет заниматься предупреждением преступлений [1, с. 28]. Ряд ученых-криминалистов в своих трудах уделяли криминалистической профилактике в системе криминалистики более глобальное значение. В том числе необходимо отметить труды таких зарубежных ученых, как Я. Ван Дейк, Р. Уайт [10, 11].

В.П. Колмаков считал, что в криминалистике должны быть самостоятельный раздел «Криминалистическая профилактика» и своя частная теория криминалистической профилактики, где должны разрабатываться теоретические вопросы и средства предупреждения и предотвращения преступлений различного рода (вида), позволяющие выявлять, исследовать и устранять причины и условия, способствующие совершению преступлений, а также предупреждать готовящиеся и начавшиеся преступления [6, с. 107].

В.Ф. Зудин одним из первых создал фундаментальную работу, где рассмотрел вопросы предупреждения преступлений средствами и методами криминалистики, раскрыл место криминалистического предупреждения в системе социальной профилактики [5].

Таким образом, на протяжении длительного времени ученые-криминалисты вели дискуссии по вопросам криминалистической профилактики, ее значения и места в системе криминалистики. М.Ш. Махтаев отмечает, что имеющиеся публикации в части криминалистической профилактики в большей своей степени рассматривают теоретические вопросы предупреждения преступлений. С практической точки зрения сложившаяся ситуация по криминалистическому предупреждению в лучшую сторону не меняется. Для активизации и совершенствования профилактической деятельности следователя требуются

научные рекомендации, в которых бы показывались именно новые возможные приемы, средства, развивались новые взгляды и идеи на организацию такой деятельности в современных условиях [7, с. 123-125].

В контексте применения следственной профилактики хищений с банковских карт, совершаемых дистанционно с использованием средств сотовой связи, уместно будет говорить не только о частном случае – внесении представлений, но и о комплексных мероприятиях, проводимых с иными подразделениями органов внутренних дел и заинтересованными организациями.

Как свидетельствует практика, основным процессуальным средством профилактики, которое применяет следователь, было и остается представление об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Кроме этого, следователь может использовать предупредительные меры, обращаясь через средства массовой информации (Интернет) к гражданам с целью разъяснения законодательства, мер защиты населения от наиболее распространенных способов совершения преступления. Подобная информация может доводиться до сведения соответствующих руководителей государственных, коммерческих организаций. В то же время, как показывает следственная практика, не всегда применение указанных мер профилактики оказывает влияние на уровень совершения преступлений.

Так, в 2011 г. на всей территории Курганской области были выявлены единичные случаи хищений с банковских карт, совершенных дистанционно с использованием средств сотовой связи, а в 2014 г. только на территории города Кургана было возбуждено более 1200 уголовных дел о хищениях данной категории¹. Или другой пример, ежемесячно в городе Кургане совершается под предлогом «Сын попал в ДТП» от 1 до 5 преступлений, однако с марта по май и с сентября по ноябрь уровень преступлений увеличивается и составляет от 10 до 15 возбужденных уголовных дел ежемесячно². По нашему мнению, одна из причин роста совершения преступлений – это недостаточная эффективность мер профилактического воздействия. Однократное применение отдельных мер профилактики зачастую носит точечный характер, т.е. оказывает воздействие на малую часть большой «системы причин и условий», которые способствуют совершению преступлений.

¹ Статистические сведения ИЦ УМВД России по Курганской области 2011-2019 гг.

² Практические материалы деятельности отдела по расследованию мошенничеств, совершенных с использованием средств сотовой связи, СУ УМВД России по г. Кургану, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019 гг.

Повсеместное использование банковских карт, безналичных расчетов, электронных кошельков, виртуальных счетов, оплаты услуг и товаров посредством использования личных кабинетов в сети Интернет стало неотъемлемой частью нашей жизни и вошло в обыденность, при этом вопросам безопасности использования указанных услуг со стороны организаций, их предоставляющих, а также граждан, их использующих, уделяется недостаточное внимание. Основная цель организаций, предоставляющих услуги по хранению, переводам, оплате и иному обращению денежных средств, – это получение прибыли, при этом вопросы безопасности уходят на второй план, а при более массовом использовании некоторых услуг и инструментов, например банковских карт, вопросам безопасности практически не уделяется внимания. Как известно, злоумышленники постоянно отслеживают услуги, которые предоставляет банковский сектор, а также возможности, которыми обладают современные технические устройства и сеть, и изобретают новые схемы хищений денежных средств граждан.

Назовем наиболее типичные способы хищений с банковских карт, совершаемые дистанционно с использованием средств сотовой связи:

1. Звонки от имени банковских организаций, операторов связи: «Ваша карта заблокирована», «С вашей карты несанкционированная транзакция», «Ваш абонентский номер заблокирован».

2. Звонки от имени государственных структур: «Вам положена социальная выплата», «Вы стали жертвой мошенников, распространяющих лекарственные средства».

3. Звонки от имени родственников, друзей, знакомых: «Мама, я попал в ДТП», «Мама, я стал участником драки», «Мама, переведи мне денежные средства, я все объясню позже».

4. Звонки от имени работодателя: «Чтобы устроиться на работу, необходимо внести деньги либо что-то купить».

5. Покупка, продажа товаров через сеть Интернет (частные объявления) под легендой: «Мне необходим номер Вашей банковской карты и цифры с оборотной стороны, чтобы перевести Вам деньги».

6. Звонки в коммерческие и государственные организации от имени начальника вышестоящей организации либо от имени организаций, осуществляющих контроль за деятельностью, под легендой: «К Вам едет проверка, необходимо сделать следующее».

При использовании СМС-сообщений характерной особенностью хищений с банковских карт, совершаемых дистанционно с использованием средств сотовой связи, является единая преступная схема, которой пользуются злоумышленники: на мобильный телефон потерпевшего с незнакомого ему но-

мера поступает СМС-сообщение о том, что его банковская карта заблокирована либо с банковской карты осуществляется несанкционированная транзакция. Введенный в заблуждение пострадавший перезванивает на абонентский номер, указанный в СМС-сообщении, ему отвечает злоумышленник, который представляется сотрудником банка либо иной организации. Преступник, используя банковскую терминологию, сообщает пострадавшему, что для предотвращения несанкционированных действий необходимо проследовать к ближайшему банкомату и выполнить ряд операций либо, используя сотовый телефон, выполнить определенные действия. Далее пострадавший, действуя согласно указаниям так называемого «сотрудника банка» либо иного лица, не подозревая о факте мошеннических действий в отношении него, передает информацию о своей банковской карте: номер карты, срок ее действия и код с оборотной стороны карты, либо помещает принадлежащую ему банковскую карту в картридер банкомата и, следуя указаниям так называемого «сотрудника банка», совершает операции по переводу денежных средств с лицевого счета своей банковской карты на лицевые счета, принадлежащие злоумышленнику либо третьим лицам. Подобные преступления совершаются путем манипулирования сознанием граждан, последние будучи введенными в заблуждение, сами способствуют совершению в отношении них преступлений, и профилактика должна быть направлена в первую очередь на защиту граждан от преступных посягательств.

В своей работе М.Ш. Махтаев констатирует, что именно в методиках расследования отдельных видов преступлений профилактическая функция криминалистики реализуется путем применения взаимосвязанных групп криминалистических и профилактических мер технического, тактического и методического характера. Все это вызывает необходимость разработки криминалистических проблем предупреждения преступлений в частных методиках [8, с. 129]. В методике расследования мошенничества, как правило, данные вопросы не рассматриваются.

Для выработки направлений следственной профилактики по делам рассматриваемой категории следует обратить внимание на два очень важных аспекта, характеризующих механизм преступления:

А. Дистанционный способ совершения мошенничества, т.е. злоумышленник и пострадавший территориально находятся в разных местах, зачастую в различных субъектах РФ, что исключает непосредственный визуальный контакт преступника и его жертвы.

Б. Злоумышленник при совершении преступлений использует мобильные устройства, сим-карты, банковские карты, личные кабинеты, электронные

кошельки, иные технические средства и предметы, которые оформлены на несуществующих либо третьих лиц, не причастных к совершению преступления (полученные в результате утраты, продажи, передачи сим-карт, банковских карт, личной информации третьим лицам и т.п.).

При этом обращает на себя внимание тот факт, что распространению хищений с банковских карт, совершенных дистанционно с использованием средств сотовой связи, способствуют:

1. Низкий уровень финансовой грамотности, а именно отсутствие у граждан необходимых знаний об услугах, предоставляемых банковским сектором и операторами сотовой связи (пострадавшие владеют минимальными знаниями о том, из каких структур государственных и коммерческих организаций им могут позвонить, по каким вопросам и какую информацию представители таких организаций могут и вправе затребовать).

2. Беспрепятственная возможность приобретения «серых» сим-карт, банковских карт, оформленных на третьих лиц, а также существующая практика регистрации электронных средств платежа (электронный кошелек) на вымышленных либо третьих лиц.

Указанные обстоятельства с учетом слабого законодательного регулирования (фактического отсутствия какой-либо реальной ответственности за незаконную продажу и приобретение сим-карт, банковских карт) приводят к постоянному росту и видоизменению способов хищений с банковских карт, совершенных дистанционно с использованием средств сотовой связи.

В целях предотвращения совершения подобных преступлений предлагается ряд мероприятий. Так, С.М. Белозерцев выделяет три основных направления профилактического воздействия:

1. Со статистической точки зрения рост преступлений можно нивелировать за счет отсылки материалов уголовного дела в тот регион, где фактически преступление было окончено.

2. Активное взаимодействие правоохранительных органов разных субъектов.

3. Проведение активных профилактических мероприятий с населением и банками.

Кроме того, автором совершенно справедливо подчеркивается организационный аспект проблемы, который заключается в том, что в органах внутренних дел, где криминогенная ситуация по регистрации указанного вида преступлений неблагоприятная, очень неохотно осуществляется взаимодействие с сотрудниками правоохранительных органов иных субъектов РФ, касающихся в том числе и вопросов профилактики [3, с. 12].

Более традиционно предлагают действовать Т.В. Астишина и Е.В. Маркелова, которые считают,

что меры профилактического характера должны приниматься по результатам проведенного расследования путем внесения представлений. Также они предлагают проводить комплекс профилактических мероприятий, направленных на проведение разъяснительной работы, которая включает в себя: выступление перед населением в средствах массовой информации, оформление наглядных стендов и размещение плакатов [2, с. 97]. Считаем, что проведение такой работы может приносить положительный результат, если она носит системный характер. В то же время практика свидетельствует, что даже с учетом проведения разъяснительной работы с населением эффективность такой профилактики не всегда находится на должном уровне. В связи с этим представляется, что применение предупредительных мер из арсенала следственной профилактики должно быть направлено на снижение совершенных преступлений, а не на количественную составляющую применения профилактических мер.

Неотъемлемой и очень важной составляющей следственной профилактики выступают представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений. Рассмотрим их с точки зрения эффективности.

В соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ следователь, установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона. Формирование и внесение представления – это так называемый «логический итог» расследования уголовного дела, который носит характер констатации негативных обстоятельств, причин и условий, способствовавших совершению преступления, что, по нашему мнению, является неверной позицией, позицией «догоняющего».

Исходя из смысла ч. 2 ст. 158 УПК РФ, для того чтобы в дальнейшем предотвратить какое-либо преступление, сначала оно должно быть совершено, а затем в ходе расследования следователь выявит обстоятельства, которые способствуют его совершению и внесет представление, тем самым окажет профилактическое воздействие на совершение аналогичных преступлений. Если один из элементов криминалистической характеристики (время, место, способ совершения и сокрытия) будет изменен, то мы будем иметь новое преступление, не аналогичное предыдущему, обстоятельства совершения которого по смыслу уже не будут охватываться направленным ранее представлением. Таким образом, этот процесс может быть бесконечен, и органы внутренних дел в лице следателя всегда будут в роли «догоняющего», в

роли лица, которое констатирует негативные обстоятельства уже по факту совершенного деяния, которые раз за разом способствуют совершению новых преступлений. При таком подходе выполнение требований ч. 2 ст. 158 УПК РФ неэффективно и не приводит ни к каким значимым результатам, поскольку не влияет на криминогенную обстановку.

Законодатель факт внесения представления об услаивании наличием конкретного уголовного дела. Как известно, не каждое правонарушение квалифицируется как уголовно наказуемое преступление. По аналогичным обстоятельствам совершенного деяния (за исключением суммы причиненного ущерба) мы будем иметь, с одной стороны, уголовно наказуемое преступление, а с другой стороны, административное правонарушение и, как итог, в лучшем случае привлечение к административной ответственности, а в худшем – вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (так называемое отказное производство при истечении двухмесячных сроков привлечения к административной ответственности).

В своей работе М.Ш. Махтаев так пишет об эффективности применения представлений: «Эффективность этого средства во многом зависит от того, насколько выявленные профилактически значимые данные информативны и как тщательно в них проанализированы выявленные причины и условия, способствовавшие совершению преступления и выделены те из них, которые подлежат немедленному, а другие последующему устранению именно адресатом представления» [10, с. 88]. Мы разделяем точку зрения автора. Необходимо отметить, что в ходе расследования хищений, совершенных с использованием средств сотовой связи, выявляется огромное количество причин и условий, которые способствуют совершению преступлений, и рамками простого представления их охватить невозможно.

Таким образом, подход, который был применим к следственной профилактике ранее, при введении нормы статьи (ч. 2 ст. 158 УПК РФ) в будущем требует изменений.

Для эффективного применения методов следственной профилактики, выступающих в качестве предупредительных мер приготовления, покушения и совершения преступлений, необходимо четко понимать, визуализировать и моделировать результат, который должен быть получен после их проведения. Для этого потребуются постановка целей, которых необходимо достигнуть, задач, которые необходимо выполнить, и главное – необходимо иметь достаточное количество информации, сил и средств для того, чтобы качественно провести все необходимые мероприятия. Правоохранительные органы должны создать «готовый продукт» в виде профилактической программы с учетом потребностей, интересов, на ко-

торые он будет направлен, а также с учетом целей и задач, выполняемых органами внутренних дел.

Подобные профилактические программы должны содержать отдельные виды предупредительных мер реагирования для устранения обстоятельств, способствующих совершению преступлений:

1. Оперативное совещание. Оценка эффективности межведомственного взаимодействия по предупреждению хищений с банковских карт, совершенных с использованием средств сотовой связи, с участием ОВД, прокуратуры, государственных и муниципальных органов власти, Управления федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, представителей: ПАО «Сбербанк России», ООО «Т2- Мобайл», ООО «Екатеринбург-2000», ПАО «Мегафон», ПАО «Вымпелком», ПАО «МТС», дилеров, действующих от лица операторов связи. По результатам совещания в адрес каждой организации направляется решение с предложением выполнения определенных мероприятий.

2. Для повышения уровня финансовой грамотности населения необходимо:

2.1) проведение разъяснительной работы с гражданами с вручением памяток по предупреждению хищений с банковских карт, совершаемых с использованием средств сотовой связи: «Как не стать жертвой мошенников!»;

- выступление перед учащимися с доведением информационных материалов профилактического характера: «Как не стать жертвой преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий»;

- проведение разъяснительной работы с представителями (работниками) социальных служб региона;

2.2) направление в банковские учреждения, в ФГУП «Почта России» информации (памятки, листовки) профилактического характера для распространения среди клиентов указанных организаций;

2.3) направление в единые расчетные центры требований о нанесении на оборотную сторону квитанций (расчетов), выпускаемых едиными расчетными центрами, информации профилактического характера;

2.4) направление в ПАО «Сбербанк России», ПАО Банк «ВТБ», ПАО «Почта Банк», ПАО «Банк "ФК Открытие"», ПАО «Совкомбанк», АО «Альфа-Банк», АО «Тинькофф», АО «ОТП Банк», АО «Банк Русский Стандарт» предложений об информировании населения, являющегося клиентами банковских организаций, по средствам СМС-сообщений, «личных кабинетов», иной электронной рассылки о том, как не стать жертвой преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий;

2.5) направление в Единый расчетный центр, Многофункциональный центр по предоставлению государственных и муниципальных услуг, в иные крупные государственные и коммерческие организации (вокзалы, аэропорты, рынки) предложений об информировании клиентов указанных учреждений путем аудио- (голосового) видеооповещения (телевизионные ролики) о том, как не стать жертвой преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий;

2.6) освещение в средствах массовой информации (телевидение, радио, печатные издания, Интернет) профилактической информации о способах совершения дистанционных хищений, о мерах предосторожности.

3. Проведение отдельных профилактических мероприятий:

3.1) профилактическое мероприятие «Сим-карта», направленное на выявление лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью по распространению сим-карт операторов сотовой связи без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии); выявление фактов заключения договоров об оказании услуг подвижной радиотелефонной связи неуполномоченными лицами; выявление фактов невыполнения предусмотренных законом требований лицами, действующими от имени операторов сотовой связи, путем документирования противоправной деятельности лиц, осуществляющих указанные неправомерные действия;

3.2) профилактическое мероприятие «Банковская карта», направленное на выявление лиц, занимающихся незаконной предпринимательской деятельностью по распространению банковских карт, в т.ч. через сеть Интернет.

4. Проведение рейдов совместно с операторами связи. Цель – выявление лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью по распространению сим-карт операторов сотовой связи без государственной регистрации или без специального раз-

решения (лицензии); выявление фактов заключения договоров об оказании услуг подвижной радиотелефонной связи неуполномоченными лицами; выявление фактов невыполнения предусмотренных законом требований лицами, действующими от имени операторов сотовой связи.

5. Направление информации в адреса операторов связи о фактах неправомерной продажи сим-карт с нарушением Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» (без оформления соответствующих документов, неуполномоченными лицами и т.п.) согласно сведениям, полученным от граждан в ходе рассмотрения административных правонарушений, заявлений и жалоб граждан в адрес начальников отделов полиции.

6. Внесение представлений. На постоянной основе внесение в коммерческие и банковские организации, операторам связи, дилерам обоснованных обобщенных представлений об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступлений.

Предлагаемые программы направлены на профилактику хищений с банковских карт и должны основываться на информации о способах совершения хищений в конкретном регионе, а также обстоятельствах, которые способствуют их совершению.

Особое место в системе профилактической деятельности следователя должно быть отведено проведению мероприятий, направленных на повышение уровня финансовой грамотности граждан, поскольку в основе каждого оконченного хищения, совершенного с банковской карты, находится недостаточная осведомленность граждан о способах совершения хищений и мерах предосторожности.

Для активизации и совершенствования профилактической деятельности следователя, требуются на постоянной основе разрабатывать, применять и совершенствовать предлагаемые меры следственной профилактики. Координатором профилактической деятельности должен выступать следователь.

Литература

1. Александров Г.Н. Совершенствование методов расследования – в центре внимания советской криминалистики // Социалистическая законность. 1948. № 2. С. 28.
2. Астишина Т.В., Маркелова Е.В. Проблемы расследования преступлений, связанных с мошенническими действиями, совершенными с использованием средств сотовой телефонной связи // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 2 (16). С. 94-98.
3. Белозерцев С.М. Профилактика мошенничеств с использованием мобильных устройств и банковских карт в Иркутской области: проблемы и пути их решения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 4 (75). С. 13-19.
4. Громов В.И. Дознание и предварительное следствие. М., 1926.
5. Зудин В.Ф. Социальная профилактика преступлений. Криминологические и криминалистические проблемы. Саратов, 1983.
6. Колмаков В.П. Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений // Советское государство и право. 1961. № 12. С. 107.

7. Махтаев М.Ш., Яблоков Н.П. Криминалистическая профилактика: история становления, современные проблемы: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 288 с.
8. Махтаев М.Ш. Теория криминалистического предупреждения преступлений: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 176 с.
9. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. М.: Юристъ, 2005. 781 с.
10. Van Dijk J., J de Waard A Two-Dimensional Typology of Crime Prevention Projects: with a bibliography // Criminal Justice Abstracts. 1991. Vol. 23.
11. White R. The Business of Youth Crime Prevention // Crime Prevention in Australia: Issues in Policy and Research / P. O Malley, A. Sutton (eds). Sydney: The Federation Press, 1997. 169 p.

Гражданско-правовые отношения

УДК 347.922

Ю.В. Анохин, доктор юрид. наук, профессор
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: anohinuv@buiimvd.ru;

А.С. Селиванов
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: selivanov@buiimvd.ru

О РАЗУМНОСТИ СРОКА ОСТАВЛЕНИЯ ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ БЕЗ ДВИЖЕНИЯ

Статья посвящена анализу отдельных изменений гражданского процессуального законодательства, регулирующих право суда на оставление искового заявления без движения.

Изученные новеллы указывают на актуальность строгой и последовательной регламентации отношений, служащих основанием к возбуждению гражданского судопроизводства. Авторами изложены спорные аспекты регулирования названных отношений, сформулированы конкретные предложения по изменению действующего законодательства, которые находятся в системной взаимосвязи с уже произведенными дополнениями, процессуальными отношениями в последующих инстанциях гражданского судопроизводства и общими положениями, устанавливающими государственно-правовой механизм обеспечения защиты прав.

Ключевые слова: иск, гражданский процесс, стадия гражданского процесса, Гражданский процессуальный кодекс.

Yu. V. Anokhin, Doctor of Juridical Sciences, professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: anohinuv@buiimvd.ru;

A. S. Selivanov
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: selivanov@buiimvd.ru

ON THE REASONABLENESS OF THE TERM FOR SUSPENSION OF A STATEMENT OF CLAIM

The article is devoted to the analysis of certain changes in civil procedural legislation governing the right of the court to leave a complaint without action. The article notes the significant place of relations, the purpose of which is to begin the process of civil proceedings. The new rules studied indicate the relevance of strict and consistent regulation of relations as a basis for initiating civil proceedings. Analysis of the results of the law enforcement practice of the courts of general jurisdiction in civil cases, complements and confirms the theoretical reasoning of the authors of the study. The authors set out controversial aspects of the regulation of these relations, formulated concrete proposals for amending the existing legislation, which are in systematic relationship with the additions already made, procedural relations in subsequent instances of civil proceedings and general provisions establishing a state legal mechanism for ensuring the protection of rights.

Key words: claim, civil process, stage of civil procedure, civil procedure code.

Лицо, обращающееся в суд с просьбой о защите, задействует государственно-правовой механизм обеспечения прав, свобод и законных интересов, рассчитывая на судебную власть в решении возникшего конфликта. Любое нарушение прав противоречит требованиям Конституции РФ, в соответствии с которыми защита прав и свобод человека и гражданина относится к основам конституционного строя.

Первоочередная обязанность государства по отношению к своим гражданам состоит в том, чтобы обеспечить их безопасное существование, оградить от посягательств на права и свободы. Только на этой основе возможно создание подлинного правового комфорта личности, придание нового качества правам российского гражданина и их гарантиям [1, с. 20].

Поэтому государственная, в т.ч. судебная, защита прав и свобод человека и гражданина является важнейшей и эффективной в системе обеспечительных, гарантирующих права мер.

Реформы процессуального законодательства в последние годы серьезно преобразили форму судопроизводства по гражданским делам. Вносимые дополнения и изменения в научных кругах именуются не иначе как «процессуальная революция» [8, 10].

В качестве базовых направлений проводимых реформ можно выделить следующие:

- упрощение, ускорение процесса;
- разгрузка судов;
- унификация процессуального законодательства;
- симметричное внесение дополнений в действующие процессуальные кодексы.

Полагаем, что к радикальным реформам и перестройкам следует относиться с осторожностью. История имеет массу примеров очевидно негативных последствий. Вместе с тем статика в регуляции общественных отношений также недопустима.

Значительные изменения в Гражданский процессуальный кодекс (далее – ГПК РФ) были внесены Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ. Не перечисляя множество отдельных новелл, рассмотрим, каким корректировкам подверглась статья 136 ГПК РФ, которая наделяет суд правом реализовать процессуальное действие по оставлению поданного искового заявления без движения.

Какой правке подверглась нынешняя редакция статьи и как новые положения соотносятся с функцией обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина?

1. Из статьи исключен термин, определяющий срок, предоставляемый судом на исправление недостатков иска, как «разумный». Теперь судья указывает на основания для оставления искового заявления без движения и срок на устранение обстоятельств, послуживших основанием для оставления искового заявления без движения.

2. Суд поставлен во временные рамки, требующие направлять истцу копию определения об оставлении искового заявления без движения не позднее следующего дня после дня его вынесения.

3. Техничко-юридическим образом закреплена связь со ст. 135 ГПК РФ, предоставляющей возможность вернуть оставленный без движения иск и прилагаемые к нему документы, если истец не устранил в срок обстоятельства, изложенные в качестве оснований для оставления без движения.

4. Исключено право обжаловать действия суда по оставлению искового заявления без движения.

Все указанные изменения в их системной взаимосвязи так или иначе затрагивают центральную категорию – срок оставления искового заявления без движения, от его продолжительности напрямую зависит перспектива защиты прав и доступность правосудия.

Термин «разумный срок» с точки зрения его правовой природы характерен для материальных правоотношений. Так, разумный срок исполнения обязательства – это отрезок времени, необходимый для реализации должником действий, предусмотренных содержанием обязательства. Как урегулировано в п. 2 ст. 314 ГК РФ, если срок не регламентирован ни соглашением сторон, ни законодательством, то обязательство по общему правилу должно исполняться не позднее 7 дней с момента представления соответствующего кредиторского требования.

Уверены, столь сжатые сроки неприменимы в гражданском процессе. Они не позволят в большинстве случаев соблюсти основные принципы гражданского судопроизводства.

Как процессуальная категория разумный срок появился относительно недавно. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» [4] было указано: в соответствии с п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [2], являющейся в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ составной частью правовой системы РФ, каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

В 2010 году в целях реализации положений Конвенции был принят Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [3]. Процессуальное законодательство дополнилось принципом разумного срока применительно к длительности

судопроизводства и исполнения судебного постановления. С учетом этого были скорректированы нормы всех процессуальных кодексов.

Стоит отметить, что ст. 107 ГПК РФ не претерпела изменений и обязывает суд при установлении срока учитывать принцип разумности.

Полагаем, что характеристика разумного срока, устанавливаемого судом при оставлении заявления без движения, упрямлена из ст. 136 ГПК РФ, т.к. следует различать принцип разумного срока судопроизводства и разумного срока исполнения судебного постановления, который имеет больше общего с материальным правом на компенсацию, и любой другой процессуальный срок, устанавливаемый судом с учетом принципа разумности.

Тогда не вполне понятно, почему не были изменены ст. 323 ГПК РФ – оставление апелляционных жалобы, представления без движения, ст. 378.2 ГПК РФ – оставление кассационных жалобы, представления без движения. Они содержат прежние формулировки с использованием категории «разумный срок», в течение которого лицо, подавшее жалобу, представление, должно устранить обстоятельства, послужившие основанием для оставления жалобы, представления без движения. Полагаем, что и совершаемые процессуальные действия, и сроки, устанавливаемые судом в силу решаемых задач на этапе принятия заявления (жалобы), тождественны и предполагают единообразие в правовой регламентации и терминологии. Требуется внесение симметричных изменений в указанные статьи.

Вызывает практический интерес и продолжительность устанавливаемых сроков.

Так, определением Десногорского городского суда заявление по делу № 9-86/2020 от 31.08.2020 было оставлено без движения, а истцу предоставлен срок до 15.09.2020 для устранения следующих недостатков: оплатить госпошлину либо представить документ, подтверждающий право на получение льготы по уплате государственной пошлины; представить оригинал расписки от 27.06.2020; указать цену иска; конкретизировать просительную часть иска с указанием конкретных сумм, подлежащих взысканию [5]. Согласны, двухнедельного срока более чем достаточно для совершения указанных действий, но указанные недостатки не были устранены в данном случае, а иск был возвращен.

Определением Замоскворецкого районного суда города Москвы № М-6482/2020 от 15.04.2020 исковое заявление о взыскании денежных средств оставлено без движения до 22 мая 2020 г. (более месяца) для предоставления истцом документов [6].

Действительно, невозможно строго учесть и регламентировать срок для устранения отдельных нарушений, добавим ко времени «почтовый пробег»

письма, и срок в две недели уже не кажется неразумным. Однако не исключены злоупотребления в части установления чрезмерно продолжительных сроков. Склонен поощряться законодателем, который лишил возможности проверить на предмет законности определение об оставлении искового заявления без движения.

Предположим, что заявитель решит обратиться в суд апелляционной инстанции с частной жалобой на определение суда об оставлении искового заявления без движения. Но сделать это можно в двух случаях, предусмотренных ст. 331 ГПК РФ:

- если это предусмотрено ГПК РФ;
- если определение суда исключает возможность дальнейшего движения дела.

Ни одно из оснований не подходит, а значит обжаловать его нельзя. Остается ждать истечения срока, получать определение о возврате искового заявления и обжаловать данный судебный акт.

Намного проще попытаться устранить (даже надуманные) замечания и подать уточненное исковое заявление. Если иск будет принят, то уже вероятно никто и никогда не задаст вопрос о законности определения об оставлении искового заявления без движения и правомерности истечения упущенного времени, которое могло быть зачтено в срок рассмотрения дела при принятии первоначального искового заявления. Последнее утверждение будет окончательно верным, если иск будет удовлетворен. Но даже в случае отказа в удовлетворении иска полагаем, что вопрос о законности или незаконности оставления заявления без движения (впоследствии принятого к производству) никак не повлияет на признание решения суда незаконным или необоснованным.

Сроки при оставлении жалоб без движения в последующих инстанциях закономерно дольше.

Так, апелляционная жалоба по делу № 2-13565/2017 определением от 26.01.2018 Междоустанского районного суда оставлена без движения до 16.03.2018 для исправления недостатков – не указаны основания жалобы [7]. Как видно, установленный срок превышает месяц.

На решение по делу № 2-1281/2020 от 22.03.2019 АО «МАКС» подана апелляционная жалоба, которая определением судьи Центрального районного суда г. Барнаула оставлена без движения на срок до 22.04.2019 для предоставления документов [9] – один месяц.

Установить более продолжительный срок, чем это необходимо в силу объективных обстоятельств, можно из прагматичных соображений. В соответствии со ст. 154 ГПК РФ срок, на который исковое заявление было оставлено без движения, не включается в срок рассмотрения дела, но учитывается при определении разумного срока судопроизводства.

Редкий судья при поступлении уточненного искового заявления не будет дожидаться окончания установленного в определении об оставлении искового заявления без движения срока. Вероятнее всего ситуация, при которой определение о принятии искового заявления появится только после истечения срока на устранение недостатков заявления, что традиционно критикуется участниками процессуальных отношений. При описанных обстоятельствах истец испытывает затруднения доступа к правосудию.

Считаем необходимым закрепление в ст. 136 ГПК правила следующего содержания: «В случае поступления уточненного искового заявления до истечения указанного в определении об оставлении иска без движения срока суд в соответствии со ст. 133

ГПК РФ в пятидневный срок должен решить вопрос о принятии искового заявления к производству суда либо о возврате искового заявления и прилагаемых к нему документов в порядке, установленном ст. 135 ГПК РФ».

Таким образом, будет поощрено положительное желание истца защитить субъективные права, свободы и законные интересы. Будет предоставлена возможность оперативно устранить явные недостатки процессуального средства возбуждения дела – иска. Отдельные судьи не смогут, используя особенности процесса, недобросовестно отдалить перспективу защиты прав. Судебный механизм обеспечения защиты прав станет более последовательным и четко регламентированным.

Литература

1. Анохин Ю.В. Какими должны быть права человека в условиях реформирования политической системы общества: идеальная модель // Алтайский юридический вестник. 2013. № 3 (3). С. 18-23.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.
4. О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 52 // Российская газета. 2008. 12 янв. № 4.
5. Определение Десногорского городского суда от 18 сентября 2020 г. по делу № 9-86/2020. URL: <http://судебныерешения.рф/54317167> (дата обращения: 01.10.2020).
6. Определение Замоскворецкого районного суда города Москвы от 15 апреля 2020 г. по делу № М-6482/2020. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/erovskij/cases/docs/content/28a4f4a2-7a5c-4f57-a54f-89bd00e5e9a7> (дата обращения: 01.10.2020).
7. Определение Мещанского районного суда от 26 января 2018 г. по делу № 2-13565/2017. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/meshchanskij/services/cases/civil/details/abac2c11-89ac-4c13-b019-4ef0ee102c1a?caseNumber=№+2-13565/2017> (дата обращения: 01.10.2020).
8. Приходько И.А., Бондаренко А.В., Столяренко В.М. Процессуальная революция: решенные и нерешенные задачи. М.: Международные отношения, 2019.
9. Решение Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 26 февраля 2020 г. по делу № 2-1281/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HrHpUFUQfwJj/> (дата обращения: 01.10.2020).
10. Смагина Е.С. Завершена ли «процессуальная революция»? // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 113-123.

УДК 342.95

Е.В. Бабылкина

аспирант Воронежского государственного университета

E-mail: ekaterina.babylkina@mail.ru

ЧАСТНО-ПУБЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД: К ДИСКУССИИ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ

В статье рассматривается правовая природа контрактной системы в сфере закупок работ, товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее – контрактосистема). По результатам анализа основных научных подходов автор приходит к выводу о необходимости классификации правоотношений, функционирование которых осуществляется в целях удовлетворения государственных и муниципальных потребностей в работах, услугах, товарах по отраслевому признаку: на гражданско-контрактные, административно-контрактные и финансово-контрактные правоотношения. При этом административно-правовыми нормами регулируются правовые отношения, связанные с реализацией планирования и мониторинга закупок, аудита в сфере закупок; осуществлением контроля за соблюдением законодательства о контрактосистеме; применением мер административного принуждения уполномоченными органами и должностными лицами к субъектам, которые нарушают законодательство о контрактосистеме; рассмотрением и разрешением административных дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами в судах общей юрисдикции в порядке административного судопроизводства.

Ключевые слова: контрактная система в сфере закупок, комплексный институт российского права, комплексные правоотношения, публичные правоотношения, частные правоотношения, административное судопроизводство.

E.V. Babylkina

postgraduate student of Voronezh State University

E-mail: ekaterina.babylkina@mail.ru

PRIVATE-PUBLIC ASPECTS OF THE CONTRACT SYSTEM IN THE FIELD OF PROCUREMENT OF GOODS, WORKS AND SERVICES FOR PROVISIONING GOVERNMENTAL AND MUNICIPAL NEEDS: TO DISCUSS THE LEGAL NATURE

The article discusses the legal nature of the contract system in the field of procurement of works, goods and services for provisioning governmental and municipal needs (hereinafter referred to as the contract system). Based on the results of the analysis of the main scientific approaches, the author comes to the conclusion that it is necessary to classify legal relations, the functioning of which is carried out in order to meet the state and municipal needs for work, services and goods on a sectoral basis for: civil contract, administrative contract and financial contract legal relationship. In this case, the administrative law regulates the legal relations associated with: implementation planning and monitoring, procurement, auditing, procurement; implementation of control over observance of the legislation on the contract system; application of administrative coercive measures by the authorized bodies and officials to entities that violate the legislation on the contract system; the consideration and resolution of administrative cases on contesting normative legal acts and of acts containing provisions and have regulatory properties in the courts of general jurisdiction in administrative proceedings to administrative-contractual legal relations.

Key words: contract system in the field of procurement, a comprehensive institute of the Russian law, complex legal relations, public legal relations, private legal relations, administrative legal proceedings.

В юридической литературе вопросы, касающиеся отраслевой принадлежности сферы государственных и муниципальных закупок, относятся к числу широко обсуждаемых. Следует отметить, что актуальность указанная проблематика приобрела еще в период действия Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21.07.2005 № 94-ФЗ (далее – ЗоРЗ) [28]. Названный нормативно-правовой акт подвергался критическим оценкам не только со стороны ученых [17, с. 901-909; 22, с. 28], но и неоднократно упоминался в Посланиях Президента РФ в качестве направления, остро нуждающегося в реформировании [31, 32]. Однако последующее изменение законодательной базы, связанное со вступлением в силу закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ [24] (далее – Закон о контрактной системе), направленного на усовершенствование сферы государственных и муниципальных закупок, не способствовало получению ответов на вопросы, касающиеся отраслевой принадлежности контрактной системы.

Законодательство о контрактной системе, основывающееся в соответствии с ч. 1 ст. 2 Закона о контрактной системе на положениях Конституции РФ, Бюджетного кодекса Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, включает в себя Закон о контрактной системе и другие федеральные законы, направленные на регулирование указанных в ч. 1 ст. 1 Закона о контрактной системе правовых отношений. Закрепление данной нормы послужило основанием для отнесения многими учеными [20, с. 47; 40, с. 97] контрактной системы к межотраслевому институту законодательства. Так, по мнению Ф.А. Тасалова, Закон о контрактной системе содержит нормы и частного, и публичного права, на основании чего его следует относить к комплексному нормативно-правовому акту.

Иной позиции придерживается К.В. Кичик [13]. Исследуя особенности функционирования государственного (муниципального) заказа России в соответствии с ЗоРЗ, он полагает, что законодательство о государственных и муниципальных закупках следует относить к антимонопольному законодательству в связи с тем, что ЗоРЗ и Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [23] находятся в тесной взаимосвязи, а функции по осуществлению контроля за размещением заказов возложены на Федеральную антимонопольную службу России. Аналогичная позиция специалистов содержится в Докладе Государственного университета Высшей школы экономики: «Система госзакупок: на пути к новому качеству» [44, с. 5].

Действительно, законодательство о контрактной системе и антимонопольное законодательство тесно взаимосвязаны. Предотвращение коррупции на сегодняшний день выступает в качестве важнейшего направления сосредоточения усилий со стороны государства [25, 26, 27]. В этой связи роль Закона о контрактной системе, закрепляющего борьбу с коррупцией среди целей правового регулирования, очевидна.

Учитывая тот факт, что система нормативно-правовых актов является внешним объективированным проявлением (формой) системы права, в юридической литературе выдвигаются предположения об отнесении контрактной системы к комплексному правовому институту [49, с. 7; 47, с. 81-84]. Так, П.С. Тарабаев [50, с. 6] в своем диссертационном исследовании изучает правовую природу института удовлетворения федеральных государственных нужд как комплексного, сочетающего нормы публичного и частного права.

Исследуя структуру советского права, В.К. Райхер выдвинул предположение о существовании комплексных отраслей права наряду с основными [36, с. 189-190]. Обоснованность выделения комплексных образований как составной части структуры российского права до сих пор является дискуссионным вопросом. На сегодняшний день насчитывается более 60 новых комплексных отраслей права [8, с. 3]. Кроме этого, даже среди сторонников выделения комплексных образований [14, с. 29-31; 1, с. 84; 45, с. 195-197] отсутствует единство во взглядах на его важнейшие составляющие. Например, можно выделить диаметрально противоположные точки зрения на проблему метода правового регулирования комплексных образований. Одни ученые указывают на наличие собственного специфического метода правового регулирования [37, с. 34], другие – на его полное отсутствие [42, с. 19; 51].

Ряд ученых, не отрицая наличия комплексных отраслей права, выступают против упрощения понятия «комплексный правовой институт» и использования для выявления комплексных образований исключительно институционально-организационного подхода [34, с. 358-359]. Так, Ю.К. Толстой, отмечая полезность комплексности отдельных отраслей, утверждал, что комплексные отрасли права занимают лишь условное место в системе российского права.

Небезосновательными являются предположения ученых о недопустимости выделения комплексных образований [30, с. 54; 43, с. 123], основная аргументация которых базируется на выявлении существенных различий между системой права и системой законодательства. Последнее характеризуется субъективным компонентом, который находит свое отражение в технико-юридических решениях, принимаемых законодателем.

В этой связи представляется справедливой позиция Е.Е. Тонкова и В.С. Синенко, полагающих, что комплексные отрасли права могут существовать применительно только к сфере законодательства, поскольку их формирование осуществляется по разным признакам. В основу системы права положен предметный признак единства регулируемых отношений, в то время как в основу системы законодательства – функциональный.

Ряд ученых рассматривают комплексные отрасли права в качестве момента в становлении основных отраслей права [2, с. 144; 34, с. 361]. С.С. Алексеев именовал такие правовые общности как «полуотрасли» [3, с. 194, 196, 226-227].

Другие ученые выделяют единую отраслевую природу контрактосистемы, исследуя ее в качестве института гражданского [6, с. 10], административного [12], финансового (бюджетного) права [20, с. 46-47; 21, с. 1-18].

Так, А.С. Тихомиров, отрицая гражданско-правовую природу государственных и муниципальных закупок, полагает, что первостепенная роль принадлежит положениям, имеющим административно-правовой характер.

В юридической литературе выделяются сложные общественные отношения, под которыми подразумеваются регулируемые нормами различных отраслей права отдельные части одного и того же правоотношения (в силу включенности этих частей в предмет правового регулирования указанных отраслей права) [38, с. 183; 11, с. 74]. При этом существование названных отношений обуславливается не комплексными отраслями права, а комплексными отраслями законодательства. Иными словами, наличие сложного общественного отношения предполагает необходимость в объединении законодательного материала [38, с. 183].

Заслуживает внимания позиция Е.Б. Лупарева о существовании комплексного публичного правоотношения, отличительными чертами которого являются: публичная сфера возникновения правоотношения; наличие обязательного субъекта, наделенного государственно-властными или муниципальными полномочиями, а также особенности сочетания публичного интереса, действий и бездействий в объекте и предмете комплексного публичного правоотношения [19, с. 25].

Р.Б. Куличев [16] полагает, что, правоотношения, возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся в связи с удовлетворением потребностей государства и муниципальных образований в соответствующих услугах, товарах, работах, относятся к комплексным, содержащим одновременно как положения частного права, так и положения публичного права. Аналогичного мнения придерживаются Э.И. Лескина [18]

и М.С. Соловьев [47, с. 81-84], В.Е. Белов [5, с. 7], О.А. Ступников [48, с. 3], С.Ю. Сушков [49, с. 8].

На наш взгляд, следует поддержать позицию ученых относительно сложного устройства контрактных правоотношений, поскольку входящие в его структуру отдельные элементы основываются на нормах различных отраслей российского права: гражданского, административного, финансового. В связи с этим в структуре контрактных отношений представляется целесообразным выделить:

1) гражданско-контрактные правоотношения, к которым относятся отношения, связанные с определением поставщика (исполнителя, подрядчика), а также заключением, изменением, исполнением и расторжением государственного (муниципального) контракта;

2) административно-контрактные правоотношения, связанные с реализацией планирования, мониторинга и аудита в сфере закупок работ, товаров, услуг (организационно-управленческие административно-контрактные правоотношения); осуществлением уполномоченными лицами функции контроля за соблюдением законодательства о контрактосистеме (контрольно-надзорные административно-контрактные правоотношения); применением мер административного принуждения уполномоченными органами и должностными лицами к субъектам, которые нарушают законодательство о контрактосистеме (деликтные (охранительные) административно-контрактные правоотношения), а также судопроизводственные административно-контрактные правоотношения;

3) финансово-контрактные правоотношения, связанные с осуществлением финансового контроля за расходованием бюджетных средств, а также «распределением и использованием финансовых ресурсов государства в целях удовлетворения государственных (муниципальных) нужд» [20, с. 46].

В то же время признание правоотношений, возникновение, изменение и прекращение которых связано с удовлетворением потребностей государства в соответствующих товарах, работах и услугах, в качестве комплексных не свидетельствует о наличии в структуре права комплексного образования (института, отрасли). Иными словами, функционирование сложноустроенных контрактных правоотношений, состоящих из гражданско-контрактных, административно-контрактных и финансово-контрактных правовых отношений, не порождает формирование «комплексного контрактного права», а обуславливается принятием Закона о контрактосистеме, относящегося к числу межотраслевых нормативно-правовых актов. Выделение новых отраслей российского права не должно носить схематичный характер за счет объединения разнородных предметов и мето-

дов. Урегулированность контрактных правоотношений различными отраслями права объясняется не существованием комплексных правовых институтов и отраслей права, а свидетельствует о реализации такого важнейшего признака, присущего праву, как системность. Таким образом, взаимодействие норм гражданского, административного и финансового права в регулировании общественных отношений, возникновение, изменение и прекращение которых осуществляется в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, можно отнести к проявлению системности права.

Среди представителей комплексного подхода к определению контрактных правоотношений отсутствует единство мнений относительно преобладания в исследуемых правоотношениях того или иного отраслевого компонента. К примеру, большинством цивилистов [5, с. 52; 50, с. 6] не отрицается публично-правовой характер стадии планирования закупок работ, товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Наиболее оживленную дискуссию вызывает исследование отраслевой природы стадии определения поставщика [5, с. 23; 50, с. 6; 41, с. 17], суть которой заключается в стремлении административистов аргументировать отнесение правоотношений, связанных с размещением извещения об осуществлении закупки работ, товаров, услуг, заключением государственного (муниципального) контракта, преимущественно к предмету своей отрасли. Оспаривая основной довод цивилистов об отсутствии в указанных отношениях признаков власти-подчинения, представители науки административного права [10, с. 10, 29; 15, с. 14] выступают против подобной узости в понимании как отдельных институтов административного права, так и административной науки в целом.

Представляется интересной позиция М.С. Соловьева, который, не отрицая изначально гражданско-правового характера государственного (муниципального) контракта, указывает на его «приспособленность» и видоизменение для реализации публичных нужд [46, с. 25]. В этой связи обращает на себя внимание Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 11535/13 по делу № А40-148581/12, А40-160147/12 [33], в котором, исключая рассмотрение третейским судом споров, возникающих в связи с заключением государственных и муниципальных контрактов, Верховный Суд РФ указал, что контракты представляют собой концентрацию общественно значимых публичных элементов, имеют публичную основу и преследуют публичный интерес. Таким образом, наметилась тенденция к превалированию административно-правовых норм в правовом регулировании контрактосистемы.

М.С. Соловьевым предпринята попытка выделить административно-правовые начала отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в целях удовлетворения потребностей государства и муниципальных образований в соответствующих работах, товарах и услугах. К их числу относятся такие правовые отношения, которые связаны с нормативным закреплением: деятельности субъектов, обладающих публичными функциями; единых принципов, лежащих в основе функционирования контрактосистемы, а также целей, имеющих публично значимое значение; специальной процедурной формы указанных правоотношений; значительного объема мер государственного принуждения. Кроме этого, основным источником обеспечения потребностей государства и муниципальных образований в различных работах, услугах, товарах являются публичные финансы [47, с. 81-84].

Помимо изложенного, в юридической литературе выделяют иные признаки, указывающие на административно-правовую природу закупок, направленных на удовлетворение государственных и муниципальных потребностей в соответствующих работах, товарах, услугах, среди которых: отсутствие между участниками указанных отношений (заказчиком, с одной стороны, и поставщиком (исполнителем, подрядчиком), с другой стороны) признаков равенства [35, с. 9; 13]; применение значительной доли контрольных мероприятий; использование жалобы в качестве основного средства защиты субъективных прав участников закупок [7, с. 84]. Кроме этого, отмечается существенное ограничение принципа свободы договора, являющегося одним из основных начал гражданского законодательства [9]. Таким образом, можно отметить наметившуюся тенденцию, присущую сфере государственных и муниципальных закупок и связанную с изменением соотношения административно-правового и гражданско-правового регулирования в сторону публичной составляющей, в связи с чем исследование последней приобретает особую актуальность. Представляется, что административно-правовыми нормами регулируются правовые отношения, связанные: с реализацией планирования и мониторинга закупок, аудита в сфере закупок; осуществлением контроля за соблюдением законодательства о контрактосистеме; применением мер административного принуждения уполномоченными органами и должностными лицами к субъектам, которые нарушают законодательство о контрактосистеме; рассмотрением и разрешением административных дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, в судах общей юрисдикции в порядке административного судопроизводства.

На необходимость определения природы правоотношений в области осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд при определении вида судопроизводства обращают внимание ученые [39, с. 48-50; 16]. В то же время в юридической литературе высказывается мнение о «бессмысленности» разделения исследуемого правоотношения на отраслевые компоненты [7]. С указанной позицией трудно согласиться, т.к. вопросы, связанные с уяснением природы контрактных правоотношений, представляют ценность не столько в теоретическом, сколько в практическом аспекте, поскольку имеют важное значение для определения вида судопроизводства. Так, например, дела, связанные с заключением, исполнением государственного (муниципального) контракта, такие как: взыскание неустойки по государственным (муниципальным) контрактам, взыскание задолженности по поставленным товарам, оказанным услугам, выполненным работам, признание недействительными результатов процедур по определению поставщиков, оспаривание условий контрактов, рассматриваются по правилам арбитражного судопроизводства. В порядке административного судопроизводства на основании главы 21 КАС РФ рассматриваются дела об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами.

Недооценка научной проработки вопросов, связанных с классификацией правоотношений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, может привести на практике к неправильному определению подведомственности судебных споров в сфере контрактосистемы. Например, Определением судьи

Абаканского городского суда Республики Хакасия от 28.11.2017 отказано в принятии административного искового заявления Министерства по регулированию контрактной системы в сфере закупок Республики Хакасия к Управлению Федеральной антимонопольной службы по Республике Хакасия (далее – УФАС по Республике Хакасия) об оспаривании уведомления УФАС по Республике Хакасия в связи с тем, что заявленные требования отнесены к компетенции арбитражного суда. Апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики Хакасия от 18.01.2018 определение судьи Абаканского городского суда Республики Хакасия оставлено без изменения. Однако Определением Верховного Суда РФ от 18.02.2019 № 55-КГ18-5 определения вышеуказанных судов отменены и материалы по административному исковому заявлению направлены в Абаканский городской суд Республики Хакасия для рассмотрения со стадии принятия административного искового заявления к производству суда [29].

Проведенный анализ показывает, что отраслевая принадлежность отношений, которые функционируют в сфере приобретения работ, товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, относится не только к актуальным теоретическим вопросам, но и имеет важнейшее значение для определения вида судопроизводства. В этой связи предложенная автором классификация контрактных отношений по отраслевому признаку на гражданско-контрактные, административно-контрактные и финансово-контрактные правовые отношения может способствовать правильному определению вида судопроизводства, в котором подлежат защите права и свободы гражданина.

Литература

1. Алексеев С.С. Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
2. Алексеев С.С. Проблемы теории права: основные вопросы общей теории социалистического права: курс лекций: в 2 т. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. института, 1972. Т. 1. 396 с.
3. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. 264 с.
4. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность как институт советского права // Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974. С. 156-161.
5. Белов В.Е. Участие Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в отношениях, связанных с государственными заказами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 29 с.
6. Беляева О.А. Торги: теоретические основы и проблемы правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 53 с.
7. Винницкий А.В. Участие публичных образований в имущественных отношениях: проблемы сбалансированности административно-правового и гражданско-правового регулирования // Административное и муниципальное право. 2010. № 11. С. 82-91.
8. Головина А.А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 34 с.
9. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 2. 528 с.

10. Демин А.В. Общие вопросы теории административного договора. Красноярск, 1998.
11. Ермакова Т.С. О системе советского финансового права // Правоведение. 1975. № 2. С. 72-80.
12. Кикавец В.В. Административно-правовое регулирование государственного заказа в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
13. Кичик К.В. Государственный (муниципальный) заказ России. Правовые проблемы формирования, размещения и исполнения: монография. М.: Юстицинформ, 2012. 260 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Коваленко А.Ю. К вопросу о признании комплексных отраслей права // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 5. С. 29-31.
15. Кононов П.И. Основные категории административного права и процесса. М.: Юрлитинформ, 2013. 416 с.
16. Куличев Р.Б. Правовое регулирование подрядных работ для государственных нужд. М.: Юстицинформ, 2016. 192 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Лапина Е.Б. Государственные закупки государственных услуг // Административное и муниципальное право. 2013. № 9. С. 901-909.
18. Лескина Э.И. Споры в области контрактной системы в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд: АПК РФ или КАС РФ? [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Лупарев Е.Б. Общая теория публичных правоотношений // Юридический Вестник Кубанского государственного университета. 2011. № 1 (6). С. 23-27.
20. Малыхина Е.А. Контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: особенности финансово-правового регулирования: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 184 с.
21. Маркелов К.Б. Государственные и муниципальные закупки как институт бюджетного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
22. Маркелов К.Б. Проблемы реализации правовых норм, регулирующих государственные и муниципальные закупки // Юрист. 2011. № 5. С. 27-33.
23. О защите конкуренции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (с изм. и доп. от 24.04.2020 № 140-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
24. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс]: федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (с изм. и доп. от 24.04.2020 № 124-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
25. О мерах по противодействию коррупции [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 19 мая 2008 г. № 815. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
26. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018-2020 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
27. О противодействии коррупции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
28. О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс]: федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ (с изм. и доп. от 02.07.2013 № 171-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
29. Об оспаривании уведомлений Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Хакасия: определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.02.2019 № 55-КГ18-5. URL: <http://www.vsrfr.ru>.
30. Пилипенко Е.А. Система российского права: структурно-сравнительный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003.
31. Послание Президента Российской Федерации Медведева Дмитрия Анатольевича Федеральному Собранию Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. // Парламентская газета. 2010. № 63.
32. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2010 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
33. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 11535/13 по делу № А40-148581/12, А40-160147/12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
34. Потапенко Е.Г. Комплексные образования в системе российского права // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13. Вып. 3 (1). С. 357-362.

35. Пятков Д.В. Участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в гражданских правоотношениях: на примере разграничения публичной собственности. СПб., 2003. 490 с.
36. Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 282 с.
37. Рассолов И.М. Информационное право. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 352 с.
38. Рыбакова С.В. Контрактные отношения как основание возникновения комплексных образований в праве (на примере финансового права) // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 3 (33). С. 179-186.
39. Рыжков К.С. Подведомственность дел из правоотношений в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд // Российская юстиция. 2018. № 10. С. 48-50.
40. Свеженец Д.В., Мамин А.С. Нормативно-правовое регулирование контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Вестник научных конференций. 2017. № 2-2 (18). С. 97-98.
41. Сергачева О.А. Европейский опыт гражданско-правового регулирования размещения заказов для государственных и муниципальных нужд (на примере Итальянской Республики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 28 с.
42. Свириной Ю.А. Дивергенция в системе права. М.: Астра Полиграфия, 2012.
43. Сердюков А.В. Спортивное право как комплексная отрасль законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
44. Система госзакупок: на пути к новому качеству: Докл. гос. ун-та – Высшей школы экономики. М., 2010. URL: <https://www.hse.ru/data/2010/02/24/1233047544/HSE-23feb.pdf>.
45. Скуднов С.М. Комплексные образования в праве: проблемы метода правового регулирования // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 195-197.
46. Соловьев М.С. Государственный (муниципальный) контракт как видоизмененный и приспособленный для публичных нужд гражданско-правовой договор // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 1. С. 25-31.
47. Соловьев М.С. К дискуссии о квалификации правоотношений в сфере публичных закупок // Административное право и процесс. 2015. № 2. С. 81-84.
48. Ступников О.А. Административная процедура размещения заказов: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011. 24 с.
49. Сушков С.Ю. Административная ответственность за нарушение законодательства о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. 31 с.
50. Тарабаев П.С. Гражданско-правовое регулирование поставки товаров для федеральных государственных нужд: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 28 с.
51. Фархутдинов И.З., Трапезников В.А. Инвестиционное право: учебно-практическое пособие. М.: Волтерс Клувер, 2006. 392 с.

УДК: 346.544.4

В.И. Благоев, профессор

Университет менеджмента Варны (Варна, Болгария)

E-mail: blagoev@iuc.bg;

Е.П. Шустова, канд. экон. наук, доцент

Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет (Семей, Казахстан)

E-mail: shustova_yelena@mail.ru;

И.В. Мищенко, канд. экон. наук, доцент

Алтайский государственный университет

E-mail: mis.iv@mail.ru

АНАЛИЗ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЫНКА ОРГАНИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА, РОССИИ И БОЛГАРИИ)

Статья посвящена анализу нормативно-правовых основ формирования рынка органической продукции в России, Болгарии и Казахстане. Развитие производства органической экологически чистой продукции является важной задачей государства в современных условиях, решение которой позволит сохранить биологическое воспроизводство сельскохозяйственных земель, укрепить здоровье населения. Создание проработанной нормативно-правовой базы производства и реализации органической продукции необходимо также для формирования единого экономического пространства и единого рынка в рамках ЕАЭС.

Ключевые слова: органическая продукция, Евразийский экономический союз, рынок, сертификация, предпринимательское право.

V.I. Blagoev, professor

Varna University of Management (Varna, Bulgaria)

E-mail: blagoev@iuc.bg;

E.P. Shustova, Candidate of Economic Sciences, assistant-professor

Kazakh Humanitarian Law Innovative University (Semey, Kazakhstan)

E-mail: shustova_yelena@mail.ru;

I.V. Mischenko, Candidate of Economic Sciences, assistant-professor

Altai State University

E-mail: mis.iv@mail.ru

ANALYSIS OF REGULATORY FRAMEWORK FOR FORMATION OF ORGANIC PRODUCTS MARKET (ON THE EXAMPLE OF KAZAKHSTAN, RUSSIA AND BULGARIA)

The article is devoted to the analysis of regulatory and legal bases of organic products market formation in Russia and Kazakhstan. The development of organic products is an important task of the public administration in modern conditions, the solution of which will allow preserving the biological reproduction of agricultural land, to strengthen the health of the population. The creation of an elaborate regulatory and legal framework for the production and sale of organic products is also necessary for the formation of a single economic space and a single market within the EAEU. The article also provides an analysis of the legal basis for the formation of the organic market in one of the European Union countries – Bulgaria. This made it possible to identify a number of weaknesses in the regulatory and legal framework for the formation of the organic products market of the EAEU countries and to develop proposals for its improvement on this basis.

Key words: organic products, Eurasian Economic Union, market, certification, enterprise law.

Рынок органической продукции – один из самых динамично развивающихся в мире. По прогнозам экспертов, к 2025 г. объём рынка органических продуктов может составить 3-5% мирового рынка сельхозпродукции [12]. Наибольший спрос на экологически чистую продукцию наблюдается в развитых странах, где уже имеется значительный опыт производства и продвижения данной продукции. Так, основными лидерами по объёму рынка органической продукции являются США (45%), Германия (14%) и Франция (8%) [16, с. 99].

За последние 15 лет международный рынок органической продукции вырос с 25 млрд долларов до 100 млрд долларов. За этот период к производству органической экологически чистой продукции присоединились более 70 стран [16]. Рост потребления органической продукции в 2 раза выше, чем темпы роста продовольственного рынка в целом. Темп роста спроса на нее ускоряется и может достигнуть 16% [15, с. 8].

Отметим, что каждая страна имеет свой уровень производства и потребления органической продукции, определяемый несколькими факторами:

- особенностями природно-климатических условий;
- наличием сельскохозяйственных земель, пригодных по требованиям для органического производства;
- наличием соответствующих современных технологий производства и продвижения органической продукции;
- наличием государственной поддержки товаропроизводителей органической продукции;
- уровнем доходов и уровнем платежеспособности населения;
- особенностями нормативно-правовой базы, регламентирующей производство и реализацию данной продукции в каждой стране.

Так, самый высокий уровень потребления органической продукции на душу населения имел место в странах с высоким уровнем доходов на душу населения – Швейцарии, Дании и Люксембурге [3, с. 11].

Вместе с тем на сегодняшний день у потребителя нет четкого представления, что такое органическая продукция, какие требования к ней предъявляются. В отечественной и зарубежной практике используются различные понятия: «экопродукты», «биопродукты», «органические продукты». Однако в каждой стране существует свое законодательство, определяющее условия производства и регламентирующее процедуры сертификации данной продукции как натуральной, экологически чистой.

В рамках данного исследования перед нами встал ряд вопросов. Существуют ли специальные условия, необходимые для производства и реализации эко-

логически чистой органической продукции? Какие требования предъявляются к товаропроизводителям органических продуктов? Все ли товаропроизводители, имеют право использовать маркировку «органик», «эко», «био», и действительно ли они проходят сертификацию?

Для ответа на данные вопросы мы провели исследование нормативно-правовой базы формирования рынка органической продукции двух стран Евразийского экономического союза – Казахстана и России, а затем сравнили с международной практикой на примере Болгарии как страны – члена Европейского союза с хорошо развитым сельским хозяйством и производством натуральных продуктов питания.

Нормативно-правовая база в сфере производства органической продукции и ее сертификации в Республике Казахстан

Казахстан одним из первых из стран СНГ создал нормативно-правовую базу для производства органики в стране. Более того, производство натуральной экологически чистой продукции является важной задачей, поставленной в «Стратегии Казахстан – 2050», а также в Государственной программе развития агропромышленного комплекса Республики Казахстан на 2017-2021 годы.

Казахстан обладает огромным потенциалом в области органического сельскохозяйственного производства, имеет огромные пастбищные угодья и посевные площади, а также современные технологии производства органических продуктов, способен обеспечить их высокое качество.

Общая площадь сельскохозяйственных угодий Казахстана составляет 177,8 млн га, в т.ч. пастбища – 146,9 млн га, пашня и залежь – 26,7 млн га, сенокосы – 4,2 млн га. Наличие огромных экологически чистых территорий создает благоприятные условия для развития органического сельского хозяйства [13].

По данным Министерства сельского хозяйства РК, на сегодняшний день в республике органическая продукция производится на площади более 300 тыс. га, действуют 29 производителей и 19 перерабатывающих компаний. Производятся в основном зерновые, масличные, бобовые, кормовые культуры и лекарственные травы. В настоящее время данный тип производства ориентирован прежде всего на экспорт. Общий объём экспорта казахстанской органической продукции достиг 10 млн долларов США [9].

Необходимо отметить, что в казахстанском законодательстве используются дефиниции «органическая продукция» и «производство органической продукции».

В настоящее время в Казахстане производство органических продуктов питания регулируется Законом Республики Казахстан от 27 ноября 2015 г. «О производстве органической продукции», Законом

Республики Казахстан от 9 ноября 2004 г. «О техническом регулировании», а также Правилами производства и оборота органической продукции от 23 мая 2016 г.

Закон РК «О производстве органической продукции» от 27 ноября 2015 г. (далее – Закон) определяет правовые, экономические, социальные и организационные основы производства органической продукции (далее – ОП), направленные на обеспечение рационального использования почв, содействие в формировании здорового питания и охрану окружающей среды [13].

В целях развития органического производства в Казахстане действующим законом определены основные условия производства ОП, которые предполагают исключение применения синтетических веществ, пестицидов, гормонов, антибиотиков и пищевых добавок; запрет применения генетически модифицированных объектов; исключение применения методов производства продукции растениеводства без использования почвы; запрет на использование ионизирующего излучения; исключение химических методов обработки, сохранение экологических систем при выборе конкретного вида биопродукции производителем.

Далее определим, какие требования являются минимально обязательными при производстве органических продуктов в Казахстане. Казахстанские товаропроизводители при производстве продуктов питания руководствуются Инструкцией о качестве и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов. При этом основными критериями являются качество и безопасность пищевых продуктов.

Под безопасностью пищевых продуктов понимается «состояние обоснованной уверенности в том, что пищевые продукты при обычных условиях их использования не являются вредными и не представляют опасности для здоровья нынешнего и будущих поколений». А качество пищевых продуктов трактуется как «совокупность характеристик пищевых продуктов, способных удовлетворять потребности человека в пище при обычных условиях их использования» [5].

Необходимо отметить, что требования к качеству и безопасности производства и реализации продовольственного сырья животного происхождения в Казахстане устанавливаются национальными и межгосударственными стандартами и ветеринарно-санитарными правилами, а продовольственного сырья растительного происхождения – фитосанитарными правилами и нормами. В Казахстане также действуют санитарные правила «Санитарно-эпидемиологические требования к объектам по производству пищевой продукции», регламентирующие качество и безопасность производства пищевых продуктов.

Таким образом, отечественные законодатели используют дефиницию «безопасность пищевых продуктов» как минимально необходимое требование при производстве продуктов питания с целью обеспечения безопасности данного продукта для жизни и здоровья людей.

Напомним, что конечная оценка качества изготовления продукции осуществляется с помощью сертификации, которая означает испытание продукции, выдачу сертификата соответствия, маркировку продукции (знак соответствия) и контроль за состоянием последующего производства с помощью контрольных испытаний.

В казахстанском законе указано, что маркировка органической продукции осуществляется в добровольном порядке на основании технического регламента «Требования к маркировке продукции», а также технического регламента «Продукция органическая. Национальный знак соответствия органической продукции. Технические требования и порядок маркирования органической продукции».

Маркирование производства биопродукции осуществляется в целях повышения доверия покупателей к производителю, ее реализации, а также в целях получения необходимой уверенности в безопасности данной продукции для жизни и здоровья людей. Право на маркирование органической продукции специальным знаком соответствия предоставляет орган, осуществляющий ее сертификацию. Знак соответствия наносят рядом с товарным знаком товаропроизводителя (при его наличии) или над обозначением нормативного документа, на основании которого сертифицирована данная продукция как органическая.

Таким образом, мы определили, что в настоящее время в Казахстане действуют Закон и Правила производства и оборота натуральной продукции, другие нормативно-правовые акты и технические регламенты, которые, по мнению экспертов, требуют еще значительной доработки.

Необходимо отметить, что процедуры обязательной сертификации к товаропроизводителям по использованию маркировки «био» или «эко» в Казахстане отсутствуют. Данный процесс носит скорее субъективный характер и основан на желании самих товаропроизводителей позиционировать свой товар как экологически чистый продукт при обязательном соблюдении стандартов качества и безопасности данной продукции.

Поэтому некоторые компании, наблюдая повышенный интерес потребителей к данному типу продукции, стали недобросовестно использовать подобную маркировку для своей продукции, которая на самом деле не является натуральной, экологически чистой продукцией с точки зрения действующих стандартов. Данная тактика используется исключительно

в маркетинговых целях для привлечения потребителя и создания благоприятного имиджа компании у потенциальных и существующих потребителей. Другие страны постсоветского пространства имеют свои отличительные черты формирования данного рынка. Рассмотрим их более подробно на примере рынка органических продуктов России.

Развитие производства органической продукции в Российской Федерации и нормативно-правовое регулирование данной сферы

В настоящее время рынок органической продукции России только начинает формироваться. Общая его емкость составляет по оценкам экспертов 120 млн долларов США, включая импортируемую органическую продукцию. Под органическое производство выделено 290 тыс. га сельскохозяйственных земель, сертифицированных согласно международным стандартам. Всего в России функционирует более 90 производителей органической продукции, прошедших процедуры сертификации [9].

В органическом сельском хозяйстве России в настоящее время активно развивается экспорт органического сырья, в основном экспортируют продукцию в страны ЕС (зерновые, масличные культуры, эфирные масла). Говорить о массовом производстве сертифицированных органических продуктов в России пока еще рано, но определенные шаги в данном направлении уже делаются. Формируется нормативно-правовая база, совершенствуются процедуры сертификации производителей органической продукции, развиваются технологии.

Нормативно-правовая база в сфере производства ОП в России формировалась на протяжении 20 лет. В ее основе лежит принятый в 2000 г. Закон № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов». Однако начало развитию органического сельского хозяйства в России было положено относительно недавно. Так, в 2014 г. был принят Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 56104-2014 «Продукты пищевые органические». Согласно ему органической продукцией является экологически чистая сельскохозяйственная продукция, сырье и продовольствие, производство которых соответствует требованиям, установленным данным законом [3]. Только в 2020 г. появился комплексный закон, регламентирующий производство органической продукции (ФЗ от 03.08.2018 № 280 «Об органической продукции»). В каждом субъекте Российской Федерации существуют свои документы, регламентирующие данную деятельность.

Необходимо отметить, что российским законом определены более жесткие требования к производству органической продукции в отличие от казахстанских норм. Кроме того, в российском законе определен статус производителя органической продукции, к которому относятся юридические и физические

лица, осуществляющие производство, хранение, маркировку, транспортировку и реализацию органической продукции и включенные в единый государственный реестр ее производителей [14, ст. 2]. В данный реестр включаются все производители данной продукции, прошедшие сертификацию по стандарту ГОСТ 33980-2016. Данный реестр является бесплатным как для производителей, так и для пользователей информации, получающих из него данные.

В российской практике также используется специальный знак – знак соответствия, которым могут производители ОП, прошедшие процедуры сертификации по межгосударственному стандарту ГОСТ 33980-2016, маркировать свою продукцию. По мнению законодателей, формирование и совершенствование системы стандартизации органического сельского хозяйства обеспечит безопасность и повысит конкурентоспособность продукции АПК [2, с. 297].

Также ГОСТом определены правила производства органической продукции:

- запрет на применение генно-инженерно-модифицированных организмов и продукции из них в качестве пищевых продуктов, кормов, средств защиты и т.д.;
- запрет на применение ионизирующего излучения для обработки органических пищевых продуктов, кормов и сырья и т.д.;
- подразделение по производству органической продукции должно быть расположено вдали от источников загрязнения окружающей среды;
- оборудование должно быть очищено от загрязняющих материалов;
- осуществление документирования производства органической продукции [2].

Таким образом, необходимая нормативно-правовая база, регулирующая деятельность производителей органической продукции, в России сформирована, совершенствуются процедуры сертификации. Ежегодно увеличивается спрос на органическую продукцию как на внутреннем, так и международном рынках.

Вместе с тем необходимо создать такую систему регулирования данной отрасли, которая имела бы свое распространение не только на территории Российской Федерации, но и на территории всех стран Евразийского экономического союза. Это позволит создать единый рынок органической продукции и повысить ее конкурентоспособность на мировой арене. Стоит отметить, что кроме национальных стандартов, как в Российской Федерации, так и в Республике Казахстан используется целый ряд международных документов и международных стандартов, регулирующих рынок органических продуктов. К ним относятся Межгосударственный стандарт ГОСТ 33980-

2016 «Продукция органического производства. Правила производства, переработки, маркировки и реализации», Регламент комиссии (ЕС) № 889/2008 от 05.09.2008 с положениями о порядке исполнения Регламента совета (ЕС) № 834/2007 об экологическом производстве и маркировке экологической продукции в отношении экологического производства, маркировки и контроля продукции, различные международные регламенты. Они позволяют сформировать единый рынок органической продукции в рамках Европейского Союза (далее – ЕС). Данная задача стоит и в рамках формирования единого пространства стран Евразийского экономического союза. Рассмотрим практику их применения на примере Республики Болгария – страны-члена ЕС и одного из крупнейших производителей сельхозпродукции макрорегиона.

Развитие производства органической продукции в Республике Болгария и нормативно-правовое регулирование данной сферы

В стране производство биологически чистой продукции регулируется специальным Распоряжением № 22/04.07.2001 «О биологическом производстве растений, растительных продуктов, пищевых продуктов из растений и его обозначении на них» [11].

После вступления Болгарии в ЕС к этим нормативно-правовым актам добавились европейские регламенты. Например, болгарский закон о защите растений включает в себя основные положения Новой Европейской Рамки по производству и маркированию биологических пищевых продуктов [10]. В настоящее время особое значение имеют предложения Счетной палаты ЕС, например специальный доклад Счетной палаты ЕС № 04/2019. В них регламентируются как условия для производства и маркирования,

так и условия для импорта данной категории продуктов.

В результате влияния норм и правил европейского рынка, действующей нормативно-правовой базы развитие биологического сельхозпроизводства в Европе и Болгарии растет интенсивно в течение последних 20 лет. По информации FIBL-AMI Research Institute of Organic Agriculture (2016-2018) площади для выращивания биоагропродуктов в странах ЕС выросли примерно на 210%, а производство биопродукции – на 440% по сравнению с 2000 г.

По данным европейской статистики, к концу 2018 г. в Болгарии зарегистрированы 6660 производителей биосельхозпродукции, которые отвечают ст. 36 Регламента (ЕО) 834/2007 Совета ЕС [10].

Согласно ст. 28 параграфа 5 того же регламента 834/2007 поддерживается специальный реестр всех лиц, которые производят биосельхозпродукцию, а также их партнеры-поставщики семян, удобрений и т.д. Кроме того, Европейский Союз позволяет ассоциациям или другим частным предприятиям создавать свои собственные дополнительные стандарты для органического сельского хозяйства и производства органической пищевой продукции. Это позволяет быстро подстраиваться к изменениям потребительского спроса. Эти ассоциации становятся «разработчиками трендов». Есть много примеров, когда частные стандарты превышают стандарты, которые существуют в законодательстве Европейского Союза [4, с. 31].

В Болгарии, как и во многих других странах, принят специальный знак соответствия «биологичен продукт» или «organic product», который может быть поставлен только на продукции, прошедшей процедуру сертификации согласно европейским нормам (рис. 1).

Рисунок 1. Болгарский национальный знак соответствия «биологичен продукт»

Итак, рынок органической продукции является одним из наиболее динамично развивающихся секторов экономики. Россия и Казахстан в силу наличия большого количества плодородных земель, пригодных для органического производства сельхозпродукции, могут занять существенную долю в нем. Вместе с тем данному процессу препятствует ряд проблем:

- сегодня производство органических продуктов является отраслью, которая только начинает развиваться в данных странах. Необходимо четкое пони-

мание «правил игры» как потенциальными производителями, так и потребителями данной продукции;

- слабая информированность и осведомленность потребителей о преимуществах органической продукции и отсутствие прямого обмена информацией между производителями органической продукции и ее потребителями на внутреннем рынке. Потребитель одинаково воспринимает название продуктов «органик», «биопродукты», «экопродукты», «натуральный продукт», не предполагая о жестких требованиях производства и маркирования органи-

ческой продукции. Только маркировка «органик» и рядом знак соответствия установленной формы дают 100-процентную уверенность потребителю о натуральном происхождении сырья, высоком качестве продукта без использования каких-либо химикатов, консервантов, ГМО и пр.;

- отсутствие взаимного признания систем контроля и сертификации в указанных странах на международном уровне;

- высокая стоимость процедур международной сертификации для отечественных товаропроизводителей биопродукции.

Развитие органического производства как в Казахстане, так и России является важной государственной задачей, решение которой позволит выйти на международные рынки, сохранить природные ресурсы, укрепить здоровье населения каждой страны, в значительной степени будет способствовать импортозамещению в сопутствующих отраслях. Важным шагом по достижению поставленных целей является создание единой системы межгосударственного регулирования. Она позволит выработать общие правила игры и создать единое экономическое пространство для производства и реализации органической продукции.

Литература

1. В Казахстане зарегистрирована Федерация движений органического сельского хозяйства kazfoam // QazaqZerno. 2013. URL: <https://kazakh-zerno.net/90069-v-kazakhstan-zaregistrovannaya-federatsiya-dvizheniy-organicheskogo-selskogo-khozyajstva-kazfoam/> (дата обращения: 28.02.2020).
2. ГОСТ 33980-2016. Межгосударственный стандарт продукции органического производства. Правила производства, переработки, маркировки и реализации. Дата введения 01.01.2018. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200141713> (дата обращения: 16.02.2020).
3. ГОСТ Р 56104-2014. Продукты пищевые органические. Термины и определения. Дата введения 01.03.2015. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200113488/> (дата обращения: 26.01.2020).
4. Григорук В.В., Климов Е.В. Развитие органического сельского хозяйства в мире и Казахстане // Продовольственная и сельскохозяйственная Организация Объединенных Наций. 2016. 150 с.
5. Инструкция о качестве и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов: постановление Правительства Республики Казахстан от 29.11.2000 № 1783. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P000001783/> (дата обращения: 23.01.2020).
6. Казахстан создает систему целостности и прослеживаемости органической продукции // FOODINDUSTRY.KZ. 2018. URL: <https://foodindustry.kz/kazakhstan-sozdaet-sistemu-tselostnosti-i-proslezhivaniya-organicheskoy-produktsii/> (дата обращения: 20.02.2020).
7. Кручинина В.М. Государственное регулирование рынка органической продукции в России // Вестник ВГУИТ. 2017. Т. 79. № 2. С. 296-305.
8. Медведева А. Глобальный обзор рынка органического сельского хозяйства и биологизации земледелия // АГРОXXI. 2018. URL: <https://www.agroxxi.ru/stati/.html> (дата обращения: 20.02.2020).
9. Мироненко О.В. Органический рынок мировой и России. Анализ органического рынка. 2019. URL: <http://rosorganic.ru/> (дата обращения: 15.02.2020).
10. Новая европейская рамка по производству и маркированию биологических пищевых продуктов // Европарламент. 2018. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/> (дата обращения: 09.03.2020).
11. О биологическом производстве растений, растительных продуктов, пищевых продуктов из растений и его обозначении на них: распоряжение от 04.07.2001 № 22 // Государственная газета. Республика Болгария № ДВ 68/3.8. 2001 г.
12. О мерах господдержки производства органической продукции рассказали в МСХ РК // Informburo. 2019. URL: <https://informburo.kz/novosti/o-merah-gospodderzhki-proizvodstva-organicheskoy-produkcii-rasskazali-v-msh-rk.html/> (дата обращения: 20.02.2020).
13. О производстве органической продукции: закон РК от 27 ноября 2015 г. № 423-V ЗПК. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000423/> (дата обращения: 20.03.2020).
14. Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 03.08.2018 № 280-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 27.02.2020).
15. Перспективы развития органического сельского хозяйства: исследование SBS CONSULTING. 2019. 30 с.
16. Чупина И.П., Воронина Я.В. Возрождение российского рынка органической продукции // Аграрный вестник Урала. 2019. № 4 (183). С. 96-100.

УДК 340.14:349.2

Н.И. Минкина, канд. юрид. наук, доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Алтайский филиал)

E-mail: natim1@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ АКТОВ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ (НА ТРУДОПРАВОВЫХ ПРИМЕРАХ)

В работе содержатся авторские суждения относительно «прецедентной революции» в России. С использованием методов описания, сравнения и системного анализа в ней представлена полемика научных мнений по определению места правового прецедента, судебной практики и актов высших судебных инстанций в системе источников права. Исследуется основной понятийный аппарат в дискуссии. Приводится некоторый зарубежный опыт. Путем изучения взглядов ученых автор создает целостное представление о правовой природе и фактической роли постановлений Конституционного и Верховного судов Российской Федерации (далее – РФ). На трудовые правовые примеры демонстрируется актуальность проблематики о рассмотрении постановлений, изданных названными судами, в системе источников права. В качестве главных признаков данных постановлений рассматривается их нормативность и значимость закрепленных в них положений с позиции устранения правовых неопределенностей. По итогам исследования делается вывод о современном источниковом значении рассматриваемых актов высших судебных органов власти как в целом в отечественной правовой системе, так и в трудовом праве в частности. Концептуально предлагается это обозначить в проекте Федерального закона «О нормативных правовых актах в РФ».

Ключевые слова: источник права, Конституционный Суд, Верховный Суд, постановления.

N.I. Minkina, Candidate of Judicial Sciences, assistant-professor

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Altai branch)

E-mail: natim1@mail.ru

LEGAL VALUE OF ACTS OF THE HIGHER JUDICIAL AUTHORITIES (ON LEGAL EXAMPLES)

In essence, the work contains the author's judgments about the «precedent revolution» in Russia. Using the methods of description, comparison and system analysis, it presents the controversy of scientific opinions on determining the place of legal precedent, judicial practice and acts of higher courts in the system of sources of law. The basic conceptual apparatus in the discussion is investigated. Some foreign experience is given. By studying the views of scientists, the author creates a holistic view of the legal nature and the actual role of the decisions of the Constitutional and Supreme courts of the Russian Federation. The relevance of the problem of consideration of decisions issued by these courts in the system of sources of law is demonstrated on the basis of labor law examples. The main features of these resolutions are their normativity and the importance of the provisions enshrined in them from the position of eliminating legal uncertainties. According to the results of the study, the conclusion is made about the modern source value of the considered acts of the Supreme judicial authorities both in General in the domestic legal system and in labor law in particular. Conceptually, it is proposed to designate this in the draft Federal law «On normative legal acts in the Russian Federation». At the end of the work the positive character of the proposed innovation is argued.

Key words: source of law, Constitutional Court of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation, rulings.

Анализируя современную литературу, нетрудно заметить, что в отечественной правовой науке за последние годы актуализировалась дискуссия об отношении судебных практики и прецедента к числу источников российского права. Нерешенность данного вопроса на доктринальном уровне подтверждается расхождением мнений ученых. Обобщая их, можно выделить две основные общетеоретические позиции. Сторонники традиционной концепции основываются на том факте, что Россия не относится к странам с англосаксонской системой права, поэтому судебные прецеденты не должны относиться к числу форм (источников) права. По убеждению же другой группы ученых, судебный прецедент следует включать в систему источников права. В российской правовой действительности последняя позиция стала доминировать и получила широкое развитие. Как практикующие юристы, так и научные работники постоянно высказывают новые доводы и аргументы в обоснование предлагаемой идеи, в частности, это можно проследить в трудах И.В. Ахметзяновой [1, с. 79-81], Н.Е. Леонтьевой [9, с. 32-40] и др.

Вместе с тем сегодня в правовой литературе можно встретить и весьма осторожные взгляды. Например, С.В. Ткаченко полагает, что институт судебного прецедента можно оценивать как некий «дополнительный источник права», одновременно исследуя причины, не позволяющие полноценно заимствовать и внедрить его в российскую правовую систему [15, с. 42]. Такой же подход все больше приобретает популярность и в оценке решений Конституционного Суда РФ, когда ученые рассматривают их в качестве вспомогательных (или косвенных [4, с. 56]) источников права.

Между тем, к примеру, Л.А. Морозова выступает против всяких полномочий судебного правотворчества. Она настаивает на позиции, заключающейся в том, что высшие суды России могут разъяснять и конкретизировать уже существующие нормы права, но при этом они способны создавать и реально формируют некую «судебную доктрину правового содержания», которая, в свою очередь, может выступать непосредственным источником права [11, с. 27-33]. Применение подобного рода новых и несвойственных юридической доктрине понятий вызывает неоднозначное толкование и в определенной мере усложняет дискуссию. На наш взгляд, при всем богатстве научных мнений в ней следует принципиально разобраться с помощью классических и всем известных терминов.

Как видно из некоторых приведенных высказываний, в настоящее время опрометчиво отсутствует единый подход в применении понятийного аппарата и концептуальный взгляд на значение актов судебных органов. В то время как в указанном споре, прежде

всего, для его разрешения необходимо разграничивать употребляемые термины, современное понимание которых сегодня, к сожалению, отличается неопределенностью. В поднимаемой дискуссии в основном используется такой ряд спорных дефиниций: «судебный прецедент», «судебная практика» и «акты высших судебных органов». Несмотря на дискуссионность их определения, по нашему мнению, можно попытаться на основе анализа юридических словарей выделить ключевое их осмысление следующим образом.

Судебный прецедент – это решение определенного суда по конкретному делу, что иногда дополняется признаком обязательности данного решения в аналогичных ситуациях для нижестоящих инстанций. Думается, что такое дополнение актуально для стран с англосаксонской правовой системой. В российских же условиях судебный прецедент чаще употребляется в значении казуса, конкретного решения суда. В то же время прецедент не следует отождествлять с судебной практикой, последнее понятие является наиболее широким и реже применяемым в значении источника права.

Судебная практика есть множественность судебных актов, образуемых в процессе деятельности судебных органов РФ по гражданским, административным, уголовным делам с конкретным применением норм права, регулирующих схожие отношения. В настоящее время актуальна дифференциация судебной практики на общероссийскую и практику Европейского Суда по правам человека.

Что касается актов высших судебных органов, как правило, ими называют решения, вынесенные Конституционным Судом и Верховным Судом РФ. В соответствии с действующим российским законодательством итоговые решения названных судов разнообразны (например, определения, постановления, заключения). Вряд ли все они могут быть признаны источниками права, поскольку имеют характерные отличия.

Охват названных терминов и их значение в соотношении друг с другом, как видно, имеют принципиальные различия, поэтому решающую роль в рассматриваемой проблематике играет использование корректных терминов и единое (общее) понимание указанных определений.

В данном контексте хотелось бы привести мнение Е.Н. Воронова. Он полагает, что хотя «правовые прецеденты и судебная практика официально не признаны источниками права в нашей стране, но все же на практике они являются таковыми» [2, с. 20]. С учетом вышеобозначенных понятий не представляется возможным согласиться с такой обширной позицией, поскольку, по существу, как судебные прецеденты, так и судебная практика – это собиратель-

ные понятия, включающие в себя множественные и разнообразные по характеру и содержанию решения судов различных инстанций. При этом полагаем, что конкретное решение суда, к примеру, первой инстанции следует рассматривать в качестве судебного прецедента, и он, безусловно, будет включаться в общую базу судебной практики. Но вместе с тем такое решение не носит нормативного характера, его содержание не устанавливает ни новых норм права, являясь отдельным правоприменительным актом, и не имеет общеобязательных для исполнения требований к поведению иных участников общественных отношений, за исключением тех, которых непосредственно касалось вынесенное решение.

Иными словами, акты органов судебной власти следует различать друг от друга, поскольку они обладают разной сферой действия и признаками, характеризующими их содержание. На наш взгляд, признаками источников права обладают только постановления Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Они обладают признаком нормативности, т.е. распространяют свое действие на неограниченный круг лиц. Судебная ветвь власти, как и остальные, вправе участвовать в нормотворчестве и формировать правовые акты непосредственно в значении источников права. Поэтому правомерно утверждать, что Конституционный Суд и Верховный Суд, в т.ч. руководствуясь положениями ст. 125 и 126 Конституции РФ, наряду с осуществлением функции правосудия, являются субъектами правообразования.

По существу, обязательные для исполнения постановления Конституционного Суда РФ, где отражается (не) конституционность закона, примененного или подлежащего применению, и постановления Верховного Суда РФ, где разъясняются положения по вопросам судебной практики, отражают не просто правовые позиции названных высших судов, а имеют силу источника права. Более того, по итогам признания каких-либо положений или закона неконституционными на основании вынесенного постановления Конституционного Суда данный акт или его отдельные положения утрачивают силу (ч. 6 ст. 125 Основного Закона). Так, например, произошло с абзацами 1-8 ст. 3 Федерального закона от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности». Они признаны судом не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой перечень видов профсоюзных организаций рассматривается как исчерпывающий перечень (постановление Конституционного Суда РФ от 24.10.2013 № 22-П).

В то же время на основании постановлений Пленумов Верховного Суда РФ выносятся решения судов всех нижестоящих уровней, которые фактически буквально воспроизводят их формулировки с целью мотивирования своего решения.

В последнее время в юридической литературе активно обсуждается вопрос об особой все возрастающей роли Конституционного Суда РФ и феномене его решений в контексте правовой системы, все чаще речь идет о формировании правовых позиций данным судом, а в конституционном праве им справедливо придается особая значимость [6, с. 3-9; 17, с. 146-148].

Между тем, на наш взгляд, не только «конституционно-судебное постановление» следует рассматривать как «флагманский правоприменительный акт» [16, с. 56] и в роли формы права, но и постановления Пленума Верховного Суда РФ, в т.ч. по вопросам регулирования социально-трудовых отношений. Приведем убедительные, на наш взгляд, примеры из постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами РФ Трудового кодекса РФ» от 17.03.2004 № 2 (в редакции от 24.11.2015). Только в положениях данного постановления определены такие важные для правоприменения трудовые категории, как: «деловые качества» работника и лица, поступающего на работу (п. 10); «злоупотребление правом» в трудовых отношениях, в частности со стороны работника (п. 27); «другая местность» и «структурное подразделение» (п. 16), что имеет немаловажное значение при осуществлении переводов работников и др. Заметим, что Трудовой кодекс РФ перечисленные понятия, несмотря на их значимость, к сожалению, не раскрывает.

В свете регулярного обобщения практики Верховным Судом РФ в постановлениях Пленума трудовое законодательство (впрочем, как и любое другое), как правило, толкуется единообразно, даже при наличии в нем продемонстрированных пробелов. Однако при изучении региональной практики по разрешению трудовых споров можно также заметить отличные позиции по трактовке норм того же Трудового кодекса в разных субъектах РФ (к примеру, в разные периоды времени это проявлялось по вопросам начисления заработной платы, предоставления отпусков и т.д.) [10, с. 81]. В случае же официального признания постановлений Пленума Верховного Суда РФ в качестве источников права последнее потенциально могло бы устранить данные отличия. Считаем, что они недопустимы по вопросам, регулируемым на федеральном уровне и не имеющим особенную региональную правовую регламентацию.

Очевидно из приведенных примеров, что высшие судебные органы вырабатывают правовые положения, с помощью которых напрямую регламентируются трудовые и иные связанные с ними отношения. Кроме того, они оперативно устраняют коллизии, пробелы и иные ситуации правовой неопределенности, выравнивая правоприменение по тому или иному вопросу. Именно поэтому такую деятельность названных су-

дов можно оценить только позитивно, поскольку она эффективно влияет на качество правового регулирования отношений в сфере труда.

На этом основании неуместно все судебные прецеденты относить к числу источников права вообще и в отношении какой-либо отрасли в частности. Равно как и богатую, обширную практику всех судов ошибочно рассматривать в качестве таковых. Указанный выше и предлагаемый Е.Н. Вороновым подход является неоправданно широким и искажает истинную ситуацию в практике судов по рассмотрению дел.

В поднимаемом в настоящей работе основном дискуссионном вопросе важно не подменять одни понятия другими, а корректно и единообразно их употреблять. В этой связи представляется наиболее удачной позиция, согласно которой ставится вопрос об отнесении к источникам права только отдельных актов высших судебных органов власти. Неоправданно все акты судебного правотворчества относить к числу источников права. Многие постановления Конституционного и Верховного судов РФ не просто устанавливают значимые положения в регулировании разнообразных общественных отношений, имея источниковое значение, но и одновременно побуждают законодателя к совершенствованию действующих нормативных правовых актов, как, например, это произошло при разработке Федерального закона от 21.11.1995 № 175-ФЗ «О порядке разрешения коллективных трудовых споров» на основании многих положений из постановления Конституционного Суда РФ от 17.05.1995 № 5-П.

При этом следует отметить, что предлагаемый подход не носит принципиально нового характера, имеется соответствующий накопленный опыт в других странах. К примеру, в ст. 4 Конституции Республики Казахстан предусмотрено, что действующим правом являются нормы Конституции, соответствующих ей законов, иных нормативных правовых актов, международных договорных и иных обязательств Республики, а также нормативных постановлений Конституционного Совета и Верховного Суда Республики [7]. При этом нормативные постановления Верховного Суда фактически, как и в России, содержат разъяснения по вопросам судебной практики.

Одновременно с проведенным исследованием следует сказать, что, по сути, к аналогичным выводам приходили отечественные ученые – представители из иных отраслей права. В подтверждение изложенному ограничимся приведением следующих отраслевых примеров из новейшей юридической литературы. Так, К.А. Пономарева в своих трудах рассматривает судебные акты в системе источников налогового права [12, с. 12-16].

В.В. Краснов в системе источников трудового права справедливо предлагает рассматривать лишь отдельные виды актов судебных органов [8, с. 81-85].

Еще более широкие подходы прослеживаются в научных работах Н.В. Самсонова. Он интерпретирует акты высших судебных органов РФ и даже «обязательные постановления» Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, утверждаемые его Президиумом, в цивилистическом процессе в качестве форм права [14, с. 39-43; 13, с. 3-8].

А Е.Н. Дробышева поднимает вопрос о признании правовых позиций Верховного Суда РФ источниками права при рассмотрении уголовных дел [5, с. 95-102].

Таким образом, российская действительность и юридическая наука аргументированно и весьма настоятельно заставляют общество пересмотреть позицию о роли отдельных актов высших судебных инстанций в отечественной правовой системе. Оценка данного вопроса сегодня видится однозначной, и уже достаточно как доводов, так и фактов, которые позволяют поставить точку в обозначенной дискуссии. В этой связи представляется необходимым официальное закрепление данной правовой позиции в России, а именно признаний постановлений Конституционного и Верховного судов РФ действующим источником (формой) национального права. При этом официально отразить это можно в Федеральном законе «О нормативных правовых актах в РФ», процесс принятия которого в нашей стране, к сожалению, затянулся.

Представляется, что это станет решающим шагом в когда-то названной Г.А. Гаджиевым «прецедентной революции» в России на магистральном пути «по созданию общественного капитала в виде совокупности разумных судебных правоприменительных и одновременно правотворческих решений» [3, с. 12]. Изложенное в рамках реформирования правовой и законодательной системы РФ позволит устранить одну из вечных дискуссий как в научном сообществе, так и в правоприменительном пространстве, а также благополучно повлияет на формирование правового сознания и мышления граждан, прежде всего, в русле доверия к закону и действиям государства. Одновременно это неизбежно приведет к четкой структурированности источников российского права, включая трудовое право, обеспечит стабильность и последовательность при издании высшими судами нормативных постановлений, а равно позволит оптимизировать работу законодательных органов власти, в т.ч. во взаимодействии с судебными органами, в нашем государстве.

Литература

1. Ахметзянова И.В. Судебный прецедент в системе источников права России // INTERNATIONAL INNOVATION RESEARCH: сборник статей XII международной научно-практ. конф-ции: в 3 ч. Пенза: Наука и Просвещение, 2018. С. 79-81.
2. Воронов Е.Н. Еще раз к вопросу о прецеденте как источнике российского права // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7. № 4 (25). С. 20-25.
3. Гаджиев Г.А. Решения высших судов России как общественный капитал // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 1. С. 3-16.
4. Григорьев К.Е. Решения Конституционного Суда РФ как источник российского права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 56-61.
5. Дробышева Е.Н. О правовых позициях Верховного суда Российской Федерации: теоретический и практический аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3 (45). С. 95-102.
6. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 3-9.
7. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года. URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 19.05.2020).
8. Краснов В.В. Место актов органов судебной власти в системе источников современного права Российской Федерации // Крымский академический вестник. 2018. № 8. С. 81-85.
9. Леонтьева Н.Е. Является ли прецедент источником права в России? // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 32-40.
10. Минкина Н.И. Судебное толкование Трудового кодекса Российской Федерации: от критики к пользе // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2017. № 15 (15). С. 80-83.
11. Морозова Л.А. Судебные акты и их роль в правообразовании // Провинциальные научные записки. 2018. № 2 (8). С. 27-33.
12. Пономарева К.А. Судебные акты и акты «мягкого права» в системе источников налогового права // На логи – журнал. 2018. № 6. С. 12-16.
13. Самсонов Н.В. К вопросу о расширении состава источников гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 8. С. 3-8.
14. Самсонов Н.В. О значении актов высших судов России для совершенствования гражданского судопроизводства // Российский судья. 2019. № 2. С. 39-43.
15. Ткаченко С.В. Возможность рецепции института судебного прецедента в правовую систему России // Российский судья. 2018. № 11. С. 42-46.
16. Чашин А.Н. Доктринально-правовые нормы в российской судебной практике // Государство и право. 2019. № 1. С. 56-64.
17. Яковлева Т.А. Акты Конституционного Суда РФ в системе источников российского права // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 3-8. С. 146-148.